

A
KOREAN GRAMMAR

by
G. J. RAMSTEDT

Suomalais-ugrilaisen Seuran Toimituksia LXXXII
Mémoires de la Société Finno-ougrienne LXXXII

HELSINKI

1939

Г. Рамстедт

ГРАММАТИКА КОРЕЙСКОГО ЯЗЫКА

Перевод с английского и примечания

А.А. Холодовича

Под редакцией и с предисловием

проф. Б. К. ПАШКОВА

1951

ИЗДАТЕЛЬСТВО

ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Москва

«Грамматика корейского языка» составлена известным финским языковедом, специалистом по монгольским и тюркским языкам Г. Рамstedтом. Среди других зарубежных работ по корейскому языку она выгодно выделяется стремлением автора раскрыть специфику грамматического строя корейского языка и установить реальные связи последнего с маньчжуро-тунгусской группой языков. Книга предназначена для исследователей языков народов Дальнего Востока и специалистов по общему языкознанию.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Корейский язык — родной и государственный язык Корейской народно-демократической республики. На корейском языке говорит около 30 миллионов человек. Корейский язык относится к числу мало изученных языков мира. Положение его среди других языков мира до последнего времени считалось невыясненным.

В нашей отечественной науке изучение корейского языка было представлено работами М. Пуцилло (Опыт русско-корейского словаря, СПб, 1874), К. Кузьмина (Элементарное пособие к изучению корейского языка, Хабаровск, 1900) и «Опытном краткого русско-корейского словаря;», Казань, 1904.

Планомерное изучение корейского языка в России началось с 1901 г., когда во Владивостоке в Восточном институте была организована специальная кафедра корейского языка, возглавляемая на протяжении 20 лет проф. Г. В. Подставиним. Им был разработан ряд учебных руководств по корейскому языку для студентов. Ввиду малочисленности изучающих корейский язык (студентов насчитывались единицы) эти руководства не печатались, а распространялись по большей части в рукописях. Особого внимания заслуживают разработанные и опубликованные Г. В. Подставиним в „Известиях Восточного института“¹ программы по корейскому языку для студентов Восточного института. В них отражены взгляды проф. Подставина на происхождение, развитие и структуру корейского языка, получившие в дальнейшем подтверждение, в исследованиях других специалистов. После Подставина корейским языком занимался

¹ См. «Известия Восточного института», т. II, приложение: „Обзор преподавания наук в Восточном институте на 1900/01 и 1901/02 академические годы“, стр. 255—258; Владивосток, 1901, а также т. IV, 1904; т. XVII, 2-е приложение, 1916.

проф. Е. Д. Поливанов, опубликовавший в „Известиях Академии наук СССР" (1927) работу „К вопросу о родственных отношениях корейского и «алтайских» языков", в которой он указал на более близкие связи корейского языка с маньчжурскими, монгольскими и тюрко-татарскими языками, чем с какими-либо иными. До XX в. корейским языком занимались главным образом католические миссионеры. С начала XX в. миссионеров на этом участке сменяют японцы: японский империализм начинает вытеснять из Кореи европейских империалистов. Вследствие этого и деятельность миссионеров, как передового аванпоста европейского капитала в Корее, сокращается. Японская корееведческая литература служит империалистическим интересам и стремится оправдать захватническую политику Японии, доказывая „родство" корейцев и японцев в этнографическом, языковом и культурном отношении. Работы миссионеров и японских „ученых" по корейскому языку не представляют научной ценности. Использование их допустимо с большими оговорками и ограничениями. Наибольшего внимания из зарубежных работ вообще заслуживают лишь работы А. Экардта (практическая грамматика корейского языка, Гейдельберг, 1923) и Г. Рамстедта (научная грамматика корейского языка, Хельсинки, 1939); первая из них написана на немецком, вторая — на английском языке.

По вопросу о положении корейского языка среди других языков мира в зарубежной литературе не имеется единого установленного взгляда.

По мнению одних (Хюльбер), корейский язык вместе с дравидскими языками Южной Индии составляет одну семью — южно-туранскую, и предки корейцев, родственные дравидским племенам, будто бы были выходцами из Южной Индии¹. Доказательства, приводимые в пользу этого положения, оказались недостаточно убедительными, и оно не получило всеобщего признания.

Профессор бывшего Восточного института во Владивостоке П. П. Шмидт в своих исследованиях, касающихся тун-

¹ Литературу по этому вопросу см. в работе Н. В. Кюнера, Очерк Кореи, Владивосток, 1912. стр. 227—229.

гусо-маньчжурских языков, напротив, высказывал предположение о связях корейского языка, наряду с маньчжурским и монгольским языками, с северными палеоазиатскими (гилякским), находя в тех и других языках общие фонетические явления и учитывая их близкие исторические связи в прошлом¹.

«Ученые» империалистической Японии (Канадзава, Ямадзи и др.), как уже указывалось, старались доказать „родство“ корейцев с японцами. Доказательства, приводимые в пользу этого „открытия“, лишены какой бы то ни было научной достоверности. Интересны были отклики в японской прессе на это „открытие“. „Japan w. Chronicle“ в номере от 6 июля 1909 г. писала о том, что родство корейского языка с японским, „установленное“ Канадзава, наводит на мысль о легкости, с которой можно будет японизировать корейцев, и что это „открытие“ доставило японским государственным деятелям прочную основу для установления принципов постоянной политики в Корее. Когда в следующем 1910 г. японские империалисты захватили Корею, они усиленно взялись за насильственное внедрение японского языка и начали изгонять родной корейский язык из учреждений и из школы. Такая политика проводилась вплоть до 1945 г., когда Советская Армия разгромила японских захватчиков и освободила Корею. Насильственная ассимиляция корейского языка Японцами привела к тому, что корейский словарь был чрезмерно засорен японизмами, но она не уничтожила национальную самобытность корейского языка, на что так надеялись японские колонизаторы.

Марксистское учение о развитии языка и о скрещивании языков, изложенное товарищем Сталиным в труде „Марксизм и вопросы языкознания“, получает здесь блестящее подтверждение. „История отмечает,—учит И. В. Сталин,—большую устойчивость и колоссальную сопротивляемость языка насильственной ассимиляции“². В течение 35-летней упорной насильственной ассимиляции японским оккупан-

¹ См. его „Chinesische Elemente im Mandschu“ в „Asia Major“, т. VII, вып. 4, Лейпциг, 1932.

² И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания. Госполитиздат, 1950, стр. 26.

там не удалось превратить корейский язык в японский. Интересно отметить, что Экардт, изучавший корейский язык на месте в Сеуле в разгар японской оккупации (1923 г.) и хорошо знавший о „связях“ корейского языка с японским, все же утверждает, что корейский язык даже ближе к индоевропейским (к санскриту), чем к японскому языку, и попутно указывает, что доказательства японских ученых в пользу корейско-японского родства лишены научной достоверности.

Остается еще сказать о связях корейского языка с китайским. На протяжении ряда веков (более полуторы тысячи лет; по другим данным — около трех тысяч лет) корейцы пользуются китайской иероглифической письменностью и находятся под воздействием китайской культуры. Это дало повод некоторым исследователям (Эдкинс) считать корейский язык особой разновидностью китайского языка. Однако такой вывод глубоко ошибочен. В самом деле, если в словарном составе корейского языка насчитывается до 75% слов китайского происхождения (по данным одного корейско-японского словаря, содержащего 58717 слов, более 40000 из них приходится на долю заимствований из китайского языка), то это еще не означает, что корейский язык в какой-то степени утратил свою самобытность.

Здесь следует указать на два обстоятельства: во-первых, значительная часть основного словарного фонда корейского языка является исконно корейской, во-вторых, что более важно, корейский язык сохранил свой грамматический строй, в распоряжении которого находятся как исконно корейские, так и все заимствованные слова.

Этот вывод соответствует марксистско-ленинскому учению о языке и его развитии. И. В. Сталин учит, что „...словарный состав, взятый сам по себе, не составляет еще языка, — он скорее всего является строительным материалом для языка. Подобно тому, как строительные материалы в строительном деле не составляют здания, хотя без них и невозможно построить здание, так же и словарный состав языка не составляет самого языка, хотя без него и немыслим никакой язык. Но словарный состав языка получает величайшее значе-

ние, когда он поступает в распоряжение грамматики языка, которая определяет правила изменения слов,, правила соединения слов в предложения и, таким образом, придает языку стройный, осмысленный характер".

Русские ученые, изучавшие языки Дальнего Востока: (Бичурин, Кафаров и др.), еще в первой половине прошлого века указывали на близость корейского языка маньчжурским и монгольским языкам, исходя не только из данных этих языков, но и из их исторических связей. В дальнейшем Подставин и Шмидт привлекли дополнительные материалы для доказательства этой близости. Проф. Поливанов в 1927 г. указывал, что сравнительная грамматика алтайских языков (т. е. языков тюркских, монгольских и маньчжуро-тунгусских), заменившая собою лишенные достоверности урало-алтайские гипотезы Боллера, Грюнцеля, Винклера и др., в настоящее время, после работ Рамstedта, Б. Я. Владимирцова и др., уже вышла из стадии подготовительного „нащупывания почвы" и стала подлинной наукой и что корейский язык действительно является членом алтайской семьи языков -. Включение корейского языка наравне с маньчжурскими, монгольскими и тюрко-татарскими в алтайскую семью языков оправдывается не только фонетическими, морфологическими и лексическими совпадениями, но и историческими судьбами носителей этих языков.

Следует сказать, что ученые, на которых мы ссылались, кроме проф. Подставина, специально корейским языком не занимались, а интересовались им только в связи с другими языками и с другими вопросами.

Предлагаемая вниманию советского читателя грамматика известного монголиста проф. Рамstedта написана в плане лучших традиций русской востоковедной школы. Автор — крупный специалист в области алтайских языков. Своим исследованием он еще более подтверждает близость корейского языка, сохранившего свою национальную самобытность, не с южными и отнюдь не с японским язы-

¹ И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, стр. 23.

² Е. Д. Поливанов «К вопросу о родственных отношениях корейского и „алтайских" языков („Известия Академии наук СССР", 1927).

ками, а только с северными и северо-западными тунгусо-маньчжурскими, монгольскими и тюрко-татарскими языками. Он прямо говорит, что „корейский язык является ветвью алтайской семьи языков“.

В изложении грамматического строя корейского языка Рамстедт исходит главным образом из принципа изменяемости (или неизменяемости) слова и делит все корейские слова на три группы, а именно:

1. Имена с их склонением и иного рода изменениями, свойственными имени.
2. Глаголы с их спряжением и иного рода изменениями, свойственными глаголу.
3. Частицы и вообще все неизменяемые слова.

В категорию имени он включает существительное, местоимение, числительные и именные послелогии. В категорию глагола — глаголы и прилагательные (качественные глаголы), а также глагольные послелогии. К категории неизменяемых слов относятся все безударные частицы, междометия и такие самостоятельные формы имен и глаголов, которые не воспринимаются более как элементы той парадигмы, в составе которой они первоначально возникли (ср. п. 76).

Эта классификация Рамстедта не является новой и оригинальной. Впервые к корейскому языку она была применена проф. Г. В. Подставиным. В своих программах по корейскому языку, отмеченных выше, он упоминает о „распределении лексического состава корейского языка по трем категориям, или частям речи (имена, глаголы и вспомогательные частицы — служебные слова), и выполнении последними соответствующих функций в предложении“.

В раздел „Имена“ он включает: „Имена существительные, местоимения и числительные и их подразделение на отдельные разряды и виды по значению и производству. Собственные имена, существительные в роли местоимений, местоимения в значении предметных и относительных имен, местоимения - личные, возвратные, вопросительно-неопределенные, определительные и указательные, местоимения в роли членов — определенного и неопределенного, числительные — количественные и

порядковые, числительные частицы и специальные образования терминов счисления".

К разделу „Глаголы" относятся; „Глаголы в собственном смысле (переходные и непереходные) и глаголы качественные (имена прилагательные). Общее понятие о спряжении корейского глагола: основы спряжения и последовательное наращение признаков глагольных форм и окончаний. Обзорение важнейших форм спряжения. Деление форм спряжения на окончательные и неокончательные. Безотносительная форма (неопределенное наклонение). Формы повелительного наклонения. Изъявительное наклонение: формы описательные и повествовательные, формы утвердительного и отрицательного значения; изменение форм изъявительного наклонения по степеням учтивости. Особая категория форм сомнения и обобщения.

Формы определительные (причастные) и обстоятельственные (деепричастные); образование важнейших деепричастных форм (слитной, разделительных, соединительных, условных, уступительных, причинных, сопоставительных, временных и пр.).

Отрицательная основа и спряжение глагола в отрицательных формах. Образование глаголов намерения и желания, побудительных и потенциальных. Глаголы учтивости. Глаголы в роли междометий.

Сложные глагольные формы и специальные глагольные обороты. Отглагольные имена существительные. Отглагольные наречия. Вспомогательные глаголы. Недостаточные глаголы".

В раздел „Частицы" Г. В. Подставин относит: „Учение о послелогах, устанавливающие соотношение между членами предложения (падежные частицы). Частицы, сохранившие самостоятельное значение; наречные и восклицательные частицы. Частицы множественного числа. Частицы отрицания. Представки для распознавания рода"¹.

Проф. Подставин в классификации корейских слов в свою очередь исходит из классификации, принятой для

¹ См. „Обзорение преподавания наук в Восточном институте» Шб, Корейский язык”, „Известия Восточного института", т. XVII, 2-е приложение, Владивосток, 1916.

монгольской лексики известным монголистом А. Бобровниковым в его „Грамматике монгольско-калмыцкого языка" (Казань, 1849). Интересно сопоставить классификацию Бобровникова с классификацией слов в китайском языке. Китайские языковеды издавна делили свои слова на три категории: ши-цзы (имена — „мертвые" слова), хо-цзы (глаголы — „живые" слова) и сюй-цзы (частицы — „пустые" слова). Следует, однако, отметить, что прилагательные у Бобровникова включены в раздел имени, а у Подставина, а за ним и у Рамстедта — в раздел глагола на правах так называемого качественного глагола.

Необходимо также указать, что замечание Подставина в упомянутой программе о „преобладающем значении глагольных корней в корейском языке" реализуется в грамматике Рамстедта как положение преимущественной роли сказуемого в построении предложения по сравнению с другими членами.

Эта особенность характерна и для монгольских языков. Так, проф. Г. Д. Санжеев в „Синтаксисе монгольских языков" пишет: „В монгольском предложении мы должны различать следующие его члены: сказуемое, как минимум или фундамент предложения, подлежащее и дополнение. Далее идут определения и служебные члены: связка и показатели членов предложения. Последние (определения и служебные члены) играют по отношению к первым подчиненную роль. Дополнения, а также и подлежащее, с точки зрения исторического развития монгольского синтаксиса, должны быть рассматриваемы входящими в состав сказуемого"¹.

Таким образом, и Подставин и Рамстедт, будучи оба специалистами по монгольским языкам, сближают грамматический строй корейского языка с грамматическим строем монгольского, выделяя как характерную особен-

¹ Г. С а н ж е е в, Синтаксис монгольских языков, М., 1934, стр. 8. В своей „Грамматике калмыцкого языка" (М., 1940) проф. Санжеев говорит: „В состав предложения в калмыцком языке входят сказуемое, подлежащее, дополнение и определение. Из этих четырех членов предложения фундаментом или минимумом последнего (предложения) является сказуемое, тогда как и подлежащее и дополнение суть не что иное, как то, что образует надстройку сказуемого" (стр. 86).

ность корейского языка наличие глагольных форм спряжения у имени прилагательного и включая поэтому последнее в разряд глагола. Но это не значит, что они отождествляют прилагательное с глаголом; они подчеркивают и различие между ними, называя глагол — глаголом в собственном смысле, а прилагательное — качественным глаголом, указывая при этом и на некоторое различие их форм в атрибутивной (определятельной) позиции, а также и на другие различия.

Проф. Подставин в ряде случаев употребляет и одинаковую терминологию для общих грамматических категорий. Особенно это заметно в наименовании глагольных форм. Все это указывает на некоторого рода общность грамматической структуры обоих языков, причем эта общность несколько не меньше той, которая наблюдается между корейским и японским языками и на которую ссылаются сторонники псевдонаучной теории „родства“ этих языков.

В грамматике Рамстедта обращает на себя внимание некоторое несоответствие в объеме между морфологией и синтаксисом. Почти все внимание Рамстедт уделяет морфологии, синтаксису у него отводится только несколько страниц. Это очевидное несоответствие может навести на мысль, что Рамстедт, выдвигая на первый план „морфологию и преуменьшая значение синтаксиса, неправильно истолковывает грамматический строй корейского языка. Скорее всего это объясняется неразработанностью корейского синтаксиса.

Но в этом случае необходимо иметь в виду следующее. Рамстедт в изложении грамматики корейского языка придерживается той системы, которая у нас была принята со второй половины прошлого века и которая характеризовалась тем, что морфологию, называвшуюся тогда этимологией, излагали с обязательной иллюстрацией каждой формы ее синтаксическими функциями. Поэтому на долю синтаксиса оставалась только систематизация изложенных в этимологии синтаксических категорий, данных там в связи с формами словоизменения, и изложение тех синтаксических категорий, которые непосредственно не связаны с формами изменения

слов (порядок слов, типы предложения, прямая и косвенная речь, пунктуация). В таком плане излагались грамматики монгольского, маньчжурского и некоторых тюрко-татарских языков. Поэтому знаменитый русский синолог В. П. Васильев и говорил: „Коль скоро пройдена этимология, то пройден и синтаксис“¹.

Рамстедт заострил внимание на морфологии и в частности на категории глагола, будучи вынужденным к этому еще особенностями грамматического строя корейского языка, богатого разнообразными формами словоизменения и словообразования и представляющего особые трудности при изучении корейского языка.

По единодушному признанию специалистов, корейский язык в силу чрезвычайно развитой морфологии, отягченный к тому же китайской иероглифической письменностью" является труднейшим языком в мире. Такое представление усиливается еще и тем, что корейский язык недостаточно разработан.

При оценке грамматики Рамстедта необходимо учитывать еще дату ее издания—1939 год, когда сохранялась японская оккупация Кореи и корейское языкознание находилось в состоянии упадка. Тем не менее Рамстедт сумел составить такую грамматику корейского языка, которая превосходит все предшествующие зарубежные работы этого рода и которая дает наиболее правильную характеристику грамматического строя корейского языка. Правда, в ряде случаев Рамстедт не учитывает новых явлений в современном корейском языке и допускает устаревшие трактовки отдельных явлений (например, системы склонения, обозначения произношения некоторых глагольных форм).

После освобождения корейского народа Советской Армией в 1945 г. и образования Корейской народной-демократической республики корейский язык и корейское языкознание, не связанные путами японских колонизаторов, получили широкие возможности для своего развития.

¹ См. его обстоятельную статью „Об отношении китайского языка к среднеазиатским“, «Журнал министерства народного просвещения», 1872.

В Северной Корее созданы специальные комиссии по разработке грамматического строя и словарного состава корейского языка, которые частично уже опубликовали результаты своей работы.

Однако разбойничье нападение американских империалистов на Корейскую народно-демократическую республику прервало мирный созидательный труд корейского народа и заставило его с оружием в руках выступить на защиту своей свободы и независимости. Никто не сомневается в том, что после разгрома интервентов корейские ученые-языковеды усилят свои исследования в области языкознания.

В предлагаемом русском переводе грамматики Рамсфелда принята в качестве опыта русская транскрипция корейских слов, разработанная А. Холодовичем. Кроме этой транскрипции, имеются транскрипции Пуцилло, Подставина и Ким Тхя-хена. Транскрипция последнего помещена в его кандидатской диссертации „Корейская национальная письменность“. Ввиду недостаточной разработанности корейской фонетики, орфографии, а также многих вопросов грамматики, все эти транскрипции еще не могут считаться окончательными и стабильными; они нуждаются в дальнейшем усовершенствовании.

Проф. Б. Пашков.

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА

В европейских энциклопедиях корейский язык определяется как язык неизвестного происхождения. Вот почему во время моего пребывания в Японии я проявил некоторый интерес к этому языку. Первыми словами, которые, казалось, дали мне некоторый ключ к решению проблемы, были местоимения *и*, *йө* (этот) и *чө*, *т'ө* (тот), тождество которых с соответствующими словами монгольского и тунгусского языков очевидно. Побуждаемый этим открытием, за которым вскоре последовали другие интересные наблюдения, я принялся серьезно за изучение корейского языка и в 1924—1926 гг. использовал корейского студента Ю Чинголя в качестве учителя. Я собирал материалы по разговорному и письменному языкам, не прибегая к поездке в Корею, поскольку в самом Токио я имел достаточно возможностей заниматься с корейцами, тысячи которых проживают в этом городе. С помощью студента Ю я пробовал читать корейские книги и в свободное от служебных дел время изучил все доступные мне европейские грамматики этого языка. Большую помощь мне оказали книги: Ундервуда „An Introduction to Korean Spoken Language“, Иокогама, 1914, Джемса Гейла „Korean Grammatical Forms“, Сеул, 1916, и Андреаса Экардта „Koreanische Konversations-Grammatik“, Гейдельберг, 1923. Некоторые ценные сведения о корейских диалектах я нашел в книге Джона Росса „Korean Speech with Grammar and Vocabulary“, Иокогама, 1882, и в маленьком, но хорошем словаре, изданном на русском языке в Казани в 1904 г.: „Опыт краткого русско-корейского словаря“. Последняя работа имеет дело с языком, на котором говорят в окрестностях Владивостока (диалект, названный на последующих страницах кратко, но не вполне правильно, севернокорейским). Позже, когда я уже выработал себе собственную кон-

цепцию структуры этого мало изученного языка, особенно его глагольных форм, я познакомился с работами японских ученых Маэма и профессора Огура Симпэй. Едва ли стоит упоминать о небольших грамматических компиляциях, написанных корейцами, которые ничего ценного или нового мне не дали. Наиболее серьезными работами по корейскому языку и его диалектам остаются работы профессора Огура.

Обнаружив, что мой способ понимания структуры корейского языка, скрытой за китайской иероглифической письменностью, во многих отношениях отличается от понимания его европейскими и японскими учеными, я осмелился привести в порядок мои замечания о спряжении и склонении этого языка и составить его грамматику, несмотря на то, что мои знания языка не так широки и не так глубоки, как этого бы хотелось. Все же я убежден, что те читатели, которые имеют некоторые познания по монгольскому, маньчжурскому или турецкому, легко найдут в этой грамматике столь много интересных соответствий, что появление ее будет доброжелательно принято ими. Они согласятся со мною, что корейский язык является ветвью алтайской семьи языков. Я уже предложил обсуждению читателей этот взгляд в ряде небольших статей: „Remarks on the Korean Language“ (Mémoires de la Société Finno-Ougrienne, LVIII), „The nominal postpositions in Korean“ (там же, LXVII) и „Koreanisch *ke's* „Ding, Stück“ (Journal de la Soc. F.-Ougr. LXVIII, 4). Я надеюсь, что проблема происхождения корейского языка находится на правильном пути к своему окончательному решению и что эта грамматика будет способствовать лучшему пониманию характера и строения корейского языка.

Хельсинки, 1939.

Г. Рамстедт.

ВВЕДЕНИЕ

Как пишут корейцы

Так как корейцы в течение тысячелетий находились под культурным и политическим влиянием Китая, то естественно, что они, подобно японцам и аннамитах, должны были заимствовать китайскую манеру письма. Они записывают слова своего языка китайскими иероглифами, и эти иероглифы имеют, как правило, два произношения: китайское наименование (чтение) иероглифа и соответствующее ему по значению слово корейского происхождения. В корейском языке отсутствуют слова для множества отвлеченных понятий, и уже с древнейших времен многие слова и выражения этого рода были заимствованы из китайского. Много из того, что было в корейском языке раньше, оказалось утерянным с течением времени. Китайское влияние во многих отношениях преобразило и перестроило корейский язык; заглядывая в корейский словарь, находим, что около 90% лексического материала оказывается, собственно говоря, китайским. Но тем не менее грамматическая конструкция и наиболее ходовые слова повседневной речи имеют явно иное происхождение, удостоверяя таким образом, что корейский и китайский являются языками различного типа.

Уже в эпоху Силла (57 г. до н. э.—929 г. н. э.) корейцы в целях облегчения чтения, видимо, почувствовали необходимость в написании окончаний, и особенно глагольных, при китайских иероглифах. Эти окончания писались китайскими же иероглифами, но меньших размеров и функционировали как фонетические знаки с китайским произношением.

Позже корейцы познакомились с буддийской литературой, в частности на тибетском языке, и кажется наиболее вероятным, что тибетский способ письма был образцом для корейского алфавита, изобретенного, согласно существующей традиции, королем Седжон (1419—1451).

Алфавит, называемый *онмун* (точнее, *онмун*), хорошо приспособлен для передачи звуков корейского языка. Это не силлабическое письмо наподобие японской *кана*; это система знаков, где для каждого гласного и согласного есть свой собственный символ. Символы пишутся вместе, комбинируясь в группы. Каждая группа представляет собою слог, и такие слоги располагаются друг под другом, сверху вниз, в строчку, причем строчки следуют справа налево, на китайский манер. Корейский алфавит хорошо приспособлен для выполняемой им роли, он очень легок в чтении и письме. Но странно то, что эта корейская письменность употребляется или, вернее, считается пригодной лишь для детей-школьников и женщин, тогда как корейцы-мужчины считают признаком образованности употребление китайских иероглифов, отводя на долю корейских знаков обозначение окончаний да иной раз, в неясных, затруднительных случаях, обозначение иероглифа.

Чтение китайских иероглифов на корейской почве имеет длительную историю, и корейский способ произношения или чтения китайских иероглифов, так же как и японский, имеет исключительное значение для китаеведов. Поскольку в нашу задачу не входит исторический обзор китайских чтений и китайских иероглифов, постольку в дальнейшем мы стараемся избегать, насколько возможно, китайских слов и выражений, пытаясь объяснить ту часть современного бытового корейского языка, которая является действительно корейской.

ФОНЕТИКА

СОГЛАСНЫЕ

1. Корейский алфавит имеет следующие знаки для согласных:

к	н	т	л(р)	м	п	с	нъ
ㄱ	ㄴ	ㄷ	ㄹ	ㅁ	ㅂ	ㅅ	ㅇ

Эти восемь знаков (и звуков) имеют следующие названия: *киок*, (*н*)*пын*, *чигыт* (*тигыт*), (*р*)*пыл*, *миом*, *пиоп*, *спот*, *пхэнъ* (*пынъ*).

Эти знаки употребляются как перед гласным, так и после гласного. Кроме того, есть еще знаки для

ч	чх	кх	тх	пх	х
ㅈ	ㅊ	ㅋ	ㅌ	ㅍ	ㅎ

Эти знаки употребляются только перед гласными. Знаки для *чх*, *кх*, *тх*, *пх* образуются путем легкого видоизменения непридыхательных (а именно путем присоединения черточки над знаками для соответствующих непридыхательных).

2. Корейский язык имеет больше звуков, чем число указанных выше знаков; но так как появление, например, звонких вариантов *г*, *д*, *б* отличается явной закономерностью, то существующих букв оказывается достаточно для того, чтобы правильно читать.

3. Корейский язык имеет три серии взрывных: непридыхательные, слабые звуки *к*, *т*, *п*, *ч*; сильно придыхательные звуки *кх*, *тх*, *пх*, *чх*; долгие, эмфатические, неаспирированные звуки *кк*, *тт*, *пп*, *чч*.

К, *т*, *п* и *ч* в положении перед гласными являются слабыми; это значит, что в момент эксплозии (взрыва) наблюдается слабое, вялое преодоление смычки соответ-

ствующих органов речи. Толчок воздушной струи, преодолевающей смычку, отсутствует, и „голос“ слышится либо немедленно после эксплозии, либо даже уже в процессе самой эксплозии. Если такому звуку предшествует звонкий, то „голос“ длится даже в течение того короткого момента выдержки, который необходим. Это означает, что глухие *к, т, п, ч* варьируются с полувзвонками *G, D, B, Dž* и звонкими *г, д, б, дж*. Таким образом, записанное корейскими буквами *ката* произносится *када*; *каке* произносится *каге*; *тораката* произносится *торагада*; *торапота* произносится *торабода*; *анча* произносится *анджа*; *камта* произносится *камда* и т. д.

Знаки *к, т, п* в положении после гласных и *л* служат для обозначения смычных, импловивная часть которых (то есть переход от гласного к последующей смычке) слышится ясно, но выдержка коротка, а взрыв либо незначителен, либо вовсе отсутствует. Таким образом, при произношении, например, слога *ап* последняя фаза артикуляции — эксплозия — вовсе не воспринимается на слух — явление прямо противоположное тому, что наблюдается, например, в английском, да и в большинстве других европейских языков. И все же корейцы, видимо, не испытывают затруднений в различении согласных *п, т, к* в положении после гласного в конце слога: *как, кап, кат*; для различения этих трех звуков не требуется последней фазы артикуляции.

Для обозначения согласного *т* в положении после гласного корейцы употребляют знак *с*, а не *т*.

4. Где два взрывных звука следуют один за другим, там первый из них поддерживается предшествующим гласным, а второй — последующим гласным. Переход от одной смычки к другой происходит без пропуска воздушной струи в промежутке между артикуляциями двух согласных: *капта, капко, пакта, пакча, купчи, кукп, папкук*.

5. Аффриката *ч* не может быть в конце слога после гласного; она произносится всегда вместе с гласным сле-

6. Согласные, которые обозначены здесь двойными буквами *кх, пх, тх, чх*, предшествуют гласному; иными словами, они произносятся вместе со следующим за ними гласным. Они могут быть определены как сильно придыхательные. При произнесении этих согласных отчетливо слышится ток воздушной струи между фазой эксплозии и следующим гласным. Эти согласные употребляются как в начале, так и в середине слова. Когда они находятся в начале слова, выдержка, смычка коротка. Но после предшествующего гласного смычка гораздо длиннее, а воздушная струя может слышаться также перед смычкой, перед выдержкой. В интервокальной позиции, например, *акха, атха, апха, ачха* и т. д. произносятся иногда как *ак-кха, ат-тха, ап-пха, ач-чха*, а иногда даже как *ахк-кха, ахт-тха, ахп-пха, ахч-чха*.

7. Когда сильно придыхательные звуки следуют после согласного, то перед смычкой тока воздушной струи не наблюдается; при этом переход от предшествующего согласного к придыхательному взрывному частично может быть оглушенным, если этот согласный звóнок.

8. Так как придыхательные согласные могут произноситься только вместе с последующим гласным, то естественно, что каждый такой звук переходит в соответствующий непридыхательный смычный, когда он оказывается в конце слога. Это — очень важное правило, потому что флектирующие слова, которые имеют придыхательный согласный в качестве последнего звука основы, теряют это придыхание в паузе, а также перед окончанием, начинающимся на согласный. Например, основа **патх* (поле), местн. п. *патх-е* (в поле), но им. п. *пат*; основа **типх* (солома), твор. п. **типх-ыро* (соломой), юж.-кор. *чипх-ыро*, но им. п. *тип* в севернокорейском и *чип* в южнокорейском языке; *нопхын* (высокий), *нопхатта* (был высоким), но *нопта* (быть высоким); основа **м'өчх* (сколько), *м'өчхил* (сколько дней), но им. п. *м'өт* (сколько).

9. Графемы *кк, тт, пп, чч* (= *тч*), *сс*, когда они встречаются в начале слова, приняты нами для передачи

особого рода артикуляции, где выдержка смычки (при сс-трении) длится примерно в два раза дольше, нежели у слабых согласных *к, т, н, ч, с*. Звуки эти произносятся эмфатически, со специфическим характером смычки (pressure) соответствующих органов речи, которая сопровождается смычкой или резким движением гортани. При отчетливом произношении регистрируется гортанный смычный ?, сопровождающий смычку в полости рта; однако, как кажется, этот гортанный смычный вовсе не обязателен. Имеются диалектальные варианты произношения этих звуков, но, несмотря на все различия, общим остается некоторое сжатие гортани и вызванный этим резкий и высокий тон последующего гласного. Этот высокий тон последующего гласного является не менее характерным, чем длительность смычки или трения предшествующего согласного. С исторической точки зрения корейские звуки этого рода, которые мы будем называть геминатами и которые сами корейцы называют *тдн* (< *тоин*), то есть „густыми“, являются чаще всего результатом стяжения двух смычных, разделенных первоначально кратким гласным. Насколько позволяет судить сравнение с соответствующими словами в родственных языках, первым смычным в большинстве случаев был *н*. Благодаря недостаточной артикуляции этот *н*, видимо, развился в звук, близкий к *ф*, за которым следовало особого рода *с* (глухой присвист?), чем объясняются такие старые написания как *пск-*, *пст-*. Однако вскоре этот редуцированный согласный был заменен гортанным смычным. Например: *пттал* (дочь), которое пишется или писалось *стал*, *пттал*, *пттал*, в зависимости от манеры пишущего, ср. голдское *patala* (дочь); *ссыда* (употреблять), которое пишется или писалось *ссыда*, *псыда*, ср. *мōпсын* (невозможный, плохой), этимологически *мō-псын* (бесполезный); *сси* (семья), которое пишется или писалось *сси*, *пси*, ср. *упси*, которое обычно пишется *упсси* и означает „семена, которые сеются позже между бороздами первого посева“, из *у* „верх, над“ и первоначального *пси* „семья“; ср. маньчж. *fisihe* (просо); *ккада* [очищать (кожуру)]!, которое пишется или писалось *пкада*, *скада*, *пскада*, ср. маньчж. *faharambi* с тем же значением.

10. Помимо указанного источника геминатов есть еще два пути их образования. Поскольку число согласных, возможных в конце слога, ограничено, артикуляция некоторых согласных конца слога могла быть воспроизведена, так сказать, регрессивно в начальном согласном слога; отсюда современное *ккөкта* (*ккөккө: ккөккын* — ломать) вместо старого *көск-*. Другой процесс, приведший к образованию геминатов, это абсорбция — поглощение предшествующего согласного, например, согласного окончания. Слово „цветок“ первоначально звучало **коч* (ср. яп. *куса* „трава“); окончание родительного падежа (*-й?*, *-с?*), которое во многих случаях предшествовало имени существительному **кот*, могло способствовать образованию современного *ккот*, которое ныне в сев.-кор., с исторической точки зрения, склоняется правильно (например, *ккодж-е* — в цветке), но в юж.-кор. дало такие новообразования как *ккотх-е*, *ккод-е*.

11. Графемы *кк*, *тт*, *пп*, *чч*, *сс* в середине слова употребляются для передачи только долготы согласного, точно так же как *нн*, *мм*, *лл* обозначают лишь долгий согласный, первая часть которого „подпирает“ предшествующий гласный, а вторая часть переходит в следующий гласный. Здесь, таким образом, существенной является лишь долгота. Само собою разумеется, что *кк*, *тт*, *пп*, *чч*, *сс*, *нн*, *лл* — это не два звука, а один долгий.

12. Если долгий согласный при спряжении или склонении слова оказывается в положении перед окончанием, начинающимся на согласный, то геминат заменяется соответствующим кратким.

13. Подобно *к*, *т*, *п*, которые в положении после гласного в конце слога (или слова) произносятся без взрыва, все прочие согласные в той же позиции произносятся аналогично, без явно уловимой эксплозии. Так, например, *ань*, *ан*, *ам* произносятся так, что отчетливо слышится смычка, переход от гласного к соответствующему согласному, но конец согласного не имеет третьей фазы смычного, то есть взрыва.

14. Если зубное *т*, которое этимологически может быть вариантом *тх*, *т*, *чх*, *ч*, *с*, как в спряжении, так и в склонении, оказывается в конце слога, а следующий слог начинается на согласный, то оно уподобляется последующему звуку. Например:

патта (получать), *паннын* (получающий), *пакко* (получаю и... получил и...), *пачча* (давайте получать). Основа *пат-* обнаруживается в *падатта* (получил);

утта (смеяться), *уннын* (смеющийся), *укко* (смеюсь и ...), *учча* (давайте смеяться). Основа *ус-* обнаруживается в *усэтта* (смеялся), *усым* (смех);

пэатта (похитить), *пэаннын*, *пэакко*, *пэачча*, *пэассө*. Основа *пэат-* обнаруживается в *пэадатта* (похитил);

итта (быть), *иннын*, *икко*, *иссө*. Основа *исс-* обнаруживается в *иссэтта* (был);

антта (сидеть), *аннын*, *анкко*, *анчча*, *анссө*. Основа *андж-* обнаруживается в *анджатта* (сел);

матта (соответствовать, быть в пору), *маннын*, *макко*, *мачча*, *массө*. Основа *мадж-* обнаруживается в *маджатта* (был в пору).

15. Приняв во внимание вышеописанное уподобление звука *т* в конце слога, сможем обнаружить его в качестве первоначального во многих корейских словах; так *паппуда* (спешить, торопиться) восходит к *патпуда* от основы **пас-* (давить, жать); *киппуда* (радостный) восходит к *киппуда* < **киспуда*; *киккөпта* (радостный) восходит к **кискөпта* и т. д.

16. Когда за *тх* и *т* следовал гласный или полугласный *и*, то севернокорейский сохранил эти *тх* и *т* в неизменном виде, а в южнокорейском *тх* и *т* дало *чх* и *ч* (соответственно *дж*):

тхйөн (небо), юж.-кор. *чхөч*,

тхйө-пхи (шкура соболя), юж.-кор. *чхо-пхи*,

тхйөи (тело), юж.-кор. *чхе*,

тйө (тот, то), юж.-кор. *чө*,

тйөхын (хороший), юж.-кор. *чөхын*,

тик'өнъ (граница), юж.-кор. *чиг'өнъ*,

тйөпси (блюдец), юж.-кор. *чөпси* (ср. монг. *tebsi*).

В севернокорейском есть диалекты, которые в этом случае сохранили старый зубной согласный; в других диалектах произошла депалатализация зубного: *т'ө* и *тө* (то, тот), *т'өпи* и *төпи* (небольшое блюдо, небольшая тарелка, блюдце), *т'охын* и *тохын* (хороший) и т. д. Все эти севернокорейские диалекты должны быть подвергнуты подробному изучению, поскольку они могут послужить критерием того, в каких случаях юж.-кор. *чх* и *чи* изначальны, а в каких случаях они являются следствием палатализации первоначальных *тхи* и *ти*.

17. В тех же севернокорейских диалектах юж.-кор. *чх* и *ч* отражается в одних случаях как *чх* и *ч*, в других случаях как *цх* и *ц*. Здесь *цх* и *ц* восходят к *чх* и *ч* твердым, тогда как *чх* и *ч* к *чх* и *ч* мягким:

чал (хорошо), сев.-кор. *цар*,
чул (линия), сев.-кор. *цур*,
царада (достаточный), сев.-кор. *царада*,
чакта (маленький), сев.-кор. *чакта* из **ч'ак*-,
чөджын (мокрый), сев.-кор. *цөдзын*,
чөлмын (молодой), сев.-кор. *чөрмун* из **ч'өрм*-.

18. Юж.-кор. *с* перед гласным произносится в севернокорейском либо *с*, либо *ш*. Сев.-кор. *ш* восходит к *с* мягкому. Перед гласным *и* согласный *с* в севернокорейском произносится только как *ш*.

сөда (стоять), сев.-кор. *шөда* из **с'ө*-,
мөгөсө (поев), сев.-кор. *мөгөшө* из **мөгөс'ө*.
сань (награда), сев.-кор. *шань*,
сур'өнь (глава местной администрации). сев.-кор. *шур'өнь*,
көс-и (вещь), сев.-кор. *көш-и*.

19. Поскольку в южнокорейском палатализованные *чх* и *ч* не противопоставлены твердым и произносятся как *чх* и *ч*, то существующее ныне правописание не является во всех отношениях надежным: пишут *ч'уда* и *чуда* (давать), тогда как в свете сев.-кор. *цуда* ясно, что принятое написание *ч'уда* исторически неправильно. То же самое относится и к правописанию *с* твердого и

мягкого: глагол „стоять“ записывают то *сѳда*, то *с'ѳда*; последнее написание скорее соответствует сев.-кор. *шѳда*.

В общем, севернокорейское произношение со всеми его вариантами представляет, с исторической точки зрения, гораздо большую ценность, нежели правописание, принятое ныне в сеульской печати.

20. В некоторых диалектах юга *кх* и *к* мягкие дали соответственно *чх* и *ч*:

<i>кил</i> (дорога)	<i>чил</i> (на острове Квельпарт)
<i>ким</i> (Ким — фамилия)	<i>чим</i>
<i>чиг'ѳнъ</i> (граница)	<i>чиджѳнъ</i>
[<i>киул</i> , <i>киури</i> (отруби из пшеницы)]	<i>чиури</i>

Такая эволюция *кх* и *к* представляет собой местное явление сравнительно недавнего происхождения. Подобного рода произношение не является образцовым, оно не попало в литературный язык, хотя в некоторых случаях и может обнаружиться в отдельных произведениях.

21. Когда за смычным следует носовой, то такой смычный уподобляется носовому: *мѳкта* (есть), но *мѳнънында* (ест); *патта* (получать), но *паннында* (получает); *пѳкма* (белая лошадь) произносится *пѳнъма*; *сипли* > *сипни* (десять ли — корейская мера длины) произносится *симни*; *м'ѳтнал* (сколько дней) произносится *м'ѳннал*; *ккотнада* (цвести) произносится *кконнада*; *аппи* (передний зуб) произносится *амни*; *пат-мада* (каждое поле) произносится *панмада* и т. д.

Это правило касается только сочетаний смычного с *н* и *м*, начинающими слог. Что касается *нъ*, то оно начинать слог не может.

22. В некоторых диалектах сочетание *нъ* + *г* произносится наряду с обычным *нѳг* как долгое *нънъ*: *калгид*а (скатываться, свертываться) произносится в одних диалектах как *канънъид*а, в других — как *канъгид*а, *камнъид*а; *симгид*а (сажать) произносится то *синънъгид*а, то *симнъгид*а, то *синъгид*а, в зависимости от говора.

23. Как нам кажется, в свое время в корейском языке существовал фонетический закон, согласно которому заднеязычное *нъ* в положении между гласными в силу постепенного ослабления артикуляции исчезало, результатом чего было в ряде случаев стяжение двух гласных в один. Под действием того же закона исчез и тот звук, который лучше всего может быть определен как палатальное *н*. Для этого носового согласного, который до некоторой степени был похож на слабо назализованное *й*, в корейском алфавите была особая графема, маленький треугольник Δ . Произношение этого звука варьировалось от диалекта к диалекту; артикулировался он очень слабо. Это явствует из весьма разнообразных способов передачи его на письме. Как особая фонема это мягкое *н* исчезло в корейском языке давно. Например, *кэ* (собака) записывается как *кан*, восходит к **кан'и* (ср. гиляцкое *кан* — собака, турецкое *қаңсиқ* — сука); *ка* (берег) восходит к *кан'*; *ои* (самка, о животных) восходит к **өн'и* (ср. тунг. *en'e* — мать).

24. Авторы маленького, но вполне надежного русско-корейского словаря, изданного в 1904 г. в Казани, употребляют два знака для *нъ*, отмечая таким образом различие между более сильным произношением *нъ* в конце слога и более слабым произношением его перед последующим гласным:

канъ (река), но *канъ-и* (относительно *-и* см. п. 86),
наранъ (страна), но *наранъ-и* и т. д.

Это ослабление артикуляции *нъ* перед гласным, как кажется, является древним; оно объясняет наличие таких вариантов, как юж.-кор. *нара* и сев.-кор. *наранъ* (страна), юж.-кор. *мада* и сев.-кор. *маданъ* (каждый) и т. д.

25. Согласный *н* сохранился во всех случаях; исключением является *н* в положении перед гласным или полугласным *и*, *й*. Здесь *н* очень давно палатализовалось и подобно исконному **н'* исчезло вовсе. Это хорошо доказывается современными формами слов, заимствованных из китайского языка:

ни — человек; ныне *ин*, местами в севернокорейском *-ни*, *ин-*,

ни — два, ныне *и*,

нйөн — год, ныне *йөн*, сев.-кор. *нйөн* или *нөн*,

нйө — женщина, ныне *йө*, сев.-кор. *нйө* или *нө*,

нйөи — древний, ныне *йё*, сев.-кор. *нйё* или *нё*
и т. д.

Это правило действовало лишь в отношении начального *н*. В остальных случаях, как, например, в сложно-составных словах, где морфема с начальным *н'* оказывалась в середине слова, это *н'* сохранилось:

йөн (год), но *ин'өн* (два года),

йе (да), но *он'е* (да),

йө (женщина), но *сон'ө* (я, ваша дочь; дословно: маленькая женщина).

26. Как уже говорилось, в корейском языке для *р* и *л* есть лишь одна графема. Произношение этой фонемы варьируется от диалекта к диалекту. Все же могут быть предложены следующие общие правила:

1) в начале слова не может быть ни *р*, ни *л*; они заменяются *н*; относительно *ли* и *лй* см. ниже;

2) в положении между гласными имеем краткое *р* и соответствующее ему долгое *лл*, изображаемое графически как *лн*;

3) в положении между гласным и согласным *х* имеем *р*;

4) в положении между гласным и любым другим согласным, кроме *х*, а также в конце слова в севернокорейском имеем *р*, а в южнокорейском *л*.

Корейское *р* является слабым и малоударным согласным. *Л* является обычным билатеральным *л*, ни в коем случае не палатализованным.

27. Корейский язык никогда не имел в начале слова ни *р*, ни *л*, подобно тунгусским и монгольским языкам. Начальное *л* в словах, заимствованных из китайского, произносилось как *н*. Там, где в китайском были *ли* и *лй*, они закономерно дали в корейском *ни* и *нй*, которые большей частью сохранились в севернокорейском, да в

в южнокорейском *и* и *й*. согласно закону о начальном *н*. Например:

- кит. *лок* (зеленый) дало *нок*;
 кит. *лам* (голубой) дало *нам*;
 кит. *латйөн* (латинский) дало *наджөн, наджын*;
 кит. *лакуи* (осел) дало *нагви*;
 кит. *лохйөнз* (старший брат) дало *нох'өнз* (вы);
 кит. *лайил* (грядущий день) дало *нэйл*, сев.-кор. *нээл* (завтра);
 кит. *лампи* дало *намби* (сковорода; ср. яп. *набэ*),
 англ. *lamp* дало *нампху* (ср. яп. *рампу*);
 кит. *ли* (верста) дало *и*, сев.-кор. *ни*;
 кит. *лйук* (шесть) дало *йук* (юк), сев.-кор. *нюк*.

В сложносоставных словах китайское *л* перед гласным большей частью сохранило произношение *н*, которое вызвало назализацию предшествующего смычного: **л'өт-ли* > *л'өнни* (сколько ли (верст), **лйук-ли* > *юннни* (шесть верст), *сип-ли* > *симни* (десять верст), **сип-лйук* > *симнюк* (шестнадцать), *сип-лйук-ли* > *симнюкнни* (шестнадцать верст).

28. Существуют диалекты (с представителями которых мне пришлось встретиться в вагоне поезда в Северной Корее), которые имеют в качестве начального звук средний между *н*, *л*, *д*, вероятно, своего рода назализованное *л* с кончиком языка в положении при артикуляции *д*. В таких говорах слово *не* (четыре) произносится как **дуи*, **луй* или *дйин*, *лйин*. Представители некоторых диалектов, с которыми мне пришлось встречаться, как кажется, не различали в начальной позиции *л*, *н*, *д*, *р*.

29. Ясно, что корейский язык трактует звуки *л* и *р* как одну фонему, противопоставляя одновременно краткое *р* долгому *лл*. *Р* произносится в положении между гласными и перед последующим *х*. В южнокорейском в положении после гласного всегда слышится *л*, если только это *л* принадлежит тому же слогу, что и гласный; однако *л* дает *р*, если эта фонема переходит в состав

следующего слога. В старокорейском произношение, видимо, было таким же, как ныне в севернокорейском, где в положении после гласного слышим регулярно *p*:

салго (живу и ...), *саратта* (жил), *сарым* (жизнь), *салм'ён* (если жить ...);

тылго (поднимаю и ...), *тырэтта* (поднял), *тырым* (подъем), *тылм'ён* (если поднять ...);

йёлго (открываю и...), *йёрэтта* (открыл), *йёрым* (открытие), *йёлм'ён* (если открыть ...);

моalgo (гоню и ...), *моратта* (гнал), *морым* (гонка), *молм'ён* (если гнать ...) и т. д.

Во всех приведенных примерах севернокорейские диалекты дают регулярно *p*.

30. Если за *л* (сев.-кор. *p*) следовал в том же самом или следующем слоге зубной согласный (*тх*, *т*, *д*, *с*, *чх*, *ч*, *дж*), то *л(p)*, видимо, уже в давние времена стал произноситься ослабленно и наконец исчез. Исчез он также и перед билабиальным *в*, признаком пассивной основы глаголов (собственно *-ву*, *-бу*), давшим впоследствии *о*, *у*. Закономерное развитие глаголов с конечным *л(p)* привело, таким образом, к тому, что это *л(p)* исчезло перед многими окончаниями. Если это *л* все же пишется и даже произносится перед некоторыми окончаниями, например перед *-да*, то это зависит от более позднего восстановления прежнего положения вещей; это могло быть также намеренным нововведением со стороны теоретиков грамматики. Ср. те же примеры:

сада (восстановленное *салда* — жить), *сан* (живший), *санын* (живущий), *сэджи* (возможно, живет), сев.-кор. *сади*, *сарди*;

тыда (восстановленное *тылда* — поднимать), *тын* (поднятый), *тынын* (поднимающий), *тыджи* (возможно, поднимает), сев.-кор. *тыди*, *тырди*;

мода (восстановленное *молда* — гнать), *мён* (гнавший), *мёнын* (гонящий), *моджи* (возможно, гонит);

йёда (восстановленное *йёлда* — открывать), *йён* (открывший), *йёнын* (открывающий), *йёджи* (возможно, открывает).

31. В результате описанного процесса язык потерял сочетания согласных *лтх, лт, лд, лс, лчх, лдж*. Остались лишь сочетания *лк, лп, лпх, лх*. Но если за *лк, лп, лпх* следует согласный, то в современном корейском выпадет либо *л*, либо *п*, *к* (последнее наблюдается в том случае, когда последующий согласный является смычным):

пукта (быть красным; произносится *пукта*, в диалектах также *пулта*), *пулгын* (красный),

малкта (быть чистым, быть светлым; произносится *макта*, в диалектах также *малтта*), *малгын* (чистый, светлый),

палпта (ступать; произносится *папта*, в диалектах также *палтта*), *палбатта* (ступал),

нөлпта (быть широким; произносится *нөпта*, в диалектах также *нөлта*), *нөлбын* (широкий).

32. Приняв во внимание эту тенденцию к исчезновению *л*, можем во многих словах обнаружить следы этого звука, особенно в именах существительных, где именительный падеж оказал сильное влияние на прочие падежи:

ап (перед), *апх-е* (впереди); в старом языке *аллх-е*. Здесь местный падеж *апх-е* перестроился по образцу именительного *ап*, в котором закономерно опускалось *л*; *

алтха (болеть); основа *алх-*; *апхуда* (больно) от более ранней формы *аллху-* из *алх-* + окончание -бу. Исчезновение *л* закономерно;

пхат, диал. *пхот* (бобы), местный падеж *пхатчх-е*, *пхотчх-е*. Ср. турецк. *buğ-aq* (горох).

33. Что касается сочетания *лх*, то оно обычно дает *р*, поскольку *х* произносится слабо, если оно вообще произносится. Если за этим сочетанием следует смычный, то он превращается в придыхательный. Сочетание *лхн* дает *лл*, а *лн* дает *н*. Например:

олтха (из **олх-та* — правильный, правый), *орхатта*, *оратта* (был прав), *орхын*, *орын* (правый, правильный), но *олкхе* (правильно);

кылтха (из **кылх-та* — варить), *кырхөтта*, *кырөтта* (варил), *кыллын* (из *кырх-нын* — варящий), но *кылкхо* (варит и ...);

ттултха (из **ттулх-та* — протыкать, проделывать дырку); *ттурхөтта*, *ттурөтта* (проткнул), *ттурхын*, *ттурын* (проткнувший), *ттуллында* (протыкает).

34. В ряде заимствованных из китайского слов находим конечное *л(р)*. Оно соответствует реконструируемому *т(д)* в собственно китайском языке. Произношение этого звука в китайском, видимо, изменилось так, что *д* дало спирант *д̥* наподобие *th* в английском *this*. Уже в древнем китайском этот спирант мог представлять некую разновидность *р*. Это **д̥* ~ (**т*) дало в японском слоги *-ту*, *-ти*, произносимые ныне *-цу*, *-ти*. Например:

кор. *вөл*, сев.-кор. *вөр*, яп. *гвэцу* из **гвет*, совр. кит. *jū* (луна, месяц);

кор. *тх'өл* (произносится *чхөл*), сев.-кор. *тх'өр*, яп. *тэцу* из **тхет*, совр. кит. *the* (железо);

кор. *ил*, сев.-кор. *ир*, яп. *нити*, *дзицу* из *нит*, *дит*, совр. кит. *pí* (день);

кор. *пхил*, сев.-кор. *пхир*, яп. *хицу* из *пхит*, совр. кит. *fí* (кисточка для письма);

кор. *пхал*, сев.-кор. *пхар*, яп. *хати* из **пхат*, совр. кит. *p̄ha* (восемь);

кор. *сал*, сев.-кор. *сар*, яп. *сацу* из **сат*, совр. кит. *sa* (убийство).

35. Это конечное *л(р)* в заимствованных из китайского языка словах сохранилось перед зубными в противоположность *р* исконно корейских слов. Единственным исключением является, пожалуй, *пул*, *пу* (не), следующее закономерностям исконно корейских слов: *пулгил* (несчастье), *пулпөп* (беззаконие), но *пудонь* (неодинаковый, не тот же самый), *пудөк* (лишенный добродетели), *пудань* (несоответствующий). Ср. корейские слова *ханал* (небо), но *хананим* (бог); *сымул* (двадцать), *сымурхана* (двадцать один), но *сымуду* (двадцать два), *сымусе* (двад-

цать три), *сымуне* (но также *сымудле* — двадцать четыре); *сол* (сосна), *наму* (дерево), но *сонаму* (наряду с *солламу* — сосновое дерево); *муд* (вода), но *муджиге* (радуга) из *муд* (вода) + *чиге* (приспособление для переноски груза на спине, рогулька); *ссал* (рис), но *ссаджон* (рисовая лавка); *сал* (мясо), *тынъ* (спина), но *сadyнъи* (спина); *паныл* (иголка), но *паныджил* (шитье) при *чил* (работа).

36. Если последним слогом основы являются *ро*, *ру*, *ры* с кратким гласным, то эти *ро*, *ру*, *ры* перед окончанием, начинающемся на гласный, переходят в *лл*:

моруда, *морыда* (не знать), но *моллатта* (не знал);

оруда, *орыда* (подниматься), но *оллатта* (поднялся), *оллда* (поднимать);

хырыда (течь), но *хыллө* (протекая);

(н) *прыда* (называть), но *иллөтта* (назвал);

пурыда (звать), но *пуллө* (позвав), *пуллида* (быть позванным, быть названным, называться);

харо (один день), но местный падеж *халл-е* (наряду с *харо-е*);

маро, *малло* (гребень горы), но *малл-е*, *малло-е* (на гребне горы).

Это изменение *л(р)* с последующим кратким гласным в *лл*, напоминающее греческое склонение типа *polys*, множ. *polloi*, следует особенно хорошо помнить при спряжении глаголов данного класса.

37. Сочетания *лн* и *нл* закономерно дали *лл*, за исключением старых корейских слов, где *л* исчезло перед *н*:

чөлли произносится *чөлли* (тысяча „верст“);

пунлан произносится *пуллан* (беспорядок);

манли произносится *малли* (десять тысяч „верст“);

пул нада произносится *пуллада* (загореться);

сол наму произносится *солламу* (сосна; ср. *сонаму* с тем же значением);

инлю произносится *иллю* (человеческий род).

Таблица ассимиляций согласных

Первый слог оканчивается на:

Второй слог начинается с:		к*	т**	п***	н	м	л****	нъ
	к	кк	кк	пк	нъг	мг	лг	нъг, нънъ
	т	кт	тт	пт	нд	мд	лд, д	нъд
	п	кп	пп	пп	мб	мб	лб	нъб
	ч	кч	тч	пч	ндж	мдж	лдж, дж	нъдж
	с	кс	сс	пс	нс	мс	лс, с	нъс
	н	нън	нн	мн	нн	мн	лн, н	нън
	м	нъм	мм	мм	мм (нм)	мм	лм	нъм
р, л	нън	нн	мн	лн	мн	лн	нън	

* -к из исконного *к, кх, ск* и *лк*.** -т из исконного *т, тх, с, сс, ч, чх*.*** -п из исконного *п, пх, пс, лп*.

**** -л или -р ассимилируется или поглощается предшествующим гласным, если следующее за *л, р* окончание начинается на зубной; древние сложносоставные слова следуют тому же правилу; однако в новых сложносоставных словах, а также на стыке двух независимых слов *л* сохраняется.

38. Согласный *х* произносится при условии наличия ударения на последующем гласном; с потерей ударения исчезает и *х*, по крайней мере в южнокорейском произношении. *Х* встречается большей частью в начале слова; но в ряде диалектов он слышен также во втором и третьем слогах, то есть там, где южнокорейский давно утерял его. В некоторых диалектах он чередуется с *с*; с исторической точки зрения *х* во многих случаях действительно восходит к *с* (или *з*?). В некоторых диалектах мягкое *х* часто слышится как *сь* и *ш*:

каыл (осень), в диалектах *кахыл, кахыр, касыр*;
к'өул (зима), в диалектах *кеул, кеур, к'өсыр*;
махын (сорок) произносится *маын*;
көс-ыл (вещь — вин. п.) произносится *көыл, көл, -гөл*;
утта (смеяться), *усым* (смех), в диалектах *ухым, уым*;
х'ө (язык), в диалектах *с'ө, шө, шөттэ*.

Ср. *хйна* (один) с айнским *шине* (один); *хйда* (делать) с маньчж. *se-* (делать, говорить), яп. *суру* (делать);

хый- (белый) с тунг. *si-*; *хай* (день), произносится хэ, с тунг. *siin* и маньчж. *šin* (солнце).

39. Конечными звуками некоторых глагольных основ являются *рх(лх)* и *нх*. В этого рода глаголах *х* отражается в аспирации последующего смычного там, где это возможно; где это невозможно, *х* исчезает бесследно:

мантха (многочисленный), основа *манх-*; *манкхо* (многочисленный и ...), *манчхи* (много), но *мансо* (много), *ман(х)ын* (многочисленный), *манхи* (много), произносится *мани*.

ккылтха (кипеть), основа *ккылх-*; *ккылкхо* (кипит и ...), но *ккылсо* (кипит), *ккыллида* (заставлять кипеть), *ккыллында* (кипит).

40. Есть ряд глаголов, конечным звуком которых является „*х* после гласного“; это *х* также отражается в аспирации последующего смычного, не оставляя следов в других случаях. Корейская орфография сохраняет его повсюду, но в произношении он не сохранился:

чотха (быть хорошим), сев.-кор. *тётха*, основа **т'ох-*; *чокхо* (хороший и ...), *чокхе* (хорошо), юж.-кор. *човын* (пишется *чохын*), сев.-кор. *т'овын*, *т'оун* (хороший);

нөтха (положить в), основа **нөх-*; *нөкхо* (положить и ...), сев.-кор. *нөын*, *нөөн*, *нөн*, пишется *нөхын*, (положенный);

нотха (отпустить), основа **нох-*; *нокхе* (чтобы отпустить), *номчхи ани хада* (не отпустить).

41. *Х* в конце основы, как сказано выше, перед смычным не исчезает бесследно, а аспирирует этот смычный. Исконно придыхательные смычные такого воздействия на окончание не оказывают:

нопхын (высокий), основа *нопх-*; *нопча* (быть высоким), *нопко* (высокий и ...), *нопчи ани хада* (не высокий);

капхын (оплаченный), основа *капх-*; *капта* (платить), *капхатта* (заплатил), *канке хада* (заставлять платить);

халтхатта (лизал), основа *халтх-*; *халтта* (лизать);

ччотта (спугнуть), основа *ччочх-*; *ччочхатта* (спугнул), *ччокко* (спугиваю и ...), *ччокке хада* (заставить спугнуть).

42. Есть основания полагать, что в корейском языке были некогда щелинные *г* и *б*. В севернокорейских диалектах, которые во всех отношениях древнее южных, еще до сих пор находим эти звуки. Что касается исчезновения *б*, то ср. следующие данные из двух основных диалектов:

сев.-кор. <i>обун</i> (все)	юж.-кор. <i>бн</i> ; ср. тунг. <i>upkat</i>
сев.-кор. <i>мугбун</i> (тяжелый)	юж.-кор. <i>мугбун</i>
<i>мугби</i> (вес)	<i>муге</i>
сев.-кор. <i>каккабун</i> (близкий)	юж.-кор. <i>каккаон</i>
<i>каккаби</i> (близко)	<i>каккаи</i> (пишется <i>каккахи</i>)
сев.-кор. <i>хэбун</i> (один, в одиночестве)	юж.-кор. <i>хбн</i> ; ср. <i>хэна</i> (один)

43. Слоги *ва*, *вө*, как правило, дали *о*, *у*; таким образом, имеем ныне *хао* вместо старого *хэва*; *поо* вместо старого *пова*; *по*, *пу* вместо старого *ивө*. В начале слова слог *вө* дал *ө*, во всяком случае в основе *ө-* с вопросительным значением (в *өна*, *өттө*, *өтчи*), которая, согласно Россу, в некоторых северных диалектах еще до сих пор произносится *вө*, восходя к архаическому **мө*, **ми* (что). Как окончание пассивной основы спирантное *б* употреблялось в глаголах с конечным *л*, *р*; таким образом, имеем ныне *ао* (знает), *йөо* (открывает) от предполагаемых **алва*, **йөлвө* и т. д.

44. Щелинное *г* (то есть *γ*) может быть обнаружено в словах типа *наму*, *намо*, *нэмайк* (дерево), *чаро*, *чару*, *чарэ* (ручка), древним произношением которых могло быть *нэмайг*, *чарэг*; в сев.-кор. эти слова до сих пор произносятся как *намги*, *чарги* (с окончанием *-и* как дегерминативной формой). Здесь, очевидно, *г* перешло в гласный после предшествующего гласного, сохранив-

шись, однако, в том случае, если этот предшествующий гласный исчез. Сюда же относятся существительные на *о, у* и, возможно, многие слова на *е*, как, например, сев.-кор. *сурги*, юж.-кор. *суре* (телега).

ГЛАСНЫЕ

45. Корейский алфавит имеет следующие знаки для гласных:

	<i>a</i>	<i>ə</i>	<i>o</i>	<i>y</i>	<i>ɯ</i>	<i>u</i>	<i>Ǟ</i>
в начале слова	아	어	오	우	으	이	으
в слове	ㅏ	ㅓ	ㅗ	ㅜ	ㅡ	ㅣ	ㅟ

Добавочная черточка к знакам, изображающим *a*, *ə*, *o*, *y*, дает знаки для *я*, *йə*, *ё*, *ю*. Сочетание гласной графемы с графемой *u* дает изображение дифтонгов. Таким образом имеем:

<i>я</i>	<i>йə</i>	<i>ё</i>	<i>ю</i>
야	여	요	유
<i>au</i> (= <i>э</i>)	<i>eu</i> (= <i>е</i>)	<i>йeu</i> (= <i>йе</i>)	<i>yu</i> <i>Ǟu</i> (= <i>э</i>)
애	예	예	의
<i>oa</i> (= <i>ва</i>)			
외			

Корейский порядок гласных: *a*, *я*, *ə*, *йə*, *o*, *ё*, *y*, *ю*, *ɯ*, *u*, *Ǟ*. Все гласные помещаются в словарях между *с* и *нб*.

46. Так обстоит дело с графемами для гласных. Что касается произношения, то оно значительно изменилось с тех пор, как был изобретен корейский алфавит. Нынешнее литературное произношение может быть описано следующим образом:

a — гласный заднего ряда, нижнего подъема, долгий и краткий;

ə — широкое *e*; отодвинутый назад гласный, что придает ему оттенок *ö* заднего ряда; губы не округлены; гласный среднего подъема, заднего или смешанного ряда;

напоминает английский гласный в *bird, world, urn*; бывает как кратким, так и долгим;

о — гласный нижнего подъема, заднего ряда, огубленный;

у — гласный верхнего подъема, заднего ряда, огубленный; он имеет, видимо, два оттенка: один более задний, другой — произносимый поднятием языка к средней части нёба;

ы — гласный верхнего подъема, смешанного ряда, напоминает русское *ы*, турецкое *i*;

и — гласный верхнего подъема, переднего ряда, как и в других языках;

й — гласный заднего ряда, долгий и краткий; произносился, видимо, так же, как гласный в английских словах *blood, club*.

47. Все перечисленные гласные дошли до нас в неизменном виде; что же касается гласного *й*, который корейцы называют „кратким *а*“, то он причиняет много трудности говор столицы, потеряло этот гласный, и он развился там либо в *а*, либо в *ы*, реже в *ө*. Это многообразие переходов породило различную орфографию; все же наиболее обычной является передача его через „долгое *а*“. Так поступают при всех переизданиях старых документов и книг. Например, *хйда* (делать), *хйнйн* (делающий) ныне записываются как *хада, ханан, ханын* (иногда даже *ханон*).

С исторической точки зрения это „краткое *а*“, подобно английскому гласному в *blood, cup*, является позднейшим развитием более раннего гласного заднего ряда (*а, о, у*), который произносился, видимо, недостаточно отчетливо в силу своей краткости; долгое *й*, надо полагать, появилось позже. Например, *мйл* (конь), сев.-кор. *мйр*, диал. *мор*, ср. монг. *morin*, тунг. *murin*, турецк. *mor*; *пхйт* (бобы) (с окончанием: *пхатчхи*), диал. *пхот* (*пхотчхи*), ср. турецк. *buğdağ* (горох). Всякий раз как встречаем в диалектах чередование *а* с *о* или *а* с *у*, можно предположить, что за этим чередованием стоит более раннее *й*. В положении перед *с, л, р* и после *х* *й* писалось

также в тех случаях, где с исторической точки зрения более вероятным был какой-то гласный переднего ряда. Это может означать, что некогда такой гласный переднего ряда произносился как *й* перед *с* и *р* (*йс* из более раннего *ys* и *өс*; *йр* из более раннего *ыр*) и после *х* (*хйда* из предполагаемого **хөда*).

48. Гласные могут сопровождаться предшествующим полугласным *й*, что дает *йя*, *ё*, *йө*, *ю* со слабым *й*. Как сказано выше, сами корейцы рассматривают эти сочетания звуков как особые гласные. Во многих словах *йө* произносится ныне как *е*: *п'өда* и *педа* (прислоняться), *п'өге*, *пеге*, *пегэ* (подушка). При отчетливом произношении более правильным является все же *йө*. Сочетания *йы*, *йи* и *йя* исчезли, видимо, уже к моменту создания корейской письменности. Если они когда-нибудь существовали, то потеря их вызвана поглощением *й* либо предшествующим согласным (палатализация), либо последующим гласным *и*. В современном языке *я*, *йө*, *ё*, *ю* утратили первый элемент, то есть *й*, после *с*, *ч*, *чх* и *дж*; таким образом, *ся* произносится как *са*, *чя* как *ча* и т. д. Но в некоторых северных диалектах *ся* произносится как *ша*, *чя* как *ча*, *чхя* как *чха*, тогда как *ча* произносится как *ца*, *чө* как *цө*, *чхө* как *цхө*, *чо* как *цо* и т. д. (см. шп. 16—19). Экардт говорит в своей грамматике, что после *с*, *ч*, *чх* гласные *я*, *ё*, *йө*, *ю* произносятся почти без *й*, но что в этом случае гласный, как правило, долгий; например, *санъ* (стол), но *сянъ* (верх) произносится как *сәнъ*, с долгим гласным.

49. Перед гласными может быть также полугласный *ў*. До сих пор сохранились сочетания *ва* и *вө*, которые записываются соответственно как *оа*, *уө*. Если допустить, что в старокорейском языке были *во* и *ву*, то они должны были дать *о* и *у*; точно так же древнее *вы* дало, видимо, *у*, *ви* дало *и*, а *вй* дало *о*. Сочетания гласного с последующим полугласным *у* отразились в позднем языке в виде долгого гласного, как это имеем в южнокорейских диалектах; ср. *õн*, сев.-кор. *обун* (все); *хõн*, сев.-кор. *хабун*, первоначально *хйбун* (один(окий)).

50. Сочетания гласного с последующим полугласным *й* — весьма распространенный тип дифтонга в корейском языке, о чем свидетельствует орфография: *аи, өи, ои, ыи, ай, а* также *яи, йөи, ёи, юи* и, равным образом, *ваи* и *вөи*. Нынешнее произношение этих исконных дифтонгов таково:

аи произносится как *э*; широкое *а* переднего ряда, нижнего подъема, шире, нежели английское *a* в *map*;

өи произносится как *е*; *е* переднего ряда, среднего подъема, почти как английский гласный в *day*;

ои; наиболее частое произношение этого гласного *ö*, как немецкое *ö* в *schön*; но во многих диалектах он произносится как *ве* со слабым *в* и несколько огубленным *е*;

уи произносится как *й* во французском *tue*; во многих диалектах оно произносится как *ви* в параллель произношению письменного *ои* как *ве*;

ыи произносится как дифтонг, очень часто как просто *и* с несколько более задним начальным элементом; окончание родительного падежа *ыи* является более широким и звучит часто как краткое *е*;

ай произносится как *э*, иными словами, как широкое *е*; в ряде случаев оно произносится как *ыи*; например, *өдаи* (где) произносится как *өдэ, өдэ, өдыи, өдй, өди*.

51. Все вышесказанное показывает, что после введения в действие корейской письменности в языке произошло превращение дифтонгов в простые гласные, что дало новые гласные *э, е, ö* и *й*. В некоторых диалектах ныне имеется два *е* — закрытое *е* (из *өи*) и открытое *е* (из *ай*).

52. Что касается графических трифтонгов *йаи, йөи, йои, йуи* и *ваи, вөи*, то вопрос о их произношении решается просто после того, что было сказано выше о полугласных *в, й* перед гласным и о нисходящих дифтонгах с *и*. Надо, быть может, только указать, что *йои* обычно произносится как *йö* или *ö*, а *йуи* как *йү* или *ү*:

паи (лодка, судно) произносится *пэ*,

налгаи (крыло) произносится *налгэ*,

таи (бамбук) произносится *тэ*,

чигеи (рогулька; приспособление для переноски груза спине) произносится *чиге*,
чхэи (тело) произносится *чхе*,
чйи (пепел, зола) произносится *чэ*,
кагаи (возможно, пойдет) произносится *каге* (окончание по двоякого рода *-каи* и *-кэи*; вариант *-кэи* ныне стал пераспропраненным, поглотив окончание *-каи*),
тоида (становиться) произносится *тёда* или *тведа*,
куи (ухо) произносится *кү* или *кыи* (можно услышать *күй*),
куи-эи (в ухе) произносится *күе*, *күйе*, *күйе*,
пуй (метла) произносится *пи*, реже *пү* или *пүй*,
пхыида (цвести) произносится *пхида*,
пунда, *пыида* (пустой) произносится *пида*,
мунпта (неприятный, противный) произносится *мипта*,
сар’амйи (старое написание родительного падежа от существительного *сар’ам* — человек) произносится *сарамый* (окончаниями были *йи* и *ыи*; последнее обладало).

Дифтонги *уи* и *ыи* после губных согласных, как правило, произносятся как *и*; соответствующим образом измнилось и правописание.

53. Произношение графических дифтонгов и трифтонгов различно в зависимости от диалекта. Так, например, произносятся как *а*, *йё* как *е*, а в некоторых местах *ке* как *и*; *йе* произносятся как *е* или *и*; *йо* как *о* или *ю* как *ү*; *ои* как *ве*, *ви*, *о*, *э*, *и*, и т. д. Проф. С. Огура своих работах привел много тонких наблюдений над временным произношением гласных в южных районах Кореи. Не имея возможности подробно останавливаться на корейской диалектологии, мы в дальнейшем придерживаемся произношения, свойственного диалекту Сеула.

КОЛИЧЕСТВО (ДЛИТЕЛЬНОСТЬ) ГЛАСНЫХ

54. Корейские гласные бывают краткими и долгими; долгота слышится отчетливо в том случае, когда слово произносится под ударением. Если слово с кратким гласным ударно, долгота проявляется в согласном, который следует за гласным.

Краткий гласный

ам — самка
пал — нога
нам — ночь
нун — глаз
ким — Ким (фамилия)
лэм — обычный (кит. слово)
кил — дорога
төл — окончание множ.

числа

сан — гора
нэ — мой
тōда — становиться
мал — конь
там — стена
тэ — бамбук
тан — пучок
чань — рынок

и т. д.

Долгий гласный

ам — конечно
пал — рука в длину
нам — каштан
нун — снег
кйм — сорняк
пэм — тигр
кйл — длина
төл — менее

сāн — живой
нэ — ручей
тōда — густой
мал — слово, речь
там — сифилис
тэ — большой (кит. слово)
тан — кайма
чань — соус из бобов

и т. д.

55. Видимо, наиболее существенным является различие в количестве гласного первого слога. Различие в количестве гласного последующих слогов не столь отчетливо, если речь идет о исконно корейском слове. Однако если слово является заимствованным из китайского языка и входит как элемент в сложносоставное слово, то количество гласного в нем слышится отчетливо в каждом слоге. Это необходимо для дифференциации китайских омофонов, то есть одинаково звучащих слов.

56. Гласный первого слога корейского слова не всегда остается долгим. Так, отрицание *ани*, *ан* произносится то с долгим, то с кратким *а*. Как правило, долгий гласный оказывается кратким в сложносоставных и производных словах. Например: *салда* (жить) (первый *а* долгий), но *саллида* (спасти от смерти); *алда* (знать) (первый *а* долгий), но *аллида* (дать знать; также *алгуда*), *арида* (*арōда* (информировать, рассказать) и т. д.

57. Долгота, как правило, образуется в результате стяжения двух гласных: *кйм* (сорняк), но в диалектах *кним*, *кисим*; *мам* (мысль), но также *маам*, *маым*, а в диалектах *майъм*. Помимо этого, долгий гласный мог образоваться в результате исчезновения гласного следующего слога: *кѡм* (медведь; ср. яп. *кума*); *сѡм* (остров; ср. яп. *сима*); *пйда*, *пйлда* (просить; ср. монг. *hirüger* — молящийся, маньчж. *firu* — вызывать духов); *ада*, *алда* (знать; ср. тунг. *alagu* — учить); *пал* (длина руки), вероятно первоначально *парир* (ср. монг. *barim* с тем же значением); *мал* (слово), вероятно, первоначально **мара* (ср. монг. в Ордосе *малагай* — немой).

Результатом описанного процесса могло быть появление и краткого гласного: *нат* (серп; ср. яп. *ната*); *кат*, основа *кас-* (шапка; ср. яп. *каса*); *ккот* (цветок), восходящее к *коч-* (ср. яп. *куса*).

58. Различие в количестве гласного имело место в свое время и в окончаниях. Так, например, восстанавливаемые окончания родительного падежа *-аи*, *-аи* имели краткий гласный; окончания же местного падежа *-э*, *-е*, восходящие к *-аи*, *-аи* или *-аи*, *-аи*, имели долгий гласный. Окончание так называемой декларативной формы (см. ниже, в главе о глаголе) *-та*, восходящее к *-та*: *-та*, имело долгие гласные *а* и *ѡ*, тогда как окончание регрессивной формы *-тѡ*, восходящее к *-та*: *-тѡ*, имело краткие гласные. Во многих случаях трудно сказать что-либо определенное о первоначальном количестве гласного, поскольку, с одной стороны, процессы редукции, сокращения происходили очень давно, повторялись, видимо, не один раз, в разное время, и поскольку, с другой стороны, унификация окончаний, затронув всю парадигму в целом, нарушила первоначальную картину.

ГАРМОНИЯ ГЛАСНЫХ

59. В корейском языке, как и во всех родственных ему языках, сохранились следы очень древней тенденции к разделению гласных на группы. Гласные делились на две группы: гласные переднего и гласные заднего ряда.

Корейская система группировки сходна с турецкой, которая довольно архаична.

Гласные заднего ряда			Гласные переднего ряда	
	огубленные	неогубленные	огубленные	неогубленные
верхнего подъема	у	ы	ÿ	и
нижнего подъема	о	а	ø	ä(э)

60. В отношении *ы* развитие корейского языка сходно с развитием монгольского, где этот гласный заднего ряда дал *и*. Гласный переднего ряда *э*, коррелирующий с гласным заднего ряда *а*, произносился с несколько оттянутым назад телом языка и, подобно аналогичному гласному тунгусо-маньчжурских языков, дал *ø*; до сих пор в окончаниях находим *а* и *ø* как эквиваленты. Огубленное *ÿ* переднего ряда произносилось точно так же с несколько оттянутым назад телом языка (отодвинутый назад гласный); делабиализовавшись, оно дало современное *ы*. Гласный заднего ряда *у* звучал почти как *о*; отсюда совпадение старых *о* и *у* в современном языке. Гласный *ø* удержал огубление, но стал более задним, что дало нынешнее *у*, которое в диалектах слышится почти так же, как шведское *и*. Во многих словах нынешнее произношение не удержало первоначального различия между *ø* и *ÿ*; это показывают такие примеры как *пул*, *пыл* (огонь из **пÿр*; ср. турецк. *ör-tä*—сжигать, яп. **пи* > *хи*—огонь); *мул*, *мыл* (вода) [**мөр* (река); ср. монг. *мөрэн* (река), тунг. *му* (вода), яп. *ми* (вода)]. Первоначальное чередование в окончаниях гласных *ø*: *ÿ* отразилось в чередовании современного языка *о*: *у*; в диалектах мы постоянно встречаем такие пары, как *пэхода* и *пэхуда* (учиться), *камчхода* и *камчхуда* (прятаться), *чакко* и *чакку* (часто), *намо* и *наму* (дерево) и т. д. Окончание дееспричастия настоящего времени в Южной Корее звучит

-ко, а в Северной Корее -ку; присоединительная частица „и, также“ в Южной Корее звучит *то*, а в Северной Корее — *ту* и т. д.

61. После всех этих изменений в произношении гласных получилась следующая картина распределения гласных по группам:

первоначально передние *у ы ө и*

первоначально задние *о ѝ а*.

Мы имеем здесь, таким образом, семь гласных. Эти гласные еще сохраняются в некоторых говорах, более близких языку первых памятников, писанных корейским национальным письмом *ёнмуном*, нежели говору столицы. Мы уже говорили об исчезновении *ѝ* и замене его *а* или *ы*.

62. Гласный *ѝ*, видимо, восходит к кратким или редуцированным *а, о, у* заднего ряда; он служил в качестве субститута для редуцированного гласного заднего ряда в китайском языке: *сѝ* ныне произносится как *са* (четыре) (кит. *сы*, яп. *си*). В окончаниях *ѝ* служило представителем гласных заднего ряда, тогда как *ы* представляло гласные переднего ряда; отсюда регулярные чередования в окончаниях старых памятников типа -*ѝи*, *ьи* (родительный падеж), -*ѝр*, -*ыр* (винительный падеж), -*ѝро*, -*ыро* или *ыру* (творительный падеж), -*нѝн*, -*нын* (причастие настоящего времени), -*сѝ*, -*сы* (вторичная основа) и т. д.

63. Перед губными согласными гласный *ѝ* в свое время изменился в *о*; в этой позиции его коррелятом, представляющим гласные переднего ряда, был уже не *ы*, а *ө*. До сих пор встречаем *хаопта* (быть сделанным) вместо более раннего *хѝсѝпта*; в старых памятниках можем найти *хом* вместо более позднего *хѝм*, ныне *хам* (делать). Соответственно имеем от глагола *чукта* (умереть) имя *чугѝм* (смерть) наряду с поздним и ныне правильным *чугым*. Весьма возможно, что имя существительное *са-рам* (человек), первоначально означавшее „живущий“, „суший“, „существо“ от глагола *салда* (жить), некогда

звучало *сāром*, позже *сарй̄м*, ныне *сарам*, сев.-кор. *сарым*.

С исчезновением *ā* исчезло и чередование окончаний *ā*: *ы*; вместо этих двух окончаний оказалось одно обобщенное *ы*. Это статистическое преобладание *ы* в непервых слогах слова, как кажется, повлияло также на *и*, которое превратилось в *ы*. Так, старое *исида* (быть), *исин* (сущий), *исим'өн* (если есть) дало *итта*, *иссин* (или *иссын*) и *иссим'өн* (или *иссым'өн*). В настоящее время гласный *ы* выступает как единственный „связующий гласный“, то есть как такой звук, который служит для соединения согласной основы с окончанием, начинающимся на согласный.

-м	<i>пом</i> — видеть,	но <i>мөгым</i> — есть
-н	<i>кан</i> — ушедший,	но <i>кулгын</i> — толстый
-п	<i>хапта</i> — сделан,	но <i>усылта</i> — смеяться над
-л	<i>нал</i> — меня,	но <i>сарамыл</i> — человека
-ро	<i>соро</i> — быком, волон,	но <i>саньро</i> — вдоль горы, горой
-с	* <i>хыйс</i> — беловатый (произносится <i>хыйт</i>),	но * <i>пулгыс</i> — красноватый (произносится <i>пулгыт</i>)

64. В дальнейшем, в грамматической части, мы, как правило, указываем только один вариант окончания; таким образом, если мы говорим, что такое-то и такое-то окончание звучит *-к*, *-н* или *-м*, то это значит, что эти *-к*, *-н*, *-м* являются тем вариантом, который присоединяется к основе на гласный исход; при этом надо подразумевать, что к основе на согласный исход присоединяются соответственно *-ык*, *-ын*, *-ым*.

65. Суммируя все сказанное выше относительно гармонии гласных, можем сказать, что в окончаниях, которые имеют гласные, допускающие чередование, имеем следующие соответствия:

- 1) гласный *а* чередуется с *ө*;
- 2) гласный *и* (произносится *э*) чередуется с *өи* (произносится *е*);
- 3) гласный *о* чередуется с *у*.

В корейских словах наблюдаем, таким образом, следующее соответствие между основой и окончанием: если основа содержит гласные *а, о*, то окончание имеет гласные *а, э, о*; если основа содержит другие гласные, то окончание имеет гласные *ө, е, у*. Однако после нёбных согласных (*чх, ч, дж, й*), а также после дифтонгов на *и* палатализация затрагивает в равной мере и окончание:

антта (сидеть), *анджатта* или *анджөтта* (сидел),
хада (делать), *хаятта* или *хайөтта* (делал),
камчхода или *камчхуда* (прятать),
тёятта или *төйөтта*, в диалектах *твейөтта* (стал).

ЗИЯНИЕ

66. Если в одном и том же слоге два гласных следуют непосредственно друг за другом, образуя два слога, то переход от одного гласного к другому осуществляется двумя путями.

Два одинаковых гласных обычно стягиваются в один, который, как правило, становится долгим:

кимм (сорняк; диал. *кихим, кисим*), произносится *кй̄м*;

када (итти); *каа* (идя), произносится *к̄а*;

седа (стоять); *сөө* (стоя), произносится *с̄э*, сев.-кор. *ш̄э*;

нөөлда (грызть, глодать), произносится *н̄өлда*, сев.-кор. *нөөда, н̄өда* и т. д.

67. Если два гласных различны, то гласный более высокого подъема образует так называемый согласный переходный звук, который в хорошем произношении едва слышен:

оа дает *ова*: *поатта, поаватта* — видел;

уө дает *увө*: *чуөтта, чувөтта* — дал;

иа дает *ийа*: *иаги, ийаги, ийэги* — рассказ;

иө дает *ийө*: *иөтта, ийөтта* — был.

Краткий согласный элемент слышится также в группах:

эе > *эйе*: *нэе, нэйе* — на лодке;

эи > *эйи*: *нэйл, нэйил* — завтра;

$ao > aeo$: *аолла*, *аеолла* — соединившись;
 $eu > evu$: *тѳук*, *тѳук* — еще более, тем более.

68. Следует заметить, что *ya* и *yə* после губных произносятся обычно, как *a* и *ə*:

киппуда (рад); **киппуə*, произносится *киппə* (будучи рад);

апхуда (больно); **апхуə*, произносится *апха* (больно и ...).

После других согласных *y* в сочетании с последующим *a* или *ə* превращается в гласный:

пэуда (учиться), но *пэватта* (учился);

толгуда (вращать), но *толгватта* (вращал).

69. Параллельно этому в сочетаниях *па*, *пə* гласный *и*, когда он был краток, приобрел характер согласного *й*, каковой после *нѳ*бных, а в южнокорейских диалектах также после *с* либо исчезает, либо уже исчез:

чхида (бить); *чхйѳтта*, произносится *чхѳтта* (бил; основа **т.хп-*);

чида (становиться); *чйѳтта*, произносится *чѳтта* (стал; основа *тп-*).

70. В силу того, что, как сказано было выше, гласный *х* в середине слова произносится слабо либо даже совсем исчезает, возникает (это касается южнокорейских диалектов) новый стык гласных (хиатус) с теми же способами его дальнейшего устранения:

пəхида произносится *пəида* (резать), в диалектах — *пəййда*; *пəхйѳтта*, *пəйѳтта*, *пəѳтта* (резал);

пэуда, *пэода* из *пэхуда* (учиться); *пэхватта*, *пэватта* (учился).

71. Во многих диалектах устранение зияния идет иными путями, нежели это наблюдается в столичном говоре. Часто наблюдаем, как более энергичный ударный гласный ассимилирует другой:

нэил (завтра), сев.-кор. *нээл*,

суын (ртуть), сев.-кор. *шуун*,

туиро (назад), сев.-кор. *тууру*.

УДАРЕНИЕ

72. Длительность или количество гласного не зависят от ударения. Под ударением же мы понимаем, с одной стороны, силу выдоха, энергичность артикуляции (силовое ударение), с другой стороны, тон, то есть музыкальную разницу гласных и слогов (= музыкальное ударение).

Как и в других языках, слог, выделенный силовым ударением, оказывается более высоким по тону, и наоборот. Как кажется, музыкальное ударение зависит от силового. Таково общее правило.

Выше, при описании согласных, мы отмечали начальные *кк*, *тт*, *пп*, *чч* и *сс*, произносимые эмфатически, с высоким тоном последующего гласного. Если слово начинается с одного из этих согласных, то гласный первого слога имеет высокий тон, падающий к концу слога. В остальных случаях первый слог слова имеет низкий тон с повышением в конце. Таким образом, мы имеем две музыкальные шкалы первого слога: высокую — падающую и низкую — восходящую.

73. Второй слог корейских слов ниже по тону, нежели первый; однако падение тона не особенно заметно. В сложносоставных словах китайского типа второй слог очень часто музыкально выше; с точки зрения силового ударения он, однако, может быть менее подчеркнутым; например, *чосон* — Корея (второй слог явно выше), *к'онь-сонь* — Сеул (второй слог слабо ударен, но выше по тону).

Некоторые наблюдения над ударением в корейском языке сделаны проф. Ц. Тиба.

74. Что касается фразового ударения, то сила и тон различных слов распределяются в зависимости от логической важности этих слов в предложении. Более важные слова более акцентированы, нежели менее важные. В общем же интонация падает медленно к концу предложения. Таково правило для повествовательных предложений. Это правило имеет силу и для вопросительных предло-

жений, если они заканчиваются вопросительной частицей. Если же предложение имеет вопросительный характер, но не завершается вопросительной частицей, то голос резко повышается к концу фразы, причем последняя гласная имеет отчетливо высокий тон. Например, *нө өдэ канын я* (куда ты идешь? — с понижением к концу предложения), но *нө өдэ канын* или *нө өдэ ка* (ты куда идешь? — с резким подъемом тона на *а* в конце слова *ка*). Эта вопросительная интонация дает возможность дифференцировать употребление деепричастия прошедшего времени, которое, как увидим ниже, употребляется с тремя различными значениями: утвердительным, вопросительным и повелительным. Различная интонация, конечно, не может быть передана в транскрипции, но ясно слышится в речи.

75. Само собой разумеется, что фразовое ударение зависит, как и в других языках, от смысла всего предложения. Так, например, ясно, что интонация простого повествования резко отличается от интонации убеждающей речи, каковая иной раз, препятствуя падению тона к концу фразы, может вызвать его повышение. То же самое можно сказать о предложениях, выражающих приказание, просьбу. В целом же можно сказать, что в отношении музыкального и силового ударения корейский язык резко отличается от монотонного уровня акцентуации японского языка.

МОРФОЛОГИЯ

ОБЩИЕ ЗАМЕЧАНИЯ

76. Классификация слов. Вся совокупность слов корейского языка делится на три группы:

1) имена с их склонением и иного рода изменениями, свойственными имени;

2) глаголы с их спряжением и иного рода изменениями, свойственными глаголу;

3) частицы и вообще все неизменяемые слова.

В категорию имени входят существительные, местоимения, числительные и именные послелогии. В категорию глаголов входят глаголы в широком смысле этого слова и глагольные послелогии. Союзы в корейском языке отсутствуют. В категорию неизменяемых слов входят все в той или иной мере безударные частицы, междометия и, помимо того, такие самостоятельные формы имен и глаголов, которые не воспринимаются более как элемент той парадигмы, в составе которой они первоначально возникли.

77. ¹Основа и окончание. Различие между именным и глагольным классом слов имеет исключительное значение. Именной класс слов имеет исходную, основную форму для каждого слова; эта его основа и одновременно его именительный падеж. (Нынешний именительный падеж не во всех словах точно совпадает с основой. Фонетическая разница между основой и именительным рассматривалась в главе, посвященной фонетике.)

Основа глагола как таковая не употребляется в качестве самостоятельного слова; иначе говоря, глагол всегда выступает вместе с окончаниями. Любая глагольная форма, например, *мэкта* (есть), *мэксо*, *мэгу* (ест), *мэньнында* (пребывает кушающим, ест; пишется *мэньнында*), *мэгэтта* (ел), *мэгин* (съеденный), *мэгинда*

(кормит) и т. д., при сравнении ее с любой другой формой того же слова ощущается как этимологически то же самое слово в различных формах. Этому „этимологическому слову“ (здесь *мөк-* или *мөг-*) следовало присвоить особое наименование; я назвал бы его глоссой в соответствии с предложением проф. Сетэлэ; всю же серию различных форм, каждая из которых представляет собой слово, я назвал бы парадигмой глоссы. Таким образом, в вышеприведенном случае *мөкта* (есть), *мөксө* (ест) и т. д. являются словами. Одна и та же глосса всегда имеет одну и ту же основу, но эта основа может меняться фонетически в своем последнем звуке: *мөк-*, *мөг-*, *мөнъ-*. Если бы мы сказали вслед за корейскими и японскими грамматистами, что для понятия „есть“ в корейском языке существует слово *мөк*, то необходимо было бы прибавить, что такое слово в действительности не существует, являясь лишь абстракцией из всей парадигмы глоссы, то есть результатом, добытым путем мысленного отбрасывания окончаний.

78. Окончания. Окончания имеют разное происхождение. Я полагаю, что есть все основания проводить различие между

а) суффиксами, то есть первоначальными окончаниями, которые тесно связаны с основой и являются абстракцией, полученной благодаря делению слова на две части — основу и окончание,

б) аффиксами, то есть энклитически присоединенными словами, скажем, частицами, или именами, или еще чем-либо иным, которые ныне употребляются вместе с предыдущим словом как его окончание, но исторически были, или возможно были, самостоятельными словами, ныне перешедшими на положение окончаний.

Окончание современного языка может иметь два или более суффикса, суффикс с аффиксом и т. д.

79. Связующие звуки. Если последним звуком основы изменяемого или способного изменяться слова является согласный, то мы говорим о консонантной, или согласной, основе. Если последним звуком основы

является гласный, то мы говорим о гласной основе. Окончания могут начинаться как на гласный, так и на согласный.

Если к согласной основе присоединяется окончание, начинающееся на согласный, то между этими двумя элементами слова в современном языке во многих случаях появляется „связующий“ гласный *ы*; например, причастие прошедшего времени имеет окончание *-н*, которое присоединяется к согласной основе через связующий гласный *ы*: *пoдa* (видеть), *пoн* (видевший), но *мoктa* (есть), *мoг-ы-н* (евший); *пaт* (рис), *пaб-ы po* (рисом).

В старом языке были две связующие частицы: *a* в словах с гласным заднего ряда в основе и *ы* в словах с гласным переднего ряда в основе. Остатки этого сохранились кое-где и до сих пор.

Если к гласной основе присоединяется окончание, начинающееся на гласный, то между основой и окончанием может появиться *й*; например, *хaдa* (делать), *хaянттa* (сделал), *хaя* (делая), но *кaдa* (идти), *кaттa* (шел), *жa* (идя) (восходит к *каатта*, *каа*).

ИМЯ

89. Как и в других языках, имена бывают простые и составные. Простые имена могут быть либо непронизводными, либо производными.

В корейском языке изменению подвергается только последний, конечный член составного слова; остальные части остаются неизменными; они воспринимаются как элементы, ограничивающие или описывающие вторую, изменяемую часть слова: *сэ-джип* (новый дом) и *сэ-джип-е* (в новом доме), *сэ-джип-тыл* (новые дома), *чосөн чип* (корейский дом), *чосөн чип-тыл* (корейские дома), *чосөн сэ-джип-тыр-е* (в новых корейских домах).

Что касается правописания составных слов, то это дело либо обычая, либо вкуса: можно писать и раздельно (*чосөн чип*, *чип тыл*) и слитно (*сэ-джип*, *чип-тыл*). Сами корейцы не имеют правил на этот счет.

81. Отсутствие прилагательных. В силу корейской манеры образовывать составные слова, такие атрибуты, как „новый“, „корейский“, оказываются неизменяемыми. Стало быть, в корейском языке нет специальной флексии имен прилагательных. Наши прилагательные передаются либо атрибутивно, то есть посредством первой части составного слова, как в англ. а stone wall, либо причастиями, как в англ. а dining room, а при предикативном употреблении — качественными глаголами. Таким образом, в корейском языке нет имен прилагательных как особого разряда слов; корейский язык, как правило, предпочитает глаголы именам; например, *сарам-и манхва* || *сарам-и мансо* (люди многочисленны, то есть людей много), *сарам-и манххатта* (люди были многочисленны, то есть людей было много), *манхын сарам* (многие люди), *сарам манхын ттэ* (люди — много — время > когда было много людей; в то время, когда было много людей); *наму-га кхыда* (дерево большое), *кхын наму* (большое дерево).

82. Корейское имя выражает универсальную или общую идею соответствующей вещи; оно не имеет артикля, числа: *сарам* означает и человек вообще, и некий человек, и люди вообще, и некие люди; *сарам хана-хи* — один человек, *хан сарам* — некий человек, *ту сарам* — два человека, *сарам тури* — человека два, *и сарам* — этот человек, эти люди и т. д. и т. п. Корейский язык выражает множественное число только тогда, когда идея множественности акцентирована. Таким образом, можно присоединить в качестве последнего элемента *тыл* со значением „все, несколько, вместе“, а в речи о человеке также *не*: *сарам* (человек, люди) имеет „множественное“ *сарамдыл* (человек — все), *сарамне* и, с еще большим акцентом, *сарамнедыл* или *сарамдылле*. Однако *чип* (дом, дома) имеет только одну форму — *чиптыл* (сев.-кор. *чиптол*, *чиптер*), *мал* (лошадь, лошади) имеет только форму *малдыл* (сев.-кор. *малрдөр*). Используемые таким образом *тыл* и *не* могут быть названы „знаками множественного числа“, но они

с таким же успехом могут рассматриваться и как самостоятельные слова. Известно, что корейцы также говорят *өллын дыл оңора* (идите скорее) при обращении к более чем одному человеку или имея в виду позвать всех, помимо более обычного *өллын оңора*, которое употребляется в речи, обращенной как к одному, так и ко многим лицам. Имя существительное *не* с первоначальным, этимологическим значением „человек“ (*нйи*) находим в составе *намх'өн-не* (мужчина — сторона — человек, то есть мужчина), *н'опх'өн-не* (женщина — сторона — человек, то есть женщина), *өрын-не*, *өрысин-не* (достойный человек, мой отец), *анхак-не* (*ананьне*) (женщина), *кы-не* (вы) и т. д.

83. Для выражения идеи множественности в се раздельности используется прием редупликации, повтора: *чин чин* (каждый дом), *сэк сэк* (каждый цвет, цвета всех сортов, разный), *кот кот* > *коккот* (все места, всюду), *нанал* (из *нал нал*) (каждый день, ежедневно), *тадал* (из *тал дал*) (каждый месяц, ежемесячно). Многие редулицированные слова употребляются только как наречия.

84. Корейский язык не проводит грамматического различия в отношении рода и пола; первостепенное значение имеет другое различие: в любом случае должно приниматься во внимание социальное положение лица, к которому обращена речь, и лица, о ком идет речь; говорящий обязан употреблять различные выражения и выбирать соответствующие слова, если он желает выразить в речи уважение, дружеское расположение и т. п. Простейшие формы являются наиболее грубыми, тогда как лицо, с которым разговаривают, должно оцениваться „выше“, а говорящий, как правило, должен рассматривать себя „ниже“ других. Уважение выражается особыми именами существительными и глаголами, а также, что чаще всего, — специальными окончаниями глаголов. Слово *пан* (рис) является нейтральным, употребляясь в повседневной речи; когда же говорят учтиво, то употребляют *чинджи* (питание). Слово

чип (дом) замещается вежливым *тэк*. Слово *абаджи* (отец) является небрежным; это просто „мой отец“; когда же разговаривают с отцом или об отце при посторонних, употребляют *пучхин* или *чхумбуджань*. Само собой разумеется, что все эти учтивые слова являются китайскими по происхождению.

СКЛОНЕНИЕ

85. В современном корейском языке имеются следующие падежи:

	Для лиц		Для вещей	
Именительный	<i>сарам</i> — человек	<i>ахэ</i> — ребенок	<i>чип</i> — дом	<i>намү</i> — дерево
Родительный	<i>сарамый</i>	<i>ахэый</i>	<i>чибый</i>	<i>намүый</i>
Дательный	<i>сарамыйге</i>	<i>ахэыйге</i>	—	—
Местный	—	—	<i>чибе</i>	<i>намүе</i>
Винительный	<i>сарамыл</i>	<i>ахэрыл</i>	<i>чибыл</i>	<i>намүрыл</i>
Творительный	<i>сарамыро</i>	<i>ахэро</i>	<i>чибыро</i>	<i>намүро</i>

Некоторые варианты окончаний, встречающиеся в диалектах, будут рассмотрены ниже.

86. Имеется ряд частиц, которые очень часто употребляются при падежах или аффигируются к имени. Из этих частиц первые три в грамматиках корейского языка рассматривались как падежные окончания.

1) *-и* после согласных и *-га* после гласных употребляются для выражения особой связи между подлежащим и сказуемым (ср. функцию *га* в японском). Эту форму во всех грамматиках называют именительным падежом, но в действительности *-и* является детерминативной (ограничительной) частицей вроде англ. *the*, а *-га* — связующей частицей со значением „и“.

2) *-нын* после гласных и ее вариант *-ын* после согласных употребляются для подчеркивания предшествующего слова (ср. яп. *ва*). Эту форму называли абсолютным падежом, но ее лучше было бы назвать эмфатической частицей.

3) *-с'ө* (юж.-кор. *-сө*, сев.-кор. *-шө*) восходит к *ис'ө* (будучи) и употребляется в настоящее время после именительного, дательного, местного и творительного падежей; назовем эту частицу эссивной. Например, *чиб-есө катта* (будучи дома, он ушел > он ушел из дому), *чибыросө* (со стороны дома, из дома; что касается дома); *чосөя-сө иссо* (имеется в Корее, есть в Корее). Обычно *-сө* соответствует яп. *тэ*, а *-есө* — яп. *ни тэ*, ныне *дэ*.

4) *то* (до), сев.-кор. *ту* (ду) в значении „также“ является аугментативной, присоединительной частицей.

87. Разница в употреблении *-и* и *-нын*:

а) когда употребляется *-и* или *-га*, то это означает, что подлежащее предложения тесно связано со сказуемым и тем, что ему предшествует. Детерминативные частицы *-и* и *-га* употребляются при ограничении подлежащего или при вопросе, относящемся к подлежащему: *ну-га вассо* (кто пришел? кто-то пришел), *мас-и өтпө-йө* (ну, каков вкус?), *нэ-га* (или *нэ*) *кагессо* (я иду, я пойду), *илгоб-и моджарао* (семь [из какого-то большого количества] недостаточно), *хан-х-и* (или *хана-га*) *намассо* (один [из них] остался);

б) когда употребляется *-нын* (или *-ын*), то говорящий, как кажется, в этом случае выбирает из контекста соответствующее слово в ожидании соответствующего, подходящего предиката, хорошего определения или возможного возражения, как, например, в следующих предложениях: *The prince, where is he? Charles, wiendra-t-il? Moi, j'étais satisfait.* То же самое явление наблюдается и в английском языке, когда употребляются такие выражения, как *as to, talking about, if you mean*; все же в корейском языке этот оборот является более обычным.

Употребление этой эмфатической частицы в точности соответствует употреблению частицы *ва* в японском языке, где она также неправильно называется окончанием абсолютного падежа. Конечно, *нын* это совсем не падежное окончание, о чем свидетельствует его способность

соединяться с окончаниями именительного, дательного, местного и творительного падежей. Например, *и чиб-ын нэ чиб-ио* (этот дом мой), *кы ттэ-нын* (или *кы ттэ-е-нын*) *прөн* (или *прөхан*) *гөс-ын өлтөра* (в те времена подобных вещей не бывало), *чосөн-ын сибань-ын хаккё-га мансо* (в Корее (= что касается Кореи, то здесь) сейчас много школ), *на-нын тон-и иссо* (у меня есть деньги). Обратите внимание на то, каким образом выражается в корейском языке понятие „иметь“!

Как было сказано выше, *-и* восходит к местоименному окончанию со значением „тот“, „он“ (третье лицо единственного числа); ср. *i* (он, она) в маньчжурском, *-in*, *-н* в тунгусском, *ini* в монгольском и *-i* (притяжательное местоимение — суффикс третьего лица) в турецком. Ср. также кор. *-ка* с *ka* многих тунгусских диалектов и в айском языке в значении союзов „и“, „а“; в параллель кор. *нын* находим эмфатическое *ни* со значением „если“, „когда“ в ряде тунгусских диалектов.

88. Неправильности при образовании падежей. В корейском языке выступает отчетливая тенденция образования падежной парадигмы по одной и той же схеме, исходя из именительного падежа как основы имени существительного. Но именительный падеж во многих словах отличается от исконной основы своим конечным звуком; таким образом, с исторической точки зрения, верными оказываются падежи, образованные от исконной основы, которая, как сказано, не совпадает в ряде случаев с именительным падежом. Отсюда двойные формы и кажушиеся неправильности.

Как уже говорилось, конечное *т* развилось из *с*, *т*, *тх*, *ч*, *чх* (см. п. 8 и 14). Сочетания *ти* и *тхи* дали в южнокорейском *чи* и *чхи* (см. п. 16). Первоначальный характер основы явственнее всего обнаруживается в именительном и местном падежах.

с *көт* (вещь), *көс-и* (вещь), *көс-е* (в вещи),
 кат (шляпа), *кас-и* (шляпа), *кас-е* (в шляпе);

- т* *нат* (серб), *надж-и* (серб), *над-е* (у серпа),
кот (место), *кодж-и* (также *кочх-и* — место),
код-е (в (таком-то) месте),
мот (гвоздь), *модж-и* (гвоздь), *мод-ыро* (гвоз-
дем);
- тх* *пат* (поле (суходольное)), *пачх-и* (поле), *патх-е*
(на поле),
к'от (соседство), *к'отх-е* (возле),
нат (лицо), *начх-и* (лицо), *натх-е* (на лице);
- ч* *нат* (день), *надж-е* (днем), *надж-у* (после по-
лудня),
ккот (цветок), *ккодж-и* (цветок), *ккодж-е* (в
цветке);
- чх* *п'от* (солнечный свет), *п'от(т)чх-и* (солнечный
свет), *п'от(т)чх-е* (или *п'отх-е* — в солнечном
свете).

Помимо тех форм, которые могут быть названы подлинно историческими, в языке есть еще много не-
правильных и просто, так сказать, сконструированных
образований. Так, например, литературный винительный
падеж от слова *пат* (поле) будет *пад-ыл*, наряду с раз-
говорным *патх-ыл*, но в обиходной речи встречаем так-
же *па(т)чх-ыл* — форма, образованная по аналогии с
пачх-ыл.

Чтобы восстановить первоначальную форму ряда имен,
требуется исследование всех ныне существующих диа-
лектов. Так, известно, что слова с исконными *к* и *кх*
в конце основы дали позже *к* как конечный звук основы
в именительном; различие этих двух исконно различ-
ных слов едва ли может быть обнаружено в именной
парадигме. Наоборот, основы с исконными *п* и *пх*
в качестве конечных согласных до сих пор различаются
при образовании падежей, хотя и тут возможны отступ-
ления и путаница по сравнению с первоначальной кар-
тиной. Так, например, различие основ имен существи-
тельных *чип* (дом) и *чип* (солома) обнаруживается в нали-
чии двух разных парадигм: *чиб-и* (дом), *чиб-е* (в доме),
но *чипх-и* (солома), *чипх-е* (в соломе) (*чип* восходит
к основе **типх* — солома). По присоединении детерми-

нативной частицы *-и* к имени *кап* (цена) обнаруживается основа *капх-* или, что более обычно, *капс-*: *капх-и* или *капс-и*. Присоединение этой же частицы к именам *сак* (вознаграждение), *сэк* (цвет), *чик* (момент) обнаруживает основы *сакс-*, *сэкс-*, *чикс-*: *сакс-и*, *сэкс-и*, *чик-си*; присоединение эмфатической частицы *-ын* дает *сакс-ын*, *сэкс-ын*, *чикс-ын* наряду с правильными *сак-ын*, *сэг-ын*, *чиг-ын*.

89. В силу раннего исчезновения и вокализации старого щелинного γ многие слова на *о*, *у*, а также *е* попадают в разряд неправильно склоняемых. Так, например, от имен существительных *наму* (дерево), *кару* (мука), *чару* (ручка), *муу*(*мусу*) (редька) по присоединению детерминативной частицы образуются два ряда форм: формы, отражающие более древнее положение вещей: *намг-и*, *калг-и*, *чалг-и*, *мукк-и*, и формы новые: *наму-га*, *кару-га* и т. д. Основой этих имен являются **нāмāγ*, **к'āṛāγ*, **чāṛāγ* и т. д. с конечным щелинным γ . К этому же разряду относятся имена *суре* (телега) (форма с детерминативом: *сург-и*, но также *суре-га*) и *ау* (младший брат) (форма с детерминативом: *акки*, сев.-кор. *экки*).

90. В ряде случаев трудно решить вопрос о конечном *и* основы. „Тигр“ по-корейски *хоранги*; присоединение детерминатива дает *хоранги-га*; но слово это, как кажется, первоначально имело вид *хо-ранг*, без конечного *и*. Слово „лицо“ в одних словарях дается в форме *өлгол*, в других — в форме *өлгори*; соответствующие образования с детерминативной частицей будут тогда *өлгор-и* и *өлгори-га*. Имена лиц, занимающихся тем или иным ремеслом, как-то: *тэджанги* (кузнец), *мокчанги* (плотник) и т. д., были некогда сложносоставными со вторым элементом *чанг*; ныне же прежняя форма *чанг-и*, то есть основа + детерминативная частица, воспринимается как одно целое, то есть как форма именительного падежа. Выходит, таким образом, что это *-и* было понято как существенная часть самого слова, результатом чего было появление новой основы с конечным гласным. Чередующиеся варианты с *и* и без *и* встречаем также в таких

словах, как *палгу* и *паргуи* (сани), *мантху* и *мантхуи* (пирожок). Это зависит от того, что в древнем языке окончание *-и* употреблялось и после основ на гласный, не вполне совпадая к тому же по значению с окончанием *-га*. От местоимений *на* (я), *нə* (ты), *ну* (кто) обычными образованиями с детерминативной частицей будут *нə-га* (из *наи га*), *нə-га* (из *нəи га*) и *нуи-га*, то есть точно так же, как у многих других имен в старом языке, которые оканчивались на гласный.

91. Родительный падеж. Атрибутивные отношения между двумя именами существительными могут быть выражены либо простым соположением двух имен, как в английских сочетаниях *gold dust*, *roadside*, либо посредством родительного падежа. Последний имеет в корейском языке две формы: полную и краткую.

Полная форма—это окончание *-ый*. Как правило, этот родительный употребляется только в отношении живых существ и особо значительных вещей; в других случаях, если не возникает двусмысленности, достаточен именительный падеж. Следовательно, сочетание *чосəн мал* означает „корейский язык“, *сəн-йəкь-мунпəп* (корейско-английская грамматика), *ури чин* (наш дом), *сарам анх-ə* (перед человеком, перед людьми) и т. д. И наряду с этим *кы кань-ый прхым-и* (имя этого человека), *талг-ый ал* (куриное яйцо), *йəнъгук сарам* или *йəнъгук-ый сарам* (человек (из) Англии > англичанин). Окончание родительного падежа употребляется, таким образом, для того, чтобы особо подчеркнуть уже наличное, атрибутивное отношение.

Окончание *-ый* присоединяется как к основам на гласный, так и к основам на согласный. В ряде диалектов оно произносится либо как *-и*, либо, что чаще, как краткое *-ё*: *сарам-ё*, *кес-ё*, *мар-ё*, *талг-ё* (человека, ящика, коня, курицы). Краткость гласного дифференцирует это окончание от долгого *-ё* дательного падежа. Вместо *кань-ый мул* (речная вода) можно иногда слышать *кань-ə мул* и даже *кань-а мул*; все же более обычным является *кань мул* (особенно при наличии детерминативной частицы после *мур*: *кань мур-и*).

Окончание *-ый* восходит к *-йй* после гласных заднего ряда и *-ыйй*—после гласных переднего ряда, о чем свидетельствуют памятники старолитературного языка. Эти окончания *-йй* и *-ыйй* содержат в себе связующий гласный *й* или *ы* и первоначальный суффикс родительного *-й*. Связующая гласная была необходима после основ на согласный. Если основа кончалась на гласный, то родительный падеж *-йй* присоединялся непосредственно к основе без связующего гласного. Так, от *на* (я), *нө* (ты), *чө* (он, тот), *нү* (кто, некто) родительный падеж издревле был *нэ* (*на-йй*), *не* (*нө-йй*), *че* (*чө-йй*) (мой, твой, его), *нүи* (*нү-йй*) (чей, чей-то).

92. Краткий родительный. Согласный *и* как окончание родительного падежа восходит, видимо, к какому-то другому согласному. В старых книгах он изображался либо знаком $\wedge = с$, либо знаком $\triangle =$ назализованному *й*. Знак $\wedge$ читается как *т*; поэтому в грамматиках находим указания на то, что *т* (пишется *с*) — это окончание родительного падежа; проблема заключается в том, как объяснить возникшую при этом геминацию согласного после конечного гласного предшествующего слова:

хуннал (следующий день) из *ху* (после) и *нал* (день),
твиннал (следующий день) из *тви* (после) и *нал* (день),
сөппадак (спл кз языка) из *сө* (язык) и *падак* (дно, низ),
сомппадак, *сонппадак* (ладонь) из *сон* (рука) и *падак*

(дно, низ),

палпадак, *палппадак* (подошва ноги) из *пал* (нога) и *падак*,

пэккаунде (внутренность судна, в судне) из *пэ* (судно) и *каунде* (середина),

унни (верхние зубы) из *у* (верх) и (*н*)*и* (зуб),

сэссори (пение птицы) из *сэ* (птица) и *сори* (звук).

Эта геминация начального согласного изображается в древних текстах знаком *с*, например: *моис-туис-ко-раи*, то есть *мө-ттеи-ккорэ* (долина за горой, лесом). Надо полагать, что первоначально здесь был либо *н'*, либо *с*; *наи* (мой), *нөи* (твой), *нүи* (чей) дают все основания предполагать, что таким звуком было мягкое *н*, то есть **-н'* после основ на гласный и **-йн'*, **-ын'* после основ на согласный.

Это, пожалуй, может быть подтверждено старым правописанием: *нун'мул* (слеза) из *нун* „глаз“ и *мул* (вода) и т. д. Ср. яп. *-но*, *-ну* из **-н*, тунг. *-н*, монг. *-ин*, *-jin*, турецк. *-iŋ* (из **in*) как окончания родительного падежа. Однако наряду с этим мог существовать и другой родительный падеж — на *-с* или *-т*.

Родительный падеж в корейском языке может употребляться только как определение к имени существительному. Он никогда не находится в прямой связи со сказуемым-глаголом. Поэтому нельзя сказать „это его“, а только „это его вещь“: *и гэс-и кы сарам-ый гэс-ио*.

93. Местный падеж. Окончаниями местного падежа являются *-е* (долгое!) или, чаще всего после *л*, *-гэ* (тоже с долгим *е*). Орфографически *-е* изображается графическим дифтонгом *ѳи*, но раньше вместо одного окончания употреблялось два: *-аи* или *-ѳи* после основ с гласным заднего ряда и *-ѳи* или *-ѳи* после основ с гласным переднего ряда.

Местный падеж указывает на место, время или условие совершения действия (где, когда и как).

Окончание *-е* оказывается достаточным там, где сам глагол по своей семантике требует указания на определенное место; но там, где действие, выраженное глаголом, более независимо от места его совершения, к окончанию *-е* обычно присоединяется эссивная частица *-сѳ* (раньше писалась *-с'ѳ*). Например:

а) *кыге орэkkане мугэссо* — долго ли вы там оставались?

тонъг'ѳнъ-е сарассо — я жил в Токио,

чари-е чатта — он был в кровати,

санъ-е (или *санъ-у-е*) *нѳара* — положи это на стол,

б) *чиб-есѳ тамбэ ан мѳксо* — я не курю дома,

кага-есѳ сатта (или *саватта*) — я купил это в лавке (собственно: я купил это, будучи в лавке),

кы ттэ-е с'ѳнъ-есѳ п'ѳнъ-и тырѳссо — я заболел тогда, будучи в городе,

тонъг'ѳнъ-есѳ чугѳтчио — он, кажется, умер в Токио,

аджѳмѳни-джиб-есѳ нѳлго вассо — я провел хорошо время в доме моей невестки (и теперь вернулся домой).

Поэтому частица *-есө*, не будучи связана со значением глагола-сказуемого, часто переводится предлогом „из“: *кага-есө сассо* (я купил это в лавке), но *мар-есө ттөрөджессо* (он упал с лошади; собственно: будучи на лошади, он упал), *путчиб-есө пирессо* (я взял это (в долг) из соседнего дома или в соседнем доме, у соседей). Вот почему во многих грамматиках эта частица называется знаком аблатива.

Местный падеж связан с глаголом, управляется им. Во многих словах, которые по своему значению более или менее близки к наречиям, указанием на место может служить также именительный падеж. В ряде случаев в качестве именительного ныне употребляется древний дательный: *арэ* (под, внизу), *орэ* (давно) и т. д.

94. Дательный падеж. Формально дательный падеж представляет собой местный, образованный от родительного (краткого или полного). Он употребляется только при именах лиц или живых существ: *Пак сөбанъ-ыйге сао* (он живет у господина Пака), *кы сарам-ыйге чуэссо* (вы дали это ему?), *нэ-ге онын чим инныня* (пришел ли мне груз? дословно: есть ли груз, пришедший мне?), *кы сарам-ыйге өдөттэ* (я получил это от него), *ури-ыйге чө өптэ* (за нами нет никакой провинности, мы ни в чем не виноваты), *йөнъгук сарам-ыйге* (или *сарам-кке*) *нун-и пхурыда* (у англичан глаза голубые).

Эссивная частица *-сө* может присоединяться к дательному на тех же основаниях, что и к местному: *конъса-ыйгесө өдөттэ* (я получил это у посланника), *пак сөбанъ-ыйгесө пирессо* (я занял это у господина Пака).

95. Краткий дательный имеет то же значение, что и полный. К нему тоже может быть присоединена эссивная частица *-сө*.

Идея, выражаемая дательным падежом, в основном не требует пояснений. Все же при переводе на другие языки он может передаваться самыми различными способами: *и анкхан-кке а туур-и иссо* (у этой женщины двое ребят), *и анкхан-ккесө адыр-и п'өнъ-и тырессо* (дети этой женщины заболели). Если глагол имеет пассивное значение

или представляет собой такую форму, которая употребляется в учтивом разговоре, то дательный падеж служит указанием на логический субъект или действующее лицо пассивно выраженного действия. Авторы грамматических пособий по корейскому языку называют форму *-ккыйсə*, *-ккесə* именительным падежом, не указывая, однако, на то, что глагол в этом случае должен быть пассивным: *коньса-ккыйсə осəссо* (изволил прибыть посланник). Выходит, таким образом, что окончания *-ыйгесə*, *-ккесə* (*-ёгесə*, *-ыйгыйсə*, *-ккыйсə*) могут служить указанием как на действующее лицо, так и на дательный объекта: *коньсаккесə өдөттə* (получил от посланника), но *коньса-ккесə өдөссо* означает и „посланник изволил получить это“ и „я получил это от посланника“, тогда как *коньса-ккыйсə өдыс'өссо* означает только „посланник изволил получить (принять) это“.

96. Творительный падеж. Этот падеж, который следовало бы скорее назвать лативным или виативным, выражает либо направление движения, либо способ действия, либо орудие и материал, из которого что-либо сделано, либо, наконец, точку зрения, с которой что-либо рассценивается. Например:

а) направление: *сан-ыро көрөссо* (он шел лесом), *к'өнъ-сөнъ-ыро кассо* (он уехал в Сеул), *мулка-ро иссо* (это находится на берегу);

б) способ: *хим-ыро* (силой), *сэ-ро сиджак хао* (начинает снова), *мар ханын дэ-ро* (согласно тому, что он говорит);

в) орудие: *кхал-ло пөхигессо* (вы можете обрезать это ножом), *кичха-ро ватта* (они приехали поездом), *квн-ро тыннында* (слушаем ушами), *кави-ро ссыда* (употреблять в качестве ножниц, употреблять как ножницы), *йөл вөн-ыро сал тытхао* (вы можете, пожалуй, купить это за десять вон);

г) материал: *кым-ыро плхын* (сев.-кор. *кым-ыллы нип-хун* — покрытый золотом), *наму-ро мандын гөс-но* (вещь, сделанная из дерева);

д) точка зрения: *сəул-ло-нын төүпчи ансо* (для Сеула это не жарко), *сəянъин-ыро-нын мал чал ханда* (как европеец он говорит (по-корейски) хорошо).

В том случае, если творительный употребляется в значении орудного, после *-ро* иногда присоединяется частица *-ссə* (из *ссыда* — употреблять), особенно при переводах с китайского языка. Если же творительный падеж употреблен для выражения точки зрения, то его окончание часто сопровождается эссивной частицей *-сə*, которая к тому же распространена эмфатической частицей *-нын*: *са-рам-ыро-сə-нын* и *гəс-и мот тəнда* (для человека это невозможно), *чосəн пəб-ыросə-нын* (согласно корейским законам).

Творительный падеж выражается окончанием *-ро* после основ на гласный, *-ыро* после основ на согласный, *-ло* после основ на *л*. В сев.-кор. диалектах окончаниями служат *-ру*, *-ры*, *-лу*, *-лы*, *-ыллу*, *-ыллы*. Окончания *-ро*, *-ыро* восходят к *-ро*, *-эро* после основ с гласным заднего ряда и *-ру*, *-ыру* после основ с гласным переднего ряда.

97. Присоединение окончания местного падежа *-е* к творительному, то есть *-ру-е* (из **-ру-аи*), дало *-ллэ*, *-лле* (см. п. 36). Это окончание широко распространено в севернокорейских диалектах в значениях „для“, „в интересах“, „из-за“: *аби-ллэ мандырəссə* (я сделал это для моего отца), *чхипси-ллэ оди мот хао* (он не может прийти из-за холода), *мусыгə-ллэ* (из *мусын гəс-ы-ллэ*) *хəннын* я (для чего он сделал это?). В южнокорейских диалектах это окончание встречается только после глагольных имен на *-ки*, *-ги* и означает „по причине“, „в силу того, что...“

98. Винительный падеж. Прямой объект выражается использованием либо именительного, либо винительного падежа; последнее более очевидным образом выражает связь объекта с его действием. Очень часто винительный указывает на определенный в данных условиях объект: *коги чабатта* (поймал рыбу) (как это и предполагается рыболову), но *коги-рыл чабатта* (поймал (вот эту) рыбу).

Окончанием винительного падежа служат *-ыл* после основ на согласный и *-рыл* после основ на гласный.

В древнем языке гласный окончания менялся в зависимости от характера гласного основы: **-аp* после основ с гласным заднего ряда и **-ыр* после основ с гласным переднего ряда. От старого языка до нас дошли формы *нал* (меня), *нөл* (тебя) и *нул* (кого), которые не следует рассматривать как сокращенные варианты от *на-рыл*, *нө-рыл*, *ну-рыл*. В севернокорейских диалектах конечный согласный окончания *p* либо отпал, либо вообще никогда не присоединялся. Гласный звук окончания в севернокорейских диалектах подвержен многочисленным ассимиляциям: *мун-у йөрөра* — юж.-кор. *мун-ыл йөрөри* (открой дверь), *пур-у мур-ыллы чүгиги* (потушить огонь водой). В севернокорейских диалектах винительный имеет окончания *-ы* в положении после согласного (после губных: *-у*) и *-ры* (соответственно: *-ру*) в положении после гласного.

Во многих случаях винительный падеж употребляется также при глаголах движения, чтобы указать направление, и при местоимениях, чтобы указать дательный объект: *чхэг-ыл на-л чуөра* (сев.-кор. *чхэг-ы нэ-ге чуөра* — дай мне книгу).

99. Перечисленные выше падежи являются актуальными для современного языка и могут быть образованы от любого имени. Падежные окончания могут комбинироваться, о чем говорилось выше; хорошим примером может служить *сарам-ыйгеросө*. Наряду с продуктивными падежами имеются пережитки редко употребляемых падежных образований. Так, например, окончание *-и*, употребляемое в наречных выражениях, бесспорно является остатком какого-то древнего падежа.

Инструктивный падеж. Этот падеж, выражаемый окончанием *-и*, встречается в следующих выражениях: *пандас-и* (конечно; от *пандат хада* — необходимый), *нөнджиси* (нежно; от *нөнджит нөнджит хада* — нежный), *өр'өмпхыс-и* (тускло; от *өр'өмпхит хада* — тусклый, неясный), *нэ мөңһынн дыс-и мөгөра* (ешь так, как я ем; *тыт, тыс* — вид; *мөңһынн тыс* — вид едения), *ури чип тамн маккх'өссо* (наш дом отгорожен стеной), *манхын тоң-и ссада* (стоит много денег).

Ср. с этим окончанием маньчж. *i* в том же значении — окончание, которое в маньчжурских грамматиках смешивается с родительным падежом. Этот падеж может быть отождествлен с турецк. *-up*, *-in* и монг. *-un*, *-in*.

МЕСТОИМЕНИЕ

100. Личные местоимения. Как правило, корейский язык не употребляет столь щедро, как европейские языки, те местоимения, которыми он обладает. Во многих случаях значение оказывается ясным и без специально выраженного местоимения или без непрерывного повторения таких слов, как „я“, „ты“, „он“, „мой“, „твой“, „его“ и т. д. Третье лицо, там где возникает необходимость, выражается указательными местоимениями.

на (я)

детерминативная форма *нэ* (из *наи*), род. п. *нэ* (из *наый*, *наи*), вин. п. *нал* и *на-рыл*, твор. п. *на-лло*, реже *на-ро*; основа *на* (ср. монг. *папай* (меня), монг. и старое кашгарско-турецк. *паги* (ко мне, сюда).

ури (мы)

с показателями множественного: *уридыл*, *уридынъ*, *ури-мури* (кит. *тынъ* и кор. *мури* — куча, масса). Очень часто употребляется и в смысле родительного со значением „наш, нашей семьи“: *ури чип* (мой дом), *ури абаджи* (мой отец); основа *ури* (из **вури*; ср. турецк. *biz* — мы).

нө (ты)

детерминативная форма *не* (из *нөи*), род. п. *не* (из *нөый*, *нөи*), вин. п. *нө-л* и *нө-рыл*, твор. п. *нө-лло* (сев.-кор. *нө-ллу*). Множественное число: *нөхый*, *нөдыл*, *нөхыйдыл*, *нөхыйдынъ* и т. д. или *нөдылле*, *нөнедыл*. Это местоимение считается очень грубым, почти оскорбительным. Вообще следует избегать местоимений в разговоре с незнакомым человеком, употребляя вместо них субституты, из которых некоторые приведены ниже. В дружеской и фамильярной беседе второе лицо может быть названо одним из

следующих слов-местоимений: *чане*, *кыне* (*кене*, *көне*), *ке*, *кыде*, *көдый*. Входящее в состав этих местоимений *-не* первоначально означало „человек“, *-де* (из *таи*) — „место“, *кы-*, *кө-* — „этот“ и *ча-* (в *чане*) либо кит. *чай* — „сам“, либо **ча* — „та сторона“, „другая сторона“. Подобным же образом избегают употреблять местоимение первого лица *на*; вместо него используют такие выражения, как *ин'ок* (эта сторона), *ином* (этот человек, вернее: эта личность), *ин'ө* (эта женщина) и др. (см. ниже). Очень часто в качестве местоимения первого лица используется *че* (из *т'өи* — младший брат; ср. монг. *degü* — младший брат, в письмах: я).

101. Как сказано выше, есть целый ряд имен существительных, которые употребляются как субституты личных местоимений.

Субституты местоимения второго лица:

х'онь — старший брат,

нох'онь — старый старший брат,

көнъ — князь,

танъсин — особа, находящаяся налицо; данная особа,

сөбанъ — секретарь, господин,

илх'өн — эта сторона,

тэк — дом, владелец дома,

сөксень (также *сысынъ*) — учитель,

имджа (а также *нимдж'а*) — владелец (при фамильярном обращении) и т. д.

Субституты местоимения первого лица:

че — младший брат,

пэнин — данный человек,

соин — маленький человек,

сосэнъ — маленький ученик,

соджа — маленькая личность,

сисэнъ — меньшей, младший,

лок — слуга, раб.

102. Если вместо местоимений *на* (я) и *нө* (ты) употреблен вежливый субститут, то все другие слова в предложении должны согласоваться с этим субститутотом в от-

ношении учтивости, что сохраняет единство стиля; например, „сколько вам лет?“ передается по-корейски так:

- а) *нə на-и өлмана тəни* (к ребенку, прислуге),
- б) *чане на-и өлмана тəнын я* (к другу),
- в) *тэк на-и өлмана тəё* (учтиво),
- г) *таньсин н'өнсе-га өлмана тəмникка* (наиболее учтиво).

Как правило, корейцы в разговоре с посторонними всегда испытывают беспокойство в поисках правильного „уровня“ или „стиля“ обращения, поскольку социальный момент в речи, согласно их представлениям, является признаком образованности. Здесь могут быть предложены следующие правила:

- а) не говорить слишком „грубо“ о себе, но достаточно „учтиво“ о других; б) употреблять парафразы и титулы, избегая „личностей“; в) в явно официальной беседе использовать указательные местоимения, которые вполне достаточны.

103. Указательные местоимения: *и* (*йө, ё* — этот, эта, это), *чө* (сев.-кор. *т'ө, тө*) с вариантом *чо* (тот дальний) и *кы* (*кө, ко* — тот ближний). Эти местоимения употребляются обычно как определения, но иногда они могут быть использованы как имена существительные, если речь идет о лицах (см. выше). Гласная *о* в *ё, чо, ко* имеет уничижительно-пренебрежительный оттенок: *и ном* (эта личность), но *ё ном* (этот тип, эта каналья), *чо ном* (тот тип), *ко ном* (тот тип).

Очень часто указательные местоимения тесно сливаются с последующим именем существительным:

<i>и</i> — некто, личность	<i>иш, чөи (че), кыш</i> — эта (та) личность
<i>ча</i> — лицо, человек (кит.)	<i>иджа, чөджа, кыджа</i> — он <i>ёджа, чоджа, коджа</i> — он (пренебрежительно)
<i>ном</i> — тип	<i>ином, чөном, кыном</i> — он <i>ёном, чоном, коном</i> — он (пренебрежительно)

<i>кəт</i> — вещь	<i>игəт, чəгəт, кыгəт</i> — это, то <i>ёгəт, чогəт, когəт</i> — это, то (пре- небрежительно)
<i>кəт</i> — место	<i>игəт, чəгəт, кыгəт</i> — здесь, там <i>ёгəт, чогəт, когəт</i> — здесь, там (пренебрежительно)
<i>иттэ</i> — время	<i>иттэ</i> — теперь, <i>чəттэ, кыттэ</i> — тогда
* <i>иттай</i>	<i>иттэ</i> — теперь, <i>чəттэ</i> (сев.-кор. <i>тəттэ</i>), <i>кыттэ</i> — тогда
<i>пх'əн</i> — сторона	<i>ипх'əн</i> — здесь, вы, я и т. д.
<i>ччак</i> — половина	<i>иччак</i> — на этой стороне
* <i>пчак</i>	<i>ипчак</i> — здесь
<i>-ге</i> (местн. суф.)	<i>ёччак</i> — здесь (пренебрежительно) <i>йёге, йё</i> — здесь, <i>чəге, чə</i> — там, <i>кыге, кə</i> — там.

Личные местоимения третьего лица „он“, „она“, „оно“, „они“, в случае необходимости выразить их, передаются по-корейски указательными местоимениями, обычно посредством *кы, кыи, кы сарам* (он, она) (в отношении к лицам) и *кыгəт, чəгəт* (он, она, оно) (в отношении к вещам).

104. От основы *кы* (тот), повидимому, произведена энклитически употребляемая частица *-ко* (*-кко, -го*), являющаяся знаком конца прямой речи:

чума-кко ханда — сказал: „дам“, обещал дать;

каря-кко ханда — сказал: „пойду“, намеревается пойти;
каря — позвольте пойти;

онда-го ханда — сказал, что они идут; сказали, что он идет; *онда* — он идет, они идут.

Это *-ко*, соответствующее нашему союзу „что“, нельзя смешивать с вопросительной частицей *-ко* (вариант *-ка*), которая тоже завершает предложение (см. п. 150, 294).

105. Возвратное местоимение. В корейском языке нет исконно корейских возвратных местоимений. Обычно употребляется китайское слово *чй* или *чйги* в значении „сам“. Помимо того, часто употребляют *чхинхи*

в значении „лично“, *хонджа* (сев.-кор. *хабунджа*) в значении „сам, один“, *чолло* в значении „сам, само собой“.

106. Вопросительно-неопределенные местоимения. Одно и то же местоимение может быть то вопросительным, то неопределенным. Если оно имеет вопросительное значение, то на него падает определенное ударение; при этом интонация повышается к концу предложения, а сказуемое сопровождается вопросительными частицами *-ка*, *-я* (и их вариантами). То же самое местоимение с повествовательной интонацией имеет значение неопределенного. При отрицательном сказуемом эти же местоимения, сопровождаясь частицей *то*, принимают значение тотального отрицания (никто, ничто и т. д.).

1) *ну*, *нугу* (кто, кто-то, некто); с детерминативной частицей *нуи*, *нуга*, *нуига*, род. п. *нуи*, дат. п. *нуиге*, твор. п. *нуро*, *нулло*, вин. п. *нул*, *нурыл*; например: *нуга*, *вассо* или *нуга ваннын я* (*ванна*, *ваннй* — кто пришел?); *нуга вассо* или *нуга ватта* (*ванне* — кто-то пришел); *нугу до ани вассо* (никто не приходил); *нугу ани вассо* (некто не приходил); *пчнъ-е нуга иссо* (есть ли кто-нибудь в комнате?); *нугу-дөнджи* (кто угодно); *нугурадо* (кто бы то ни был); *нугул пого кырөн мар-ыл хасио* (кому вы это сказали?); *нуиге сассо* (у кого вы это купили?); *чөгө каныч-и-га нугу-н-джи морыгессо* (я не знаю, кто это [тот, который] там идет); *нуга нэ пх'өнджи каджиго ванна* (кто-нибудь приносил мне письмо?);

2) *муөт* (что, что-то); восходит к *му-гөс* (что за вещь, какая вещь?); детерминативная форма *муөси*, *муе*, *муө*, вин. п. *муөсыл*, *муөл*, *муыл*; твор. п. *муөсыро*, *муөлло*; например: *игөс-и муөлло мандын гөс-ио* (из чего это сделано?); *муөт то ани мөгөссыни муөри до мөккө капсида* (я ничего не ел, давайте поедем чего-нибудь и потом пойдем); *муөсидөнджи* (что угодно); *ирым-и муөс-ио* (как это называется?);

3) *мусөн*, *мусын*, *мусым* (что [употребляется атрибутивно], что-то); восходит к *муөс хан* или *муөс ин*; например: *мусын пр-ио* (в чем дело?); *мусым сарам-ио* (что это за человек?); *мусын гөс-идөнджи чал хая-я ссыгессо*

(что бы это ни было, все нужно делать хорошо); *мусын сэг-инга* (что это за цвет?);

4) *м'эт* (*м'ет, мет*) — (сколько; несколько); основа **м'өчх*; вин. п. *м'өчхыл*, твор. п. *м'өтчхыро*. Конечный согласный этого местоимения обычно ассимилируется последующим согласным (см. п. 14 о конечном *т*); например: *м'өтчх-но* (сколько вам лет?); *м'өтхэ-га тдйөөссо* (сколько лет прошло с тех пор?); *м'өтчхил мане осөссо* (за сколько дней вы приехали?); *модо м'өнни-о* (сколько всего верст?); *м'ән-сарам-ый тон-и тырөссо* (деньги какого количества людей ушли на это? или: на это были потрачены деньги большого количества людей); *м'өк-кэ каджө вассо* (сколько штук вы принесли? или: они принесли некоторое количество штук (того-то и того-то)); *м'өс-си-о* (который час?);

5) *вэ, ве* — почему (наречие); орфография: *ваи*; атрибутивная форма *вэн, вен*, восходящая к **ваи-ин*; например: *ве-ё, ве-да* (почему?); *ве кыри хасно* (почему вы говорите так?); *вен ккадал-но* (каковы причины?); *вен ил-ло катта* (он пошел по какому-то делу); *вен ил-ло канна* (по какому делу он пошел?);

6) *өдэ, өде, өдый* (*өды*), сев.-кор. *вөде, вөды* (где); восходит к *вө* (что) — *тэ* (из *таи* — место=что за место); например: *мур-ын өдэ-га чөил кипсо* (где вода глубже всего?); *өдэл* (*өдэро, мусын деро*) *катта* (они куда-то ушли); *өдырыл куг'өнъ хасөссо* (что (какое место) вы смотрели?); *өдэ-м-мар-ыл пэхвассо* (какой язык вы изучали?); *өды-н-нара-ый сарам-но* (какой он национальности (страны?)); или: он из какой-то (другой) но какой, не знаю) страны); *өдэ дөнджи иссо* (это есть где угодно); *өдымэ* (где);

7) *өна, өнэ* (*өны, өн-*), сев.-кор. *вөна-, вөн-* (какой; один из двух или более), употребляется только атрибутивно или в форме род. п. *өнын*; например: *өнын нара-га игигессо* (какая страна победит?); *кы сарам чиб-и өнэ чиб-ио* (какой из этих домов его?); *өндже* (сев.-кор. *вөндже* — когда, когда-то, как-нибудь); *өна ттэ, өны ттэ* (когда, когда-то); *өлма, өлма* (сколько; *ман* — сумма, размер); *индже өлма мот пдёл тыт хао* (я, видимо, не увижу вас некоторое время); *өлма кидар'өккетчи манын, амо до ани вассо* (мы некоторое время ждали, но никто не пришел);

8) *өттө* (как, каким образом; какой-нибудь); в таком виде употребляется только как наречие; в предложении обычно сопровождается глаголом *хада* (быть, делать): *өттө хада* (как поступить, как быть) или сокращенно *өттөтха*; *өттө хан* или сокращенно *өттөн*; *өтөхаге* или сокращенно *өттөкхе*; *өттөхао* или сокращенно *өттөо* и т. д.; например: *өттөн ири-о* (что это такое? в чем тут дело? тут что-то есть); *кас-и өттөо* (ну, каков вкус?); *памсэ-га өттө-сио* (или *өттө хасио*) (как вы провели ночь? — в смысле: доброе утро); *өттөн ттэ-е тбмнида*, *өттөн ттэ-е танъчхо-е ани тбмнида* (иногда это выходит, но иногда ничего не получается); *и-га өттөкхе чокхессо* (как будет лучше это сделать? или: так или иначе — все будет хорошо);

9) *өтчи* (как, почему; до некоторой степени); сев.-кор. *өтти*; встречается только в сочетании с *хада*, сокращаясь в *өтчөда*, *өтчэда*; например, *өтчи хая чө еөлгэх-кочх-ыл ттассо* (почему вы сорвали ту розу?); *өтчин* (*өтчөн*, *өтчихан*) *ккадолг-ио* (в чем тут причина?); *өтчи хаджа-нын* (или *хаджа ханын*) *малсам-ио* (можете ли вы сказать, как лучше сделать это?).

Во всех этих словах, как прилагательных, так и наречиях, имеется общий корень *ө*, восходящий к *вө*, который в производном *вэ* представляет собой, видимо, местный падеж. Словосочетания *өттө хада* и *өтчи хадда* имеют соответствия в таких выражениях, как *кырө хадда* (такой), *чөрө хада* (такой), *прө хадда* (такой).

107. Есть еще ряд местоимений, которые, однако, употребляются только в неопределенном значении:

10) *амо* (*ам-*), сев.-кор. *аму* употребляется как в смысле существительного, так и в смысле прилагательного: *амо-гэ ванын я* (кто-нибудь пришел?); *амодыр-ый чйби* (чьи-то дома); *амогэ-га вассо* (пришел какой-то человек); *амо дэро катта го хюо* (он куда-то, говорят, ушел); *амо дэро до катта* (он был везде); *ам-ман хайө до* (во что бы то ни стало); *амо год-е итчио* (думаю, что где-нибудь есть); *амо сарам-ина* (кто бы это ни был); *амо-дөнджи оракко* (скажи, чтобы кто угодно шел сюда!); *амори хаясө-до* (как бы то ни было);

аморөхагөна (так или иначе); *амо-джоро-ок* (любими средствами); *амо-тмэ-е до тта-е ани чатта* (я никогда не спал на земле); *амо-тмэ-е* (когда-то); *амо-тмэ-е до* (в любое время, всегда).

Неопределенные числительные

108. Прежде чем перейти к числительным, необходимо привести ряд имен со значением суммарного счета, тем более, что многие из них употребляются как неопределенные местоимения. Наиболее употребительными являются: *йөрө* (прилагательное), *йөрөс* (существительное: многие, разный, различный); *йөрөгаджи* (различного рода), *йөрө-гөс-и иссо* (есть разные вещи), *йөрө-бөн* (часто), *йөрө-дэ* (во многих местах, почти всюду), *йөрө-бун* (все вы). Это слово восходит, повидимому, к *йөл* (десять); *с* в *йөрөс*, повидимому, восходит к *көс* (вещь).

төрө (немного); *төро...*, *төрө...*, (некоторые..., некоторые...);

хөк (некоторые; возможно); *хөкси* (иногда), *хоги кирадэ* (некто сказал);

хана (существительное, сев.-кор. *ханна*; *хан* (прилагательное: один, некто; тот же самый); *хан симул* (двадцать); *хана-нын...*, *хана-нын...*, (один..., другой...); *хан год-е каджа* (пойдем в одно и то же место); *та хан тонъхянь сарам-ио* (вы все из одной и той же местности?) (см. числительные);

хөн, сев.-кор. *хабун* (один, одинокий); *хонджа*, сев.-кор. *хабунджа* (один, всего лишь один); *холло*, сев.-кор. *хабуллу* (сам один);

тā (все);

чō, сев.-кор. *чохи* (все), *чō да* (все);

то (кит.— все вместе); *томоджи* (все); *тā ватта* (все пришли), *тā тōйөссо* (все готово), *чōда кагетти* (они пойдут все), *туул та чхви хайөссо* (оба они пьяны);

тыл, сев.-кор. *төр* (в старом языке также *төн* — различные, все); употребляется также как знак множеств-

венности: *индже дыл чиб-е га* (ну, теперь идите все домой);

модын (прилагательное), *модо*, *мода* (прилагательное и существительное; от глагола — *мотта* собирать); *модын нара* (вся страна); *нара-га модо* (вся страна), *сарам и модо* (все человечество, все люди);

мут (толпа — существительное), *мури* (толпа, стая); *сэ мури* (стая птиц);

он, сев.-кор. *обун* (все), *онджа* (в сумме, в целом); сев.-кор. *обун шешань-е* (во всем мире), *он гат* или *он гаджи* (всякого рода), *он гас-сарам* (всякого рода люди);

мада, сев.-кор. *маданъ* (каждый — существительное);

май > *мэ* (кит.) (каждый — прилагательное); *сарам мада* (каждый человек), но также *мэин*; *нал мада* (ежедневно, каждый день), но также *мэил* (сев.-кор. *мэ-эл*); *мэси* (каждый час); *нара мада* (каждая страна), но также *мэзук*;

как (кит.) (каждый): *как каджи* (каждый, разного рода), *как сэги* — с тем же значением, *как сарам* (каждый человек), *какки* (каждый из них).

ЧИСЛИТЕЛЬНЫЕ

109. Корейцы употребляют двоякого рода числительные: одни являются исконно корейскими, другие заимствованы из китайского языка.

Чисто корейские числительные употребляются в сочетании с исконно корейскими именами существительными; с китайскими же именами существительными употребляются китайские числительные. Корейская система числительных включает наименования чисел до ста; два слова *он* (сто) и *чымын* (тысяча) некогда существовали, но теперь не употребляются. Для чисел свыше двадцати предпочитают китайские числительные.

Некоторые корейские числительные имеют две формы: одна употребляется в значении существительного и как таковая может склоняться; другая употребляется в значении прилагательного, являясь, таким образом, синтаксически атрибутом

Количественные числительные

Корейские числительные

существительные прилагательные

Китайские

числительные

1 хана	хан	ил
сев.-кор. ханна		
2 тул, туул, тувул	ту	и
сев.-кор. түүр		
3 сет (детерм. сес-и)	се (сөк, сө)	сам
4 нет (детерм. нес-и)	не (нөк, нө)	са
5 тасыт (детерм. тасыс-и)	тасөт, тат	о
6 йөсыт (детерм. йөсыс-и)	йөсөт, йөт	юк (нюк)
7 илгон (из нилгон)	илгон	чхил
8 йөдөлп	йөдөлп, йөдөл	пхал
9 ахон (āхун)	ахон	ку
10 йө* (йөри)	йөл	син
сев.-кор. йөр, яр		
11 йөрхана	йөрхан	сибил
12 йөлдүл	йөлду	сиби (симни)
20 сымул	сымул, симу	исин
30 сөрхын		самсин
40 махын		сасин
50 суин		осин
60 йөсуин, йөсун		юксин
70 прхын		чхилсин
80 йөдын		пхалсин
90 ахын		кусин
100 (арх. он)		пэк
101 пэкхана	пэкхан	пэгил
120 илбэксымул	илбэксыму	илбэгисин

Далее: 200 ибэк, 300 самбэк, 400 сабэк, 500 обэк, 600 юкпэк, 700 чхилбэк, 800 пхалбэк, 900 кубэк, 1000 чхөн и 10 000 ман.

Атрибутивные формы сөк, нөк употребляются перед некоторыми словами, начинающимися на зубной согласный; например: санъ (стол), ссанъ (пара), сөм (мешок),

тал (месяц), *чанъ* (лист), *чим* (груз) и т. д. Что касается употребления *тасыт*, *йөсыт*, с одной стороны, и *тат*, *йөт*, с другой, то на этот счет, как кажется, нет определенных правил; формы *сө*, *нө*, *тат*, *йөт* обычно употребляются с такими существительными, как *тоя* (деньги), *мал* (маль; мера сыпучих тел).

Именные формы *сес-и*, *нес-и* (три из них, четыре из них), видимо, составлены из *се* (или *сө*), *не* (или *нө*) и *гөс*, *көс* (вещь); *с* является остатком этого слова (*с* < *т*). Таким же образом, очевидно, разъясняется и *с* в *тасъс*, *йесыс* и в имени существительном *йөрөс-и* (многие из них) (< *йөрө гөс-и*); ср. прилагательное *йөрө* (многий, различный) из *йөл* (десять).

Что касается происхождения этих числительных, то здесь могут быть предложены следующие догадки: существительное *хана*, *ханнā* восходит, очевидно, к *хан* (один) и *нā* (вещь? лицо?); *тувур* (ср. тунг. *žur*, маньчж. *зие*) содержит некий элемент **бур*, **бөр*; ср. айнские *с'и-не* (один), *ту* (два), *ту-отне* (сорок); в числительных **тā-сāс* (пять) и **йө-сыс* (шесть) содержится, видимо, элемент *сā-с*, очевидно, со значением „рука, кулак“, слово, родственное существующему ныне *сон* (рука; ср. маньчж. *sun-ža* — пять, тунг. *so-lto* — кулак, гольдское *sosi* — пятьдесят, кор. *суин* — пятьдесят, маньчж. *susai* — пятьдесят). Весьма возможно, что *та* в *тā-сāс* родственно монгольскому киданьскому *ta-bun* (пять), корейскому *тā* (весь, все), а *йө* в *йө-сыс* родственно *йөл* (десять). Числительное *йөл* (десять) находится в связи с глаголом *йөлда* (открывать), так же как маньчж. *жуап* (десять) соотносится с маньчж. же *жуап-ка* (открытый; ср. *жуамби* — открывает); в кор. **нилкоп* (семь) можно выделить **нил*, родственное тунг. *ilan* (три), и *коп* (сгибать; выходит, таким образом, что *нил-коп* значит дословно „[с] тремя загнутыми [пальцами]“); слово *йөдөлп*, *йөдылп* (восемь) можно толковать как сложное, состоящее из *йөл* (десять) и **тулп* (без двух); *ахоп* (девять), видимо, состоит из вышеупомянутого *-коп* (согнутый) и *а-* (? маленький, ребенок), (ср. маньчж. *цун* — девять, тунг. *цун* — маленький; выходит, таким образом, что *ахоп* дословно означало „маленький палец [загнутый]“; кор. *он* (сто)

родственно турецкому *он* (десять), древнеяпонскому *о* (сто), тогда как кор. *чымын* (тысяча) родственно монгольскому, турецкому *tümän* (десять тысяч).

110. В корейском языке есть ряд сложносоставных числительных для приблизительного счета. В состав этих слов обычно входят *пөн* (раз), *сарам* (человек), *кэ* (штука) и др.

Точный счет

хандбөн — раз, однажды
тубөн — два раза, дважды

себөн — три раза, трижды
небөн — четыре раза

тасөппөн — пять раз

йөсөппөн — шесть раз

п.гоппөн — семь раз

йөдөлбөн — восемь раз

ахөппөн, ахуппөн — девять раз

йөлбөн — десять раз

йөл-ламын (йөнамын) — свыше десяти

(*я.л-ламун* — свыше десяти, по крайней мере десять).

Приблизительный счет

хандубөн — раз или два
тусөбөн — два-три раза,
туөбөн — несколько раз
(*туө* — немного)

сөнөбөн — три-четыре раза
нөдөппөн — четыре-пять раз

нөдөдэппөн — раз пять
тэйөппөн, тэйөйөппөн — примерно раз шесть

йөннилкөппөн — по крайней мере раз шесть

п.рёдөллөн — около семи раз

йөдахөппөн, йөдахуп-пөн — раз восемь

айөрөбөн — раз девять

йөрөбөн — раз десять
(*йөрө* — несколько)

111. Есть ряд специальных слов, указывающих возраст животных (коров, волов, диких животных).

хароп, харып — одногодок

турып, туруп — (животное) двух лет

сароп, сарып — (животное) трех лет

нарып — (животное) четырех лет

тасоп, тасып — (животное) пяти лет

йөсүп — (животное) шести лет
проп — (животное) семи лет
йөдүп — (животное) восьми лет
асоп или *куруп* — (животное) девяти лет
тамбул, тампул — (животное) десяти лет

В этом последнем слове содержится, очевидно, или существительное *пул* (травя), что подтверждается тем, что наряду с приведенными выше словами встречаем *ханыпул* (одна травя — для одногодки), *шупулу* (две травы — для животного двух лет) и т. д.

112. В корейском языке имеется также ряд особь. слов для выражения числа дней и чисел месяца

<i>харо</i> или <i>хару</i> — один день	<i>харо нал</i> — первое число
<i>итхыл</i> — два дня	<i>итхын нал</i> — второе число
<i>сахыл</i> — три дня	<i>сахын нал</i> — третье число
<i>нахыл</i> — четыре дня	<i>нахын нал</i> — четвертое число
<i>тассэ</i> — пять дней	<i>тассэ нал</i> — пятое число
<i>йөссэ</i> — шесть дней	<i>йөссэ нал</i> — шестое число
<i>прхе</i> — семь дней, неделя	<i>прхе нал</i> — седьмое число
<i>йөдырэ</i> — восемь дней	<i>йөдырэ нал</i> — восьмое число
<i>ахырэ</i> — девять дней	<i>ахырэ нал</i> — девятое число
<i>йөрхыл</i> — десять дней	<i>йөрхыл-лал</i> — десятое число
<i>йөрхаро</i> — одиннадцать дней	<i>йөлхаро</i> — одиннадцатое число
<i>йөритхыл</i> — двенадцать дней	<i>йөритхын нал</i> — двенадцатое число
<i>порул, порым</i> — пятнадцать дней	<i>порым нал</i> — день полнолуния
<i>суму, сыму</i> — двадцать дней	<i>симу нал, симул-лал</i> — двадцатое число
	<i>кымым, кымым нал</i> — последний день месяца

Аналогичным образом имеем следующие слова для счета лет: *ит-хэ* (два года; *хэ* — год, солнце, день), *сэт-хэ* (три года) и т. д.

Онал ивөл сыму-итхыр-но (сегодня 22 февраля), *йөсс-ху-е таси осно* (пожалуйста, приходите снова через шесть дней), *харо гөннө чаньнар-но* (каждый второй день бывает базар), *итхыл көннө* (каждый третий день), *кымымкке* (в конце месяца), *порумкке* (числа пятнадцатого).

113. Порядковые числительные

корейские	китайско-корейские
первый — <i>чхөт, чхөтчэ</i>	<i>че-ил</i>
второй — <i>тулджэ</i>	<i>че-и</i>
третий — <i>сетчэ</i>	<i>чэ-сам</i>
четвертый — <i>нетчэ</i>	<i>че-са</i>
пятый — <i>тасөтчэ, тассөтчэ</i>	<i>че-о, чо-о</i>
шестой — <i>йөсөтчэ, йөссөтчэ</i>	<i>чэ-рюк</i>
седьмой — <i>илгончэ</i>	<i>че-чхил</i>
восьмой — <i>йөдөлджэ, йөдөлтчэ</i>	<i>че-пхал</i>
девятый — <i>ахөтчэ</i>	<i>че-гу</i>
десятый — <i>йөлджэ</i>	<i>че-сип</i>
одиннадцатый — <i>йөрханджэ</i>	<i>че-сип-ил</i>
двадцатый — <i>сымуджэ, сымуджэ</i>	<i>че-исип</i>
пятидесятый — <i>свинджэ</i>	<i>че-осип</i>
сотый — <i>пэкчэ</i>	<i>че-илбэк</i>
тысячный — <i>чхөнджэ</i>	<i>че-илчхөн</i>
десятитысячный — <i>манджэ</i>	<i>че-илман</i>

114. Классификаторы

Корейские числительные, как известно, имеют две формы: именную и адъективную. Адъективная форма употребляется в том случае, когда за ней следует имя существительное: *хан сарам* (один человек). Однако не всякое существительное может следовать непосредственно за числительным. Что касается китайских числительных, то они предшествуют китайскому имени суще-

ствительному, к которому относятся и с которым составляют одно сложносоставное слово.

Подобно китайскому, японскому, гиляцкому и многим другим языкам, корейский имеет специальные имена, которые, соединяясь с числительными, служат как бы счетной единицей. Классификаторы китайского происхождения соединяются с китайскими числительными, а корейские — с корейскими. Используя термин, предложенный Ундервудом, мы называем такие имена классификаторами, а не служебными числительными. Как в русском языке говорим пять голов скота, три листа бумаги, так и в корейском говорят не пять лошадей, а лошадей пять голов, людей три имени и т. д. Ниже перечисляем наиболее употребительные классификаторы: *м'өнъ* (кит.) — имя, *нат* (кор.) — лицо (при счете лиц) *пун*, *ви* — персона (при счете особо уважаемых лиц) например:

ыйвөн ханбун-и — один врач,
мари (кор.) — голова; при счете животных,
пхил — при счете крупных животных (кони, коровы, обезьяны и т. д.),
ил (кит.) — при счете шляп, матрацев и т. д.,
чхэ — фундамент, основа; при счете домов, повозок и т. д.,
чва — сидение; при счете домов, орудий и т. д.,
санъ — стол; при счете столов, стульев, стоячих предметов утвари,
чу — ствол; при счете деревьев, бревен,
пөл — комплект; при счете платья, горшков,
чаро (кор.), *п'өнъ* (кит.) — ручка; при счете мечей, ножей, вееров, пишущих ручек, вообще всех предметов, которые держат в руках,
тонъ — связка; при счете грузов, увязанных вещей,
төнъи — при счете длинных и круглых предметов,
тте — стая; при счете стай птиц, стад и т. п.,
кх'өри — пара; при счете вещей, предметов, которые существуют парами,
ссанъ — пара; при счете животных и вещей, которые существуют парами,

кил, квон (кит.) — том; при счете книг,

ал — зерно; при счете всякого рода маленьких предметов,

пх'он — сторона; при счете кусочков чего-либо съедобного,

мадэ — при счете слов, предложений, песен и т. п.,

чхэк — корабль; при счете кораблей, пароходов, лодок,

ччок, ччак — половина; при счете вещей, которые обычно существуют парами или, будучи взятыми в большем числе, представляют одно целое,

кэ — штука; при счете предметов, которым не присвоено особого классификатора.

ГЛАГОЛ

Общие замечания о спряжении

115. Глагол в корейском языке выражает либо нечто происходящее, то есть какое-либо событие или действие, субъектом которого является деятель, либо то, что нечто является тем-то и тем-то или таким-то и таким-то, иначе говоря, суждение, тождество, высказанное относительно субъекта.

Глаголами действия мы называем в этой книге все активные глаголы (переходные и непереходные по значению); они соответствуют глаголам наших европейских языков. Все прочие глаголы, которые названы здесь качественными, передаются в европейских языках прилагательными, реже глаголами; например, *пачх-и пхурыда* (поле зеленое), *хоранги-га мусонга* (тигр страшен), *кы-га мар-ида* (это есть лошадь), *и-га наму-да* (< *наму-ида*) (это есть дерево).

Лишь в некоторых формах или временах обнаруживается разница между этими двумя классами глаголов; разница между ними грамматически явственна лишь в некоторых формообразованиях настоящего времени да в причастиях, как это будет показано дальше. Оба класса

глаголов следуют одному и тому же спряжению, единственному в корейском языке.

116. Парадигма спряжения корейского глагола обнаруживает исключительно большое число самых различных форм; однако ни одна из них не имеет специальных окончаний, которые указывали бы на то, одно или большее число лиц или вещей участвуют в действии или обладают тем или иным качеством; грамматические „лица“ (я, ты, он, она, оно, мы, вы, они) не имеют грамматического выражения в языке: все глагольные формы безразличны к лицу и числу. Вместо этого выбор той или другой формы зависит от того, какую степень вежливости, фамильярности или учтивости желает выразить говорящий. Во многих формах глагола мы находим явное указание на социальный аспект или отношение к лицу или лицам, в чьем присутствии произнесены те или иные слова, к кому они обращены или о ком они высказаны. Во многих положениях в предложении глагол может иметь простую форму, но в конечном положении (соответствующем сказуемому предложению) социальный аспект не может быть оставлен без внимания. Разговаривая, кореец различает речь, обращенную к вышестоящему лицу, речь, обращенную к равному, речь, обращенную к нижестоящему лицу, и речь монологическую. Формы, выражающие речь, обращенную к нижестоящим, являются наиболее древними и простейшими. В разговоре с равными употребляются формы, которые первоначально принадлежали незаконченным предложениям. В разговоре с вышестоящими различаются различные степени учтивости; существует много произливых глагольных выражений, которые по своему происхождению являются сложными образованиями, составленными из причастий с вспомогательным глаголом *иди* (быть). Выбор правильной формы для главного глагола предложения является в корейском языке более значительным делом, нежели в каком-либо другом языке мира, за исключением, быть может, лишь японского. Употребление слишком скромного или слишком учтвого выражения в обыденной речи, в обыденном разговоре друзей или равных по положению лиц может поставить

говорящего в смешное положение; равным образом употребление слишком простой или слишком вульгарной, неучливой формы глагола-сказуемого в разговоре со старшим или более высоким по положению лицом или в присутствии этого лица было бы непростительным оскорблением. Часто различные степени учтивости указывают также на субъект глагола-сказуемого (*онда* — я пришел, мы пришли, он пришел, они пришли; но *оо* — ты пришел; в фамиллярной речи).

Отсюда следует, что все глагольные формы, которые употребляются в конце предложения, должны быть усвоены особо тщательно тем иностранцем, который собирается сказать что-либо по-корейски. Следует отметить, что степени вежливости являются одними и теми же как в случае, когда речь обращена непосредственно к слушающему, так и в случае, когда она произносится в его присутствии, не касаясь его непосредственно; например, *сан-и нопта* (гора высока — как монологическое высказывание или в разговоре с детьми, слугами), *сан-и нопсо* (гора высока — если я говорю это другу или лицу, положение и возраст которого не слишком отличаются от моего); *сан-и нопхымнида* (гора высока — когда я говорю с уважаемым мною лицом); *сан-и ноптода* (гора высока — так говорится только для себя самого).

117. Как было сказано выше, есть только одно спряжение; все глаголы спрягаются одинаковым образом; всюду используются одни и те же окончания; но при этом наблюдаются значительные фонетические изменения на стыке между основой (ее последним или последними звуками) и суффиксом (его начальным звуком и его гласным).

118. С точки зрения последнего звука основы все глаголы могут быть подразделены на две основные группы; глаголы делятся на а) группу с гласной основой и б) группу с согласной основой.

В следующих примерах следует обратить внимание на характер основы и на видоизменение суффикса.

I. Группа с гласной основой

а) один гласный

<i>пода</i> — видеть	<i>поа</i> — увидя	<i>пон</i> — видевший
<i>ода</i> — приходить	<i>ва</i> — придя	<i>он</i> — пришедший
<i>чуда</i> — давать	<i>чуө</i> — дав	<i>чун</i> — давший
<i>ида</i> — становиться	<i>чө</i>	<i>чин</i>
<i>кхыда</i> — большой	<i>кхө</i>	<i>кхын</i>
<i>ссыда</i> — писать	<i>ссө</i>	<i>ссын</i>
<i>сөда</i> — стоять	<i>сө</i>	<i>сөн</i>
<i>када</i> — идти, уха- дить	<i>ка</i>	<i>кан</i>
<i>ида</i> — быть	<i>ийө, иө</i>	<i>ин</i>
<i>хада</i> — делать, гово- рить	<i>хая, хайө</i> (<i>хэйө, хэ</i>)	<i>хан</i>
<i>көннөда</i> — перехо- дить (реку)	<i>көннө</i>	<i>көннөн</i>
<i>пэхода</i> — учиться	<i>пэхва</i>	<i>пэхон</i> или
<i>пэхуда</i> — учиться	<i>пэхва</i>	<i>пэхун</i>
<i>киппуда</i> — рад	<i>киппө</i>	<i>киппун</i>
<i>аппхыда</i> — испыты- вать боль	<i>аппха</i>	<i>аппхын</i>
<i>писсада</i> — дорогой	<i>писса</i>	<i>писсан</i>
<i>толлида</i> — вращать	<i>толл'ө</i>	<i>толлин</i>
<i>мөгида</i> — кормить	<i>мөг'ө</i>	<i>мөгин</i>
<i>сеуда</i> — строить, воз- двигать	<i>сөвө</i>	<i>сеун</i>
<i>толчхыда</i> —ворачи- ваться	<i>толчхө</i>	<i>толчхин</i>

(в Северной Корее последний глагол имеет следую-
щий вид:

тортхыда — оборачиваться *тортх'ө* *тортхин*)

б) дифтонги (на -и)

(<i>наида</i>) <i>нэда</i> — выни- мать	<i>нэйө</i>	<i>нэн</i>
<i>нида</i> — пустой	<i>нийө</i>	<i>нин</i>
<i>игида</i> (из <i>игыйда</i>) — победить	<i>игийө</i>	<i>игйин</i>

(свида) седа — креп- кий	сейө	сен
(тоида) тода — ста- новиться	тойө	тоң

(в Северной Корее последний глагол имеет следую-
щий вид:

тведа	твейө	твен)
в) глаголы с конечным слогом -ру-, -ры-		
(оруда) орыда — под- ниматься	олла	(орун) орын
пурыда — звать	пуллө	пурын
хырыда — течь	хыллө	хырын
(нирыда) ирыда — называть	иллө	ирын
аорыда — присоеди- нять	аолла	аорын

2. Группа с согласной основой

г) основа с конечным л (это л исчезло перед зуб-
ными; см. Фонетика, п. 30)

(алда) ада — знать	ара	ан
(мөлда) мөда — да- лекий	мөрө	мөн
(мәлда) мөда — гнать	мөра	мөн'
(пхулда) пхүда — развязывать	пхурө	пхұн

Особая подгруппа:

ирыда — достигать	ирырө	ирын
пхурыда — зеленый	пхурырө	пхурын

д) основы типа:

тытта — слушать	тырө	тырын
көтта — шагать	көрө	көрын
нутта — прожечь	курө	нурын
татта — бежать	тара	тарын
мутта — спраши- вать	турө	мурын

Основы этого рода имели, видимо, первоначально фрикативного типа *ɖ*.

е) основы с этимологическим **h* или **h'* в исходе:

<i>читта</i> — делать	<i>чийθ</i>	<i>чийн</i> (<i>чйн</i>)
<i>натта</i> — выздорав-	<i>наа</i>	<i>наын</i>
ливать		
<i>путта</i> — наливать	<i>пуθ</i>	<i>пуын</i> (<i>пүн</i>)
<i>китта</i> — линовать	<i>киθ</i> (<i>кийθ</i>)	<i>кийн</i>
<i>чотта</i> — обязывать	<i>чоа</i>	<i>чойн</i>

ж) основы с конечным *х*, следующим за гласным, *л(р)* или *н*:

<i>натха</i> — родиться	<i>наха</i> (<i>наа</i>)	<i>нахын</i> (<i>наын</i>)
<i>чотха</i> — хороший	<i>чоха</i> (<i>чоа</i>)	<i>чохын</i> (<i>чойн</i>)
<i>илтха</i> — потерять	<i>ирхθ</i> (<i>ирθ</i>)	<i>ирхын</i> (<i>ирын</i>)
<i>олтха</i> — правильный	<i>орха</i> (<i>ора</i>)	<i>орхын</i> (<i>орын</i>)
<i>нотха</i> — класть	<i>нотха</i> (<i>нот</i>)	<i>нотхын</i> (<i>нотын</i>)
<i>ттултха</i> — просвер-	<i>ттурхθ</i>	<i>ттурхын</i> (<i>тту-</i>
ливать	(<i>ттурθ</i>)	<i>рын</i>)
<i>мантха</i> — многочис-	<i>манха</i> (<i>мана</i>)	<i>манхын</i> (<i>манын</i>)
ленный		
<i>матха</i> — касаться;	<i>таха</i> (<i>таа</i>)	<i>тахын</i> (<i>таын</i>)
приставать		

Необходимо иметь в виду, что взрывной согласный окончания благодаря метатезе всегда произносится как придыхательный; исключения представляют глаголы, основа которых имеет конечное *лх*, *тх* или *чх* (см. ниже).

з) основы с конечным полугласным *в* (в Северной Корее до сих пор *б*):

<i>топта</i> — помогать	<i>тоа</i> (<i>тоа</i>)	<i>тоын</i> (сев.-кор. <i>тоба, тобун</i>)
<i>нупта</i> — лежать	<i>нуθ</i> (<i>нувθ</i>)	<i>нуын</i> (сев.-кор. <i>ныбθ, ныбун</i>)
<i>чхипта</i> — холодный	<i>чхивθ</i>	<i>чхиун</i> (<i>чхивын</i>) (сев.-кор. <i>чхибун</i>)
<i>каккапта</i> — близкий	<i>каккава</i>	<i>каккаон</i>
<i>туккөпта</i> — тол-	<i>туккөвθ</i>	<i>туккөун</i>
стый		

<i>мугөптә</i> — тяжелый	<i>мугөвө</i>	<i>мугөун</i>
<i>төуптә</i> — жаркий	<i>төувө (төвө)</i>	<i>төун</i>
<i>куптә</i> — печь	<i>кувө (куө)</i>	<i>куын (куун)</i> (сев.-кор. <i>куптә, кубө, кубун</i>)
<i>сарамдантә</i> — чело-вечный	<i>сарамдава</i>	<i>сарамдаон</i>
<i>хэроптә</i> — вредный	<i>хэрова</i>	<i>хэроон</i>

и) основы с прочими конечными согласными:

-к-	<i>мөктә</i> — есть	<i>мөгө</i>	<i>мөгын</i>
	<i>соктә</i> — быть обманутым	<i>сога</i>	<i>согын</i>
-кк-	<i>пөктә</i> — жарить	<i>пөкка</i>	<i>пөккын</i>
	<i>ккөктә</i> — сломать	<i>ккөккө</i>	<i>ккөккын</i>
-лк-	<i>пулктә</i> — красный	<i>пулгө</i>	<i>пулгын</i>
	<i>калктә</i> — скрести, чесать	<i>калга</i>	<i>калгын</i>
-т-	<i>паттә</i> — получать	<i>пәдә</i>	<i>пәдын</i>
	<i>өттә</i> — получать	<i>өдө</i>	<i>өдын</i>
-тх-	<i>аттә</i> — выбросить	<i>атха</i>	<i>атхын</i>
	<i>путтә</i> — присоеди-няться	<i>путхө</i>	<i>путхын</i>
-лтх-	<i>халлтә</i> — лизать	<i>халтха</i>	<i>халтхын</i>
	<i>хуллтә</i> — обдирать	<i>хултхө</i>	<i>хултхын</i>
-с-	<i>уттә</i> — смеяться	<i>үсө</i>	<i>усын</i>
	<i>пэаттә</i> — отобрать силой	<i>пэаса</i>	<i>пэасын</i>
-сс-	<i>иттә</i> — быть	<i>иссө</i>	<i>иссын</i>
-п-	<i>чаптә</i> — поймать	<i>чаба</i>	<i>чабын</i>
	<i>иптә</i> — надеть	<i>ибө</i>	<i>ибын</i>
-пх-	<i>төптә</i> — покрывать	<i>төпхө</i>	<i>төпхын</i>
	<i>каптә</i> — (от) платить	<i>капха</i>	<i>капхын</i>
	<i>өптә</i> — перевернуть	<i>өплө</i>	<i>өпхын</i>
-пс-	<i>өптә</i> — не быть, отсутствовать	<i>өпсө</i>	<i>өпсын</i>
-лп-	<i>нөлтә</i> — широкий	<i>нөлбө</i>	<i>нөлбын</i>
	<i>палптә</i> — наступать	<i>палба</i>	<i>палбын</i>
-ч-	<i>маттә</i> — встречать	<i>маджа</i>	<i>маджын</i>
	<i>чөттә</i> — влажный	<i>чөджө</i>	<i>чөджын</i>

	<i>читта</i> — лаять	<i>чиджө</i>	<i>чиджын</i>
-нч-	<i>антта</i> — садиться	<i>анджа</i>	<i>анджын</i>
	<i>өнтта</i> — высоко класть	<i>өнджө</i>	<i>өнджын</i>
-чх-	<i>ччотта</i> — гнать, спугнуть	<i>ччочха</i>	<i>ччочхын</i>
	<i>матта</i> — попадать в цель	<i>мачха</i>	<i>мачхын</i>
	<i>сытта</i> — сметывать	<i>ссычхө</i>	<i>сычхын</i>
-н-	<i>синда</i> — обувать	<i>синө</i>	<i>синын</i>
	<i>анда</i> — держать в руках	<i>ана</i>	<i>анын</i>
-м-	<i>камда</i> — закрывать глаза	<i>кама</i>	<i>камын</i>
	<i>көмда</i> — черный	<i>көмө</i>	<i>көмын</i>
-лм-	<i>салмда</i> — варить	<i>салма</i>	<i>салмын</i>
	<i>чөлмда</i> — молодой	<i>чөлмө</i>	<i>чөлмын</i>

119. Глаголы *итта* и *өпта* являются единственными в своем роде, вероятно потому, что они восходят к более полным формам *иси-* и *өб-иси-* (ср. тунгусское *bisi* и *abul bisi-*); все прочие основы глаголов встречаются более чем в одном слове. Каждый глагол, в том числе и те, которые предположительно восходят к древним сложносоставным словам (*сон-дэда* — дотрагиваться, трогать, *пуччпта* — поймать, схватить), принадлежит к тому типу, на который указывает один последний или два последних звука его основы. Таким образом, решающим фактором оказывается качество звуков, а не деление на активные и качественные глаголы.

120. Помимо первичных, существует большое число глаголов, образованных присоединением *хада* к предшествующему имени существительному. Глагол *хада* имеет два значения: активное („делать то-то и то-то“) и описательное или качественное („быть таким-то и таким-то“); отсюда *ир хада* (делать работу, работать), но *мё хада* (быть восхитительным). Этот глагол присоединяется как к корейским, так и к китайским словам или выражениям, даже к целым китайским предложениям для того, чтобы

образовать различного рода производные глаголы точно так же, как это делает глагол *суру* в японском, *se-mbi* в маньчжурском, *etmek* в турецком. Например, *кар хада* (жаждать; юж.-кор. *кал* — жажда), *камгым хада* (заклю-чать в тюрьму; юж.-кор. *камгым* — заключение в тюрьму), *калханъ чилханъ хада* (носиться туда-сюда; от *ка-* — уходить и *чи-* — приходить), *надыри хада* (совершать прогулку, выходить из дому; от *на-дыри* — выход; ср. *на-дыда* — *на-дырө* — *на-дын* — входить и выходить), *паныджир хада* (шить; от *паныджил* — шитье; ср. *паныл* — игла) и т. д.

121. Многие из наиболее употребительных сложных слов, образованных с помощью *хада*, подверглись в настоящее время сокращению, результатом чего является до некоторой степени неправильная парадигма. После долгого гласного начальное *х* в слове *хада* выпало, а коренной гласный *а* слился с предшествующим гласным в долгое *а*; однако после краткого гласного начальное *х* в слове *хада* не исчезло бесследно, а повлияло на начальный согласный окончания, сделав его придыхательным. Таким образом, имеем:

Полные формы

Сокращенные формы

<i>ирө хада</i> — такой (<i>ирө</i> [хайо], <i>ирө хан</i>)	<i>ирөтха ирө ирөн</i>
<i>кырө хада</i> — такой (<i>кырө</i> , <i>кырө</i> <i>хан</i>)	<i>кырөтха кырө кырөн</i>
<i>өттө хада</i> — какой (<i>өттө</i> , <i>өт-</i> <i>тө хан</i>)	<i>өттөтха өттө өттөн</i>
<i>көмө хада</i> — темный (<i>көмө</i> , <i>кө-</i> <i>мө хан</i>)	<i>көмөтха көмө көмөн</i>
<i>кама хада</i> — черный (<i>кама</i> , <i>ка-</i> <i>ма хан</i>)	<i>каматха кама каман</i>
<i>ккама хада</i> — черный, как смоль (<i>ккама</i> , <i>ккама хан</i>)	<i>ккаматха ккама кка-</i> <i>ман</i>
<i>пуйө хада</i> — серый (<i>пуйө</i> , <i>пуйө</i> <i>хан</i>)	<i>пуйөтха пуйө пуйөн</i>
<i>ппоя хада</i> — очень серый (<i>ппоя</i> , <i>ппоя хан</i>)	<i>ппоятха ппоя ппоян</i>

хыйѳ хада - белый (хыйѳ, хыйѳ хан)	хыйѳтха хыйѳ хыи-йѳн
хэйѳ хада - белым-белый (хэйѳ, хэйѳ хан)	хэйѳтха хэйѳ хэйѳн
пулгѳ хада - красный (пулгѳ, хэйѳ, пулгѳ хан)	пулгѳтха пулгѳ пулгѳн
пполга хада - огненно-красный (пполга хэйѳ, пполга хан)	пполгѳтха пполга пполган
ани хада - не быть (ани, ани хан)	антха ани анан
наму-ра хада - говорить: „ты - бревно“ (наму-ра хыйѳ, наму-ра хан)	намурадл намура (на-мурѳн) намуран бранить.

Древним сложносоставным словом этого же рода является глагол *комапта* (*комава*, *комао*, *кѳмаон*) — благодарить, первоначально *кѳма ханпа* (дословно: сказать „похваляю вас“).

122. Так как основа глагола редко выделяется по одной единственной форме, то в хороших грамматиках и словарях даются обычно три формы. Первая из них является простым настоящим временем во всех лицах единственного и множественного чисел; она же одновременно является „неопределенным наклонением“. Эта форма часто является единственной, которую приводят грамматики и словари корейского языка, написанные европейцами. Вторая форма называется нами деепричастием прошедшего времени (перфективным деепричастием); этот термин будет объяснен нами позже. Третья форма — это причастие прошедшего времени.

Эти три формы в совокупности дают полное представление о всей парадигме и дают возможность образовать безошибочно любую другую форму того же самого глагола. Сами корейцы в своих китайско-корейских словарях дают причастие будущего времени (окончания *-л*, *-ыл*) как „исходную“ форму глагола. Однако три формы, используемые европейскими учеными, являются более подходящими, как ключевые формы корейского спряже-

ния; поэтому их можно назвать «тремя базами» или «исходными» формами глагола.

123. Формы корейского языка в процессе его исторического развития подверглись многообразным стяжениям; это относится и к глагольной парадигме. Форма, которая ныне кажется простой, то есть состоящей из основы и окончания, на деле часто является (не говоря уже о других возможностях) сложным образованием, состоящим из простого глагола (в какой-либо первичной форме) и какой-либо формы вспомогательного глагола *итта* (*иссө, иссын* — быть, иметься), или *хада* (*хия, хан* — делать, говорить, быть), или *ида* (*иө, ин* — есть (связка!)).

Даже оставаясь в пределах простых форм глагольной парадигмы, нельзя пройти мимо некоторых из наиболее употребительных сложных образований, как это будет показано в последующих таблицах времен.

124. Мы вынуждены отказаться от обычной классификации глагольной флексии, то есть от таких понятий, как изъявительное, сослагательное наклонения, неопределенное наклонение и т. д.; принимая во внимание прежде всего синтаксические функции глагольных форм, мы классифицируем все глагольные образования, которые имеются в корейском языке, следующим образом:

1) Такие глагольные формы, которые указывают своими окончаниями, что предложение закончено; это так называемые *verba finita*, то есть формы законченной предикации;

2) такие глагольные формы, которые употребляются как указание на следующий, главный глагол; это так называемые деепричастия (*converba*), или формы незаконченной предикации;

3) такие глагольные формы, которые более или менее соответствуют прилагательным и существительным и являются, следовательно, именными или адъективными формами глагола (подобно причастиям и отглагольным именам других языков); это так называемые глагольные имена.

125. Формы законченной предикации употребляются в предложении как сказуемые; нужно, однако, заметить, что предложение в этом случае является констатацией факта, положительной или отрицательной. Если предложение является вопросительным и если в предложении использованы вопросительные частицы, тогда имеются иные формы глагола; вопросительные формы глагола будут приведены позже, вместе с предварительным рассмотрением причастий и вопросительных частиц.

Формы законченной предикации могут быть подразделены на две группы:

а) такие, которые выражают идею действия или качества объективно, без какого бы то ни было намека на волю говорящего. Эта группа соответствует изъявительному наклонению европейских языков;

б) такие, которые содержат указание на волю, желание или намерение говорящего. Здесь можно найти формы, которые соответствуют сослагательному и повелительному наклонениям европейских языков. Следуя Ундервуду, мы называем их формами волеия (волеизъявления).

126. Все глагольные формы, которые употребляются для выражения предикации, указывают также на социальный аспект; иными словами, они выражают одновременно отношение между говорящим и слушающим. Необходимо выделить по крайней мере три степени: 1) форма „простецкой“ речи, 2) фамильярная форма и 3) учтивая или вежливая форма. Обычно они называются „низкой“, „средней“ и „высокой“.

Простейшей и более древней является так называемая форма „простецкой“ речи; прочие образованы путем комбинации простых форм или же являются эллипсисами, как это будет ясно из дальнейшего. Ниже мы пытаемся анализировать и объяснить прежде всего простые формы законченной предикации, как действительно исходные для всей системы спряжения. Такими простыми формами в социальном плане являются формы „простецкой“ речи.

ГЛАГОЛЬНЫЕ ФОРМЫ ЗАКОНЧЕННОЙ ПРЕДИКАЦИИ

А. Утвердительное изъявительное

Простые образования

127. Изъявительное наклонение, то есть группа форм, употребляющихся в качестве законченного сказуемого в „простецкой“ речи, содержит три основные формы. Эти три основные формы следующие:

1) декларативная, выражаемая окончанием *-та* (соответственно *-да*, *-тха*, *-тта*): *пода*, *чуда*, *мөкта*, *патта*, *мантха*, *көмтта*. Это — так называемое общее настоящее время, передающее значение глагола без каких бы то ни было скрытых модификаций; это первая из основных форм;

2) регрессивная, выражаемая суффиксом *-тө* (соответственно *-дө*, *-тхө* и *-ттө*): *подө*, *чудө*, *мөктө*, *паттө*, *мантхө*, *көмттө* и т. д. Она содержит в себе идею „там“ или „тогда“, указывая на то, что нечто совершается или имеется налицо, но не тут или теперь и не в связи со „мною“ или с „тобою“. Она выражает действие, в некотором отношении отдаленное во времени или пространстве и являющееся в одно и то же время и настоящим и прошедшим. Вот почему мы называем ее регрессивной;

3) индексивная (неопределенная, недостоверная), выражаемая суффиксом *-чи* (соответственно *-джи*, *-чхи*, *-ччи*), который в севернокорейских диалектах произносится *-ти* (соответственно *-ди*, *-тхи*). Эта форма содержит в себе идею некоторой неуверенности или просто фамильярности со стороны говорящего; первоначально она, согласно примерам из некоторых тунгусских диалектов, содержала незначительное указание на будущее, потенциальность (как в немецком *es wird so sein* или английском *it may be so*). Она употребляется в том случае, если говорящий не желает выразиться вполне определенно; в социальном аспекте ее можно встретить часто в дружеской речи.

128. Регрессивная форма в своем первоначальном, простом виде как форма сказуемого не употребительна. К ней должны быть прибавлены:

а) или *-и*, которое вместе с *ө* даст *е*; таким образом, имеем: *поде, чуде, мөкте, патте, мантхе* и т. п.; это окончание весьма обычно для современного языка и расценивается в социальном плане как „низкое“;

б) или частица *-ра (-ира)*, несколько более учтивая: *подөра, чудөра, мөктөра, паттөра, мантхөра* и т. д.

Первоначальная форма *-тө* встречается еще и до сих пор в составе сложных образований (*подө ида; чудө ида; подө ин*, сокращенно *подөн, подын; чудөн, чудын, чудын*).

Все три формы вместе, как простые, могут быть названы формами настоящего времени.

129. Составные времена. Глагол *итта* (быть; его основные формы *итта, иссө, иссын*) является позднейшим развитием глагола *исида* (его основные формы: *исида, ис'ө, исин*); вместо формы *иссө* встречаем также *исиө*, вместо формы *иссын* встречаем также *иссин*.

Этот глагол, будучи присоединенным к деепричастию прошедшего времени основного глагола (окончания *-а* или *-ө*), потерял свой гласный первого слога; в результате образовались такие формы, как современные *поатта* (видел), *чуөтта* (дал) и т. д. Они восходят к более ранним *поа итта* (увидев, пребывать в таком состоянии), *чуө итта* (быть давшим). Это генетически сложное образование в современном корейском является простой формой прошедшего времени, соответствуя либо имперфекту, либо перфекту европейских языков.

130. Помимо образований типа *поатта, чуөтта*, в корейском языке употребляются формы типа *поассөтта, чуөссөтта, мөгөссөтта* и т. д. Этимологически они представляют собой соединение деепричастия прошедшего времени на *-а* или *-ө* с *иссө* (от *итта* — быть), после которого еще раз повторен глагол *итта*: *поа + иссө + итта*. Это двойной перфект или перфект в прошед-

шем: „он уже видел“. Ср. *манхатта* (было много), но *манхассэтта* (раньше было много).

131. Глагол *итта*, присоединенный к деепричастию будущего времени на *-ке* (соответственно *-ге*, *-кхе*, *-кке*) со значением „для того, чтобы...“, дает формы типа *погетта*, *чугетта*, *мөккетта*, *манкхетта*, которые соответствуют формально английским конструкциям типа *I am to go* и которые ныне являются формами будущего времени: *погетта* (я увижу, я посмотрю; или ты увидишь, ты посмотришь и т. д. для всех лиц). Если после деепричастия будущего времени на *-ке* (соответственно *-ге*, *-кхе*, *-кке*) следует *иссэтта* (был), то получается прошедшее в будущем: *погессэтта* (должен был видеть, должно быть, видел), *чугессэтта* (должен был дать) и т. д.

132. *Икке* является деепричастием будущего времени от глагола *итта*. Присоединяя это деепричастие после деепричастия прошедшего времени основного глагола, получаем формы типа *поакке* (чтобы увидеть), *чуөкке* (чтобы дать). Если к возникшей таким образом форме присоединить *итта*, получаются новые образования типа *мөгөккетта*, *поаккетта*, *чуөккетта* — он, должно быть, поел (видел, дал), он должен был поесть (видеть, дать и т. д.

133. Времена в изъявительном наклонении

Декларативные формы

Настоящее	<i>пода</i> — он видит
	<i>мөкта</i> — он ест
Прошедшее	<i>поатта</i> — он видел
	<i>мөгөтта</i> — он ел
Будущее	<i>погетта</i> — он увидит
	<i>мөккетта</i> — он будет есть
Давнопрошед-	<i>поассэтта</i> — он видел
шее	<i>мөгөссэтта</i> — он ел
Прошедше-бу-	<i>поаккетта</i> — он, должно быть, видел
дущее	<i>мөгөккетта</i> — он, должно быть, ел
Будуще-про-	<i>погессэтта</i> — он должен был видеть
шедшее	<i>мөккессэтта</i> — он должен был есть

Регрессивные формы

Настоящее	<i>поде</i> — он там видит
Прошедшее	<i>мөкте</i> — он там ест <i>поатте</i> — он там видел
Будущее	<i>мөгөтте</i> — он там ел <i>погетте</i> — он там увидит
Давнопрошед- шее	<i>мөккетте</i> — он там будет есть <i>поассөтте</i> — он там видел
Прошедше-бу- дущее	<i>мөгөссөтте</i> — он там ел <i>поаккетте</i> — он там, должно быть, ви- дел
Будуще-про- шедшее	<i>мөгөккетте</i> — он там, должно быть, ел <i>погөссөтте</i> — он должен был видеть тогда (там) <i>мөккөссөтте</i> — он, должно быть, ел там (тогда)

Индециссивные формы

Настоящее	<i>поджи</i> — он, кажется, видит
Прошедшее	<i>мөкчи</i> — он, кажется (возможно), ест <i>поатчи</i> — он, кажется, видел
Будущее	<i>мөгөтчи</i> — он, я полагаю, ел <i>погетчи</i> — он, я полагаю, увидит
Давнопрошед- шее	<i>мөккетчи</i> — он, я полагаю, поест <i>поассөтчи</i> — он, я полагаю, видел <i>мөгөссөтчи</i> — он, я полагаю, ел
Прошедше-бу- дущее	<i>поаккетчи</i> — он, видимо, смотрел <i>мөгөккетчи</i> — он, возможно, ел
Будуще-про- шедшее	<i>погөссөтчи</i> — он, возможно, видел <i>мөккөссөтчи</i> — я полагаю, что он ел

Примечание 1. Само собой разумеется, что глагол *итта* может иметь на себе логическое ударение. В этом случае гласный основы не теряется: *паб-и мөкке итта* (каша готова для того, чтобы ее есть), но *паб-ыл мөккетта* (будет есть кашу); *та анджатте* (все сели), но *та анджа итте* (все сидели (были сидящими); *сө итта* (он стоит (пребывает стоящим), но *сөтте* (он встал).

Примечание 2. В древних памятниках находим такие написания, как *по-аи-си* (видел), а в современных диалектах такие формы, как *позесси-, чабэсси-* вместо обычных литературных *поассы-, чабассы-*. Будущее время в некоторых южных диалектах имеет окончания *-катта, -каттэра, -катти*, или *-кэтта, -кэтте, -кэтти*, как это засвидетельствовано Россом. Таким образом, здесь возобладал вариант с гласным заднего ряда (*-каи*), тогда как в других диалектах — вариант с гласным переднего ряда (*-көи*).

Примечание 3. Окончание *-та* восходит к двум окончаниям: *-тā* после основ с гласной заднего ряда и *-тə* после основ с гласной переднего ряда (например, *мектə, исидə, -идə* и т. д.); гласный в этом окончании был долгим. Ср. тунг. *-dāwi, -dāwi, dāi, -dāi* — окончания неопределенного наклонения и супина, и старотурецк. *-ta, -tä* в таких образованиях, как *boltaçy, öltäci*.

Примечание 4. Окончание регрессивной формы имело краткий гласный, то есть краткое *ə* и краткое *a*, которые до сих пор находим в некоторых диалектах: *кадан маннасу* (я встретил его по дороге), *кадара* (пошел, ушел), но *имтэра* (был). Это соответствует тунгусскому прошедшему на *-te, -de* (*-dre, -re*) и турецк. *-tu, -du*, монг. *-či, -ši* — окончаниям определенного прошедшего.

Примечание 5. Окончание **-ти* имеет краткий гласный и, видимо, тождественно тунгусскому показателю будущего времени *-ti* (ламутское *bak-t'i-m* — я найду, *ämi-d'i-m* — я приду); ср. этот же элемент в уйгурском *kälti* (будущее).

Прочие образования изъявительного наклонения

134. Прежде чем перейти к дальнейшему, необходимо предварительно объяснить разницу между глаголами действия и качественными глаголами.

Глаголы действия имеют три причастия:

- 1) причастие настоящего времени; его признак — окончания *-нан, -нын*;
- 2) причастие прошедшего времени; его признак — окончания *-н, -ын*;
- 3) причастие будущего времени; его признак — окончания *-л, -ыл*.

Качественные глаголы имеют только два причастия: причастие прошедшего времени и причастие будущего времени. Таким образом, например, от качественных глаголов *ида* (быть — связка), *чотха* (хороший), *каккапта* (близкий), *чхипта* (холодный), *акхада* (плохой) имеем *ин* (тот, который; то, что есть), *чохын* (хороший), *как-каон* (близкий), *чхиун* (холодный), *акхан* (плохой). Здесь причастие на *-н(||-ын)* в действительности не имеет зна-

чения прошедшего времени; это — атрибутивная (adjectival) форма глагола, соответствующая ближайшим образом причастию настоящего времени глаголов действия.

135. Причастия широко используются в качестве сказуемых предложения, обычно, однако, в сопровождении соответствующей частицы. Такой частицей является, например, утвердительное *-ра* || *-ира* (положительное убеждение или уверение). Отсюда возможны такие „временные образования“, как:

1) *пoн-и-ра* (есть видящий), *и-нн-и-ра* (есть существующий), *мoнъ-и-ра* (есть кушающий), *кaн-и-ра* (есть идущий), *кaн-и-ра* (есть копающий);

2) *пoн-и-ра* (есть видевший), *и-с-и-ра* (есть существовавший), *мoг-и-ра* (есть евший), *кaн-и-ра* (есть шедший), *кaн-и-ра* (есть рывший);

3) *пoр-и-ра* (есть в будущем видящий > увидит), *и-с-и-ра* (есть в будущем сущий > будет) и т. д.

От качественных глаголов имеем аналогичные образования:

2) *чoх-и-ра* (есть хороший), *кaккa-и-ра* (есть близкий), *чхун-и-ра* (есть холодный);

3) *чoх-и-ра* (есть в будущем хороший > будет хороший), *кaккa-и-ра* (есть в будущем близкий > будет близкий).

136. Глаголы действия образовали от причастия настоящего времени две очень употребительные формы с временным значением декларативного характера:

А. Глагол *ида* в соединении с предшествующим причастием настоящего времени дал декларативную форму „низкого штиля“ речи: *-нанда*, *-нында* после согласного корня, *-нда* после гласного корня. По значению эта форма соответствует настоящему длительному. В сложных временах она не встречается.

и-нн-нда (сейчас есть), *мoнъ-и-нда* (сейчас ест), *и-н-нда* (сейчас сидит), *и-нн-нда* (сейчас смеется), *и-нн-нда* (сейчас слушает), *кыл-и-нда* (сейчас кипит), *м-и-нда* (сейчас отсутствует, сейчас нет) (основы: *и-с-*, *мoк-*, *и-н-*, *и-с-*, *и-н-*, *кыр-*, *и-с-*).

понда (сейчас глядит), *канда* (сейчас идет), *санда* (сейчас покупает), *санда* (сейчас живет), *кыллинда* (сейчас кипятит) (основы *по-*, *ка-*, *са-*, *сал-*, *кылли-*).

Соответствующими формами качественных глаголов являются: *чохын-ира* (есть хороший), *каккаон-ира* (есть близкий), *мөн-ира* (есть далекий), *акхан-ира* (есть плохой).

Б. Другое образование характеризуется окончанием *-не* (пишется *-най*, *-нйи*, *-нөи*), которое, возможно, восходит к сокращенному *-нйи* в сочетании с каким-то (деиктическим?) элементом (*-и* или *-е?*). Этого рода временная форма употребляется во всех образованиях, в том числе и сложных, изъявительного наклонения: *поне* (смотрит), *поанне* (видел, смотрел), *погенне* (посмотрит), *поаккенне* (пожалуй, увидит) и т. д. Употребляется эта форма в фамиллярной речи.

137. Качественные глаголы также имеют аналогичного типа настоящее время; признаком его является *-е*, по всей видимости, возникшее по усечении конечного *-и* причастия прошедшего времени; эта форма соответствует функционально форме *-не* глаголов действия.

Глаголы действия

понда — смотрит
мөнънында — кушает
канда — идет
чиннында — делает
анда — знает
иннында — существует,
 есть
ир ханда — работает
чөнънында — записывает

поне — смотрит
ане — знает (основа *ал-*)

төмне — помогает (основа
төпн-)

Качественные глаголы

пода — кажется
кипта — глубокий
каккапта — близкий
чхипта — холодный
килда (|| *кида*) — длинный
ида — есть (связка)

акхада — плохой
чөкта — немногочислен-
 ный
кхые — большой
кие — длинный (основа
кил-)
чхиве — холодный (основа
чхип-)

<i>камне</i> — платит <i>капх-</i>)	(основа	<i>кипхе</i> — глубокий (основа <i>кипх-</i>)	
<i>но́нне</i> — кладет <i>но́х-</i>)	(основа	<i>чо́хе</i> — хороший (основа <i>чо́х-</i>)	

138. Что касается времен, в которых употребляются приведенные формы, то здесь мы находим следующие:

Настоящее *поне, мөнъне, кане* *чо́хе, кхые* и т. д.
и т. д.

Прошедшее *поанне, мөгөнне, чоханне, кхөнне*
канне и т. д. и т. д.

Будущее *погенне, мөккенне, чокхенне, кхыгенне*
кагенне и т. д. и т. д.

Давнопрошедшее *поассөнне, мөгөссөнне, кассөнне* и т. д.

Прошедше-будущее *поаккенне, мөгөккенне, каккенне*
и т. д.

Будуще-прошедшее *погөссөнне, мөккөссөнне, кэгөссөнне*
и т. д.

139. В официальном языке широко используется в качестве декларативного изъявительного наклонения глагольное имя на *-м*, которое представляет собой именную форму глагола, означающую само действие или даже его результат и обладающую, таким образом, вполне конкретным смыслом. Например, *ир хам* (работает), *кам идет*, *иссым* (есть), *катхым* (подобен, похож), *чөгым* (незначителен (численно) и т. д.

140. От этого глагольного имени образованы:

А. изъявительное на *-му*, встречающееся во многих диалектах, но недостаточно корректное для литературного языка,

Б. изъявительное на *-ме* (первоначально *-май*), которое проникло в литературный язык.

Форма *-му* широко распространена в севернокорейских диалектах и большей частью употребляется там в конструкциях учтивой речи, каковыми являются пассивные основы на *-б*, например: *каму, камму* (идет), *иссимму*

есть), *хайѳссимму* (сказал, сделал). Помимо того, эта же форма часто употребляется в соединении с вспомогательным глаголом *ида*: *каммуда* (идет), *иссиммуда* (есть), *хайѳссиммуда* (сказал) и т. д. Форму *хаму*, от глагола *хада* (говорить), мы встречаем в грубом повелительном наклонении на *-рамуна* (= *-ра хаму-на*) в диалектах: *карамуна* (говорю тебе, иди!).

Более частыми являются формы типа *камме* (идет), (*кассимме* (шел), *кагѳссимме*, *кагассимме* (пойдет), *хамме* (говорит), *хайѳссимме* (сказал), *хагессимме*, *хагассимме* (скажет) и т. д.

Вежливые (учтивые) формы сказуемого

141. До сих пор мы рассматривали формы простой речи, которые ныне употребляются главным образом в обращении к детям, слугам и т. п. Более учтивые формы имеют много степеней вежливости; мы вынуждены, однако, ограничиться различием только двух степеней: средней, употребляемой среди образованной части населения, в беседе с друзьями и равными по положению, и высокой, употребляемой в обращении к старшим, высшим по положению или просто уважаемым лицам.

Эти формы учтивости этимологически не являются обычным изъявительным наклонением; они восходят либо к деепричастиям, либо к сложным образованиям из причастия и какой-либо формы вспомогательного глагола *ида* (быть).

142. Средняя степень учтивости. Формой выражения этой степени учтивости служит окончание *-о*, если основа глагола имеет конечную гласную или *л* (которое исчезло перед любым окончанием с начальным зубным, а также перед окончанием *-о*); если основа оканчивается на любой другой согласный, кроме *-л*, то вместо *-о* употребляется *-ыо* или *-со*.

Исходной формой для образования с *-о*, *-ыо* служит деепричастие прошедшего времени от пассивной основы на *-б-*, *-бү-*: какое-нибудь **кава* (от *-ка-б-*) дало *као*, какое-нибудь **мөгывө* (от *мөгы-б-*) дало *мөгыү*, *мөгыю*;

подобным же образом *ава* (от **алва* из глагола *ал-бу* — быть известным) дало *ао*, *исивө* (от *иси-б* — быть) дало **испу*, *иссу*, ныне *иссо*.

Форма *-со*, видимо, является образованной от вторичной основы на *-сă-б-*, *-сы-б-*: *мөксывө* сократилось в результате в *мөксу*, ныне юж.-кор. *мөксо*; *чапсăва* (от *чап-сă-б-*) дало *чапсо*; *тѣх-сăва* дало *чоссо*. Ныне синонимичные типы форм *мөгыю*, *чохыю* и *мөксо*, *чоссо* являются, таким образом, различными по происхождению.

143. Различные времена, в которых встречаем среднюю форму учтивости:

Настоящее: *поо*, *мөксо* (*мөгыю*), *иссо*, *чоссо* (*чохыю*),
ао (*арыю*).

Прошедшее: *поассо*, *мөгөссо*, *иссөссо*, *чохассо* (*чоассо*),
арассо.

Будущее: *погөссо*, *мөккөссо*, *иккөссо*, *чокхөссо*, *ал-гөссо*.

Давнопрошедшее: *поассөссо*, *мөгөссөссо*, *иссөссөссо*,
чоассөссо.

Прошедше-будущее: *поаккөссо*, *мөгөккөссо*, *иссөккөссо*,
чоаккөссо.

Будуще-прошедшее: *погөссөссо*, *мөккөссөссо*, *иккөссөссо*,
чоаккөссөссо.

144. Как уже было сказано, эти формы средней учтивости постоянно употребляются в повседневной речи; этим объясняется то, что во многих грамматиках они рассматриваются как подлинно изъявительные формы.

Эти формы на *-о*, *-со* могут употребляться и в вопросительных предложениях, что невозможно для прочих форм, рассмотренных до сих пор. Они же используются для выражения вежливого повелительного (см. п. 160). Вопросительные формы будут рассмотрены ниже (см. п. 150—154).

145. К образованиям на *-о*, *-со* часто присоединяется служебный глагол *ида*. Отсюда такие выражения в литературном языке, как *поида* (читать *пойда*), *мөгыида*

(читать *мөгыбда*), *иссоида* (читать *иссбда*) и т. д. Эти образования, видимо, принадлежат литературному языку и не употребительны в повседневной речи.

В результате фонетической аббревиации диалекты обладают формами типа *иссуда*, *иссудө* (из *иссу ида* — есть, имеется), *кассудө* (ушел) и т. д. В сочетании с декларативным *ида*, *идө* (-да, -дө) и регрессивным *идө* (-дө), *ирө* (-рө) построены диалектальные формы типа *са ваннидө* (= *са ваннан ида* — купил), *са ваннирөра* (< *са ваннан идөра* — купил).

146. Высокая степень учтивости. Причастие настоящего времени на *-нйн*, *-нын* от пассивной основы на *-б-*, *-бу-* соединено с *-и* (см. послепричастные имена); к этому присоединен служебный глагол *ида*. Это сочетание дает в результате *-мнида* (пишется *-пнида*, *-пнйнда*, *-пныида*), которое в Сеуле считается самой учтивой формой изъявительного наклонения. Та же самая форма встречается также без *ида*, как *-мни*, *-мнэ*, *-мне*, но она является диалектной. Помимо *-мнида*, имеется еще вполне корректная форма *-мнэда*, *-мнэнда*, которая употребляется в речи простонародья, имея целью выразить убежденность говорящего.

147. Различные времена, в которых встречается высокая степень учтивости:

Настоящее:	<i>помнида</i> , <i>мөгымнида</i> , <i>иссымнида</i> , <i>чохымнида</i> , <i>амнида</i> .
Прошедшее:	<i>поассымнида</i> , <i>мөгөссымнида</i> , <i>иссөссымнида</i> , <i>чохассымнида</i> (<i>чоассымнида</i>), <i>арассымнида</i> .
Будущее:	<i>погессымнида</i> , <i>мөккессымнида</i> , <i>иккессымнида</i> , <i>чокхессымнида</i> .
Давнопрошедшее:	<i>поассөссымнида</i> , <i>мөгөссөссымнида</i> , <i>иссөссөссымнида</i> , <i>чохассөссымнида</i> .
Прошедше-будущее:	<i>погөссөссымнида</i> , <i>мөккөссөссымнида</i> , <i>иккөссөссымнида</i> , <i>чокхөссөссымнида</i> .
Будуще-прошедшее:	<i>поаккессымнида</i> , <i>мөгөккессымнида</i> , <i>иссөккессымнида</i> , <i>чоаккессымнида</i> .

Образования на *-мнэда*, *-мнэнда* тоже употребляется во всех временах. Все известные примеры относятся к декларативным формам; соответствующие регрессивные и индециссивные формы возможны, но употребляются редко.

148. Учтивые регрессивные и индециссивные формы обычно образуются либо присоединением *ида* к соответствующему образованию от пассивной основы, либо присоединением *ио* (средняя степень учтивости от *ида*) к регрессивной и индециссивной форме первичного корня-основы, иногда даже к пассивной основе. Таким образом, имеем следующие образования в порядке повышения учтивости:

регрессивные: *пoдe*, *пoдэpa*, *пoдыида*, *пoптe*, *пoптэpa*,
пoптыида.
индециссивные: *пoджи*, *пoджиo*, *пoджи иo*, *пoджи ида*
(*пoджидa*), *пoп иo* (*пoпчи иo*), *пoпчидa*
(*пoпчи ида*).

149. Таблица степеней учтивости в настоящем времени изъявительного наклонения.

Глаголы действия	Качественные глаголы
к слугам и маленьким детям:	
<i>пoндa</i> , <i>мoнънындa</i>	<i>киптa</i>
к пожилым слугам, близким друзьям:	
<i>пoнe</i> , <i>мoнънe</i>	<i>кипхe</i>
к равным — фамиллярно, небрежно:	
<i>пoджи</i> , <i>мoкчи</i>	<i>кипчи</i>
к равным — более учтиво:	
<i>пoджиo</i> , <i>мoкчиo</i>	<i>кипчиo</i>
к незнакомым, знакомым:	
<i>пoo</i> , <i>мoкco</i> (<i>мoгыo</i>), <i>пoпчиo</i> , <i>мo- гыпчиo</i>	<i>кипco</i> (<i>кипхыo</i>), <i>кипхыпчиo</i>

к незнакомым — с учтивостью:

<i>поонда, мөксонда</i>	<i>кипсонда</i>
<i>поопчио, мөксыпчио (мөгыпчио)</i>	<i>кипсыпчио (кип-хыпчио)</i>

к уважаемым лицам, социально более высоким:

<i>(понеда), помнида, мөгымнида,</i>	<i>кипхымнида</i>
<i>поомнида, мөксымнида</i>	<i>кипсымнида</i>

к уважаемым лицам с оттенком определенной уверенности, убежденности:

<i>помнэнда, мөгымнэнда</i>	<i>кипсымнэнда</i>
<i>(мөксымнэнда)</i>	

в письменном стиле:

<i>понанира, мөнънынира</i>	<i>кипхынира</i>
-----------------------------	------------------

в официальном стиле:

<i>пом, мөгым</i>	<i>кипхым</i>
-------------------	---------------

в поэзии или в восклицательных выражениях:

<i>подода, мектода</i>	<i>киптода</i>
------------------------	----------------

Следует учесть, что то выражение, которое считается в одной части Кореи достаточно учтивым выражением, может в другой части ее быть дурным провинциализмом. Правила и формы учтивости, принятые в Сеуле, естественно, рассматриваются как норма.

Б. Глагол в вопросительных предложениях

150. Язык имеет три вопросительные частицы: *ка* (*ко*), *я* (*ё*) и *чи* (в Северной Корее *ти*). Они присоединяются к причастию, никоим образом не к формам изъявительного наклонения. Они отмечают в одно и то же время и вопросительный характер предложения и его конец.

Частица *ка* (*га*) имеет вариант *ко* (*го*). Частица *я*, придающая, как кажется, вопросу более фамильярный и дружеский характер, имеет ряд вариантов: *ё*, *ин*, *и*. Наряду с этим имеются сложные вопросительные частицы:

кая, каё, кайи, кэ. Третья частица, *чи*, первоначально *ти*, *ди*, является скорее знаком сомнения, неуверенности, нежели знаком непосредственного вопроса. Этимологически эта *ти*, видимо, является именем существительным, означающим нечто вроде „факт“.

151. Все причастия любого глагола могут сочетаться с этими вопросительными частицами. Качественный глагол *ида* (связка) имеет два причастия: *ин* (после имени с конечным гласным: -н) и *ил* (будущее время) (в севернокорейских диалектах *ир*). В соединении с вопросительными частицами этот качественный глагол имеет следующие формы: *ин га*, *ин я*, *ин ё*, *ин и* в настоящем времени, *илка*, *илка* в будущем времени.

152. В речи средней степени учтивости в качестве вопросительной формы употребляется *-о* и *-со* — окончания, о которых уже шла речь выше. Эти же формы, как увидим дальше, употребляются и как повелительные.

153. Соответствия между утвердительными и вопросительными формами глаголов видны из следующей таблицы:

Утвердительные формы	Вопросительные формы
<i>понда</i> , <i>поне</i> — видит	<i>понынга</i> , <i>понынго</i> <i>поныня</i> , <i>понынё</i> , <i>понынй</i> , <i>понй</i>
<i>поатта</i> — видел	<i>поаннынга</i> , <i>поаннынго</i> <i>поанныня</i> , <i>поаннй</i>
<i>погетта</i> — увидит	<i>погенныня</i> , <i>погеннй</i>
<i>кипта</i> , <i>кипхе</i> — глубокий	<i>кипхынга</i> , <i>кипхыня</i> , <i>кипхынй</i>
<i>кипхэтта</i> — был глубоким	<i>кипхённынга</i> , <i>кипхённыня</i>
<i>поде</i> — видит	<i>подё икка</i> , <i>подыкка</i> , <i>подё иня</i> , <i>подыня</i> (<i>подёня</i>)
<i>поо</i> , <i>посо</i> — видит	<i>поо</i> , <i>посо</i>
<i>кипсо</i> — глубокий	<i>кипсо</i>

<i>поптәра</i> — видит	<i>поптә инга, поптә икка</i>
<i>поаттәра</i> — видел	<i>поптыкка</i>
<i>кипхәттәра</i> — был глубо- ким	<i>поаттә инга, поаттынга,</i> <i>поаттыкка</i>
<i>помнида</i> — видит (=помнан-и-ида)	<i>кипхәттә инга, кипхәт- тә икка, кипхәттыкка</i>
<i>помнәнда</i> — видит	<i>помникка</i> (=помнын-и-икка)
	<i>помнәкка</i>

154. В беседе вопросы и ответы, естественно, часто формулируются в совершенно противоположном по характеру учтивости стиле. Так, если один спрашивает: „Он из Сеула?“, а другой отвечает: „Он из Сеула“, то этот диалог в разговоре между лицами, занимающими неравное положение в обществе, выглядит так:

Вопрос низшего по поло- жению	Ответ высшего по поло- жению
<i>Сәул сарам имникка?</i>	<i>Сәул сарам ида</i>
Вопрос высшего по поло- жению	Ответ низшего по поло- жению
<i>Сәул сарам иня?</i>	<i>Сәул сарам имнида или</i> <i>Сәул сарам помнида</i>

В. Формы воления (волеизъявления)

155. Корейский язык имеет специальные формы, соответствующие повелительному и сослагательному наклонениям наших языков; эти формы трудно классифицировать иначе, нежели поместив их все под указанным выше заголовком, поскольку все они выражают желание или волю говорящего.

156. 1) Повеление. Повелительное наклонение по своему значению представляет решительное приказание, исходящее от высшего по положению к низшему; это значит, что такая форма должна по мере возможности избегаться, если только не имеется в виду действительное повеление, приказание, команда.

а) Повелительное наклонение без окончания. Всего лишь два или три слова употребляются в такой форме при обращении с приказанием к детям: *при о* (иди сюда!), *чиб-е га* (иди домой!), *йѳ бо* (эй!; дословно: гляди сюда!), *чу* (дай!).

б) Деепричастие прошедшего времени. Эта форма функционально соответствует немецким оборотам типа *aufgestanden*. Эта форма служит для выражения сильного приказания: *пои* (гляди!), *ва* (иди (сюда)!, приходи!), *хайѳ* (делай!)

в) Деепричастие прошедшего времени, осложненное утвердительной частицей *-ра*: *поара*, *вара*, *хайѳара*, *мѳгѳара*, *тырѳара* и т. д.

г) Деепричастие будущего времени на *-ке*, в сокращенной форме *-кѳ*, осложненное упомянутым выше *-ра*: *хагѳара* (делай!), *кагѳара* (иди!), *иккѳара* (будь!), *чагѳара* (спи!).

Наиболее употребительной является третья из перечисленных выше форм.

Повелительное наклонение типа *онѳара*, *онѳара* [приходи!, иди (сюда)!] является по способу образования единственным в своем роде.

157. 2) Просьба (прекатив). Прекатив по своей форме тождествен деепричастию будущего времени; так как он не включает в себе значения приказания; команды, а лишь просьбу, то и употребляется гораздо чаще, чем повелительное наклонение: *пр хаге* (пожалуйста, сделайте это), *тон-ыл чуге* (пожалуйста, дайте денег), *мун-ыл йѳлге* (пожалуйста, закройте дверь), *каге* (пожалуйста, идите).

158. 3) Предписание (прескриптив). Прескриптив выражает совет, обращенный к собеседнику. Эта форма образуется посредством окончания *-лкке* или, сокращенно, *-кке*. Окончание *-лкке* образовано от причастия будущего времени на *-л*, на которое наращено *иге* — прекатив от глагола *ида*: *мѳгылкке*, *мѳгыкке* (вам следует поесть; пожалуйста, ешьте), *калкке* (вам следовало бы пойти; пожалуйста, идите), *халкке* (вам следовало бы де-

лать; пожалуйста, делайте). Форма прескриптива употребляется также в том случае, если приказание направлено на первое лицо, то есть как повелительное наклонение первого лица.

159. 4) Желание (оптатив). а) Оптатив всегда содержит идею, выраженную словосочетанием „я хочу, чтобы...“ Субъектом действия может быть любое лицо. Окончанием оптатива является *-се*, которое прежде писалось *-сйи*: *мөкссе* (я хочу, чтобы вы ели; он может есть; я хочу есть), *касе*, *капсе* (давайте пойдём), *при хасе*, *при хасиссе* (я хочу, чтобы вы сделали это так). Более учтивая форма образуется от пассива на *-б-*, *-бу-*; *капсе* более учтиво, нежели *касе*, *мөгыпсе* — нежели *мөкссе*, и т. д. Ещё более вежливым и более сдержанным является сочетание описанной выше формы с *ида*: *-се ида*, которое произносится *сйда* (редко *сёда*): *касе ида*, *касйда* (я хочу, чтобы мы пошли), *капсе ида*, *капсйда* (давайте, пожалуйста, пойдём), *хасйда*, *хапсйда* (будем это делать; давайте, пожалуйста, делать это), *хасисйда* (давайте это делать вместе, прошу вас).

б) Оптатив будущего времени образуется посредством *-се*, сокращённой формы от *исе*, наращиваемого на причастие будущего времени: *калсе* (он может идти), *мөгылсе* (вы можете есть), *халсе* (я, возможно, сделаю это), *нуга олсера хая* (полагаю, что кто-нибудь может прийти).

Эта форма выражает скорее согласие на действие в будущем, нежели подлинное желание.

в) То же самое *-се* (из *исе*) может присоединяться к глагольному имени на *-м*: *хамсе* (*хам исе* — делание может быть; я, вероятно, сделаю; мне сдаётся, что вы сделаете; он, возможно, сделает, и т. д.). Как кажется, это образование употребляется иногда в том же смысле, что и индециссив на *-чи*: *каджи* (думаю, что пойду; возможно, пойду; возможно, пойдёт), *камсе* — в том же значении или же в значении „вам (нам) лучше было бы пойти“.

160. 5) Предложение (пропозитив). Деепричастие прошедшего времени на *-о*, *-со*, которое рассматривалось выше, среди изъявительных и вопросительных

форм, употребляется обычно так же, как волятивная форма в речи средней степени учтивости, среди равных, а также для того, чтобы придать смягченный характер приказанию. Лучше всего было бы назвать эту форму пропозитивом: *мөксө* (пожалуйста, ешьте), *иссө* (пожалуйста, будьте), *хао* (пожалуйста, делайте). К этой форме может быть присоединено *по* (от *ида*): *хао по* (пожалуйста, делайте). Форма *по* может наращиваться и на индексив: *хаджи по* (пожалуйста, делайте), *мөкчино* (пожалуйста, ешьте) и т. д.

Для большей учтивости вместо описанной выше формы можно употреблять вторичную основу на *-си-*, или пассивную основу на *-б*, или обе вместе, дважды или даже трижды: *хао*, *хасно*, *хасносино*, *хасисносино* (пожалуйста, делайте).

Как уже сказано, форма на *-о* этимологически является деепричастием прошедшего времени от основы на *-б*. *Хао* восходит к **хъва*, *хасно* — к **хъсива*. Такое употребление деепричастия соответствует, стало быть, употреблению деепричастия прошедшего времени в качестве повелительного наклонения.

161. 6) Просьба, мольба (бenedиктив). Некогда существовала вторичная основа на *-сй*; деепричастие прошедшего времени от ее пассивной формы оканчивалось на *-со*. Это *-со* употребляется как окончание глагола со значением просьбы, мольбы: *чусо* (прошу вас, дайте), *хасо* (прошу вас, сделайте), *осо* (прошу вас, приходите), *сөзүк чонъый-е ссысо* (прошу вас, пишите на бумаге европейского образца).

Присоединение к *-со* эссивной частицы *-с[й]ө*, которая будет рассмотрена ниже, в главе о деепричастиях, и которая, кроме того, рассматривалась уже в главе о падежах, придает речи еще более уничижительный оттенок: *ососйө* (молю, приди! да придет — в молитвах), *чусосйө* (молю, дай! вернее: „даждь нам“), *тыссосйө* (молю, выслушай!).

162. 7) Призыв, приглашение (когортатив). Когортатив выражает призыв, приглашение к действию

адресованное либо к самому себе, либо ко всем присутствующим. Окончание, которое выражает это значение, *-ча*: *мөкча* (давайте есть), *каджа* (давайте пойдем), *тон-ыл чуджа* (давайте дадим деньги), *холло каджа* (давайте я пойду один), *хамккый каджа* (давайте пойдем вместе), *комбу хаджа* (давайте заниматься), *тытча* (давайте слушать).

Иногда когортатив образуется от пассивной основы, и тогда он имеет значение большей учтивости: *мөгылчи* (давайте есть), *капчи* (давайте пойдем). Все же это окончание призыва, приглашения не считается очень учтивым.

Предпочитается форма пропозитива (*-о, -со*) примерно в той же функции, но гораздо более вежливая.

163. 8) Обещание (промиссив). Глагольное имя на *-м* с восклицательной частицей *а* дает очень употребительную форму *-ма*, которая выражает обещание, исходящее со стороны самого говорящего: *мөгымā* (я буду есть это, я обещаю есть это), *чума* (я обещаю дать это), *кама* (я обещаю пойти), *и пр-ыл хамā* (я обещаю сделать это), *кыл сгымā* (я обещаю написать), *ома хадэни* (> *омадэни*) *ани гассо* (обещал прийти, а не пришел).

Промиссив как форма, относящаяся к первому лицу, может употребляться во всех случаях, без опасения показаться неучтивым.

Иногда *-ма* (сокращение от *гма*) присоединяется к деепричастию будущего времени на *-кэ*: *и пр-ыл погома* (или *погөма* — я обещаю потом посмотреть это).

164. 9) Предупреждение (превентив). Это название может быть дано особым образованиям на *-ллā, -ллē*, куда входит какой-то элемент *-ā* (*я* или *на?*), присоединенный к причастию будущего времени на *-л*. Эта форма выражает опасение, что что-либо может случиться, и, таким образом, содержит в себе значение примерно следующего словосочетания: „будьте осторожны (остерегайтесь), чтобы это не случилось“: *нөмө джиллē* (падает! упадет!), *мөгыллē* (он хочет съесть это; пожа-

луйста, предупредите это), *каллā* (не позволяйте ему идти), *тораоллā* (он возвращается, прошу вас, не позволяйте ему возвращаться; боюсь, что он вернется).

165. 10) Желание (дезидератив). Эта форма выражает намерение что-либо сделать; как правило, она сопровождается глаголом *хада* (говорить). Между формой дезидератива и глаголом *хада* часто вставляется частица *ко* (так). Окончание дезидератива *-ллā* или *лй* (с долгой гласной *ā*): *каллā*, *калй*, *карй* (я иду), *чуллā*, *чуллй*, *чурй* (я собираюсь дать, я хочу дать), *поллā*, *поллй*, *порй* (я собираюсь посмотреть), *калла-кко ханда* (он говорит: я пойду=он собирается пойти, он решил пойти), *мегыря-кко* (я хочу поест), *мегыря-кко хайёссо* (я собираюсь поест), *чаря-кко хайётте* (он собирается спать).

166. Очень часто этого рода конструкция употребляется в оборотах с глаголом *малда* (избегать, не делать); такой оборот означает нерешительность, колебание: *мегырякко маллакко хайётта* (он прямо не знал, что ему делать: кушать или не кушать; он прямо не знал, как ему быть насчет еды), *каллакко маллакко ханда* (он колеблется, пойти ему или нет). В таких оборотах окончания *-лакко*, *-рякко* обычно сокращаются до *-лак*, *-ряк*: *каллакко маллакко* или *каллак маллак* (пойти или не пойти). Согласно Ундервуду, *каллак маллак хада* означает „пройти немного и постоять немного“; употребление двойного дезидератива в такой конструкции указывает на отсутствие интереса; здесь, таким образом, дело идет о внезапных переменах в настроении.

167. Частица *ко*, употребляемая после дезидеративной формы глагола, генетически является вариантом указательного местоимения *кы* (тот) и значит „так“, „таким образом“. Здесь, после дезидератива, она усиливается в *-кко*. Если *-ко* не употребляется и глагол *хада*, таким образом, следует непосредственно за дезидеративом, то звук *х* обычно не артикулируется и образуются конструкции типа *каллāада* > *каллāда* (намереваться идти),

мөгыллāада > *мөгыллāда* (намереваться поесть). Глаголы этого рода, примером которых является словарное *таллāда* (просить, требовать), являются, как разъяснено выше, сокращениями полного типа *таллā хада* (говорить: хочу получить). Аналогичным образом сокращается *хада* после промиссива на *-мā*, сливаясь в одно целое: *чумāда* (обещать дать), *чуллāда* (намереваться дать) и *чурада* (приказать дать); ср. *онда го ханда* > *онда ханда* > *онданда* (он говорит, что они придут) и т. д.

168. 11) Косвенное повелительное. Повелительное наклонение, о котором шла речь выше, выражает приказание, отдаваемое непосредственно второму лицу. Оно не может употребляться, если приказание относится к третьему лицу (он, она, они). В этих целях язык употребляет образования с окончанием *-ра*, то есть междометием *ā* после причастия будущего времени.

Как промиссив и деизидератив, косвенное повелительное наклонение сопровождается *-ко хада* или только *хада*, которое в данном случае имеет значение „говорить“, „сказать“: *мөгырā-кко хайөра* (скажи ему, чтобы он ел), *чураакко хайөтта* (я сказал ему, чтобы он дал). Эта форма должна различаться от прямого повелительного наклонения; например, непосредственное приказание — *мөгөра* (ешь), но косвенное приказание — *мөгыра-кко хайөра* (скажи ему, чтобы он ел); *иккөра* (будь), но *иссыра-кко хаге* (скажи ему, чтобы он был); *онөра* (приходи), но *ора-кко хао* (скажите ему, пожалуйста, чтобы он приходил). Если глагол *хада* безударен, то он сливается с окончанием косвенного повелительного наклонения: *мөгырада* (сказать (приказать), чтобы ел), *орāда* (сказать (приказать), чтобы пришел) и т. д. Сложные глаголы подобного рода могут иметь прошедшее, будущее и прочие времена: *чура хайөтта* > *чурайөтта* (сказал, чтобы дал), *мөгыра хагетта* > *мөгырагетта* (скажу, чтобы ел), *кы сарам-и ссыранын* (*ссыра ханын*) *гөс-ыл ссыю* (он пишет то, что ему приказывают писать), но *ссыллāнын гөс-ыл* (то, что он сам собирается (хочет) написать).

169. Промиссив, дезидератив и косвенное повелительное очень часто употребляются с сокращенным глаголом *хада*. Все три типа форм, быть может, следовало бы включить в состав тех конструкций, которые будут рассматриваться ниже; все же в силу употребления частицы *ко*, которая выделяет предшествующее ей, как прямую речь, эти формы приходится признать особыми вариантами волятивных. Спряжение глагола *хада*, когда он, по сокращении, включается в состав предшествующей формы, является правильным: *калла хао* = *каллао*, *каряо* (намереваетесь ли вы пойти?), *кам̄а хао* = *камао* (вы обещаете пойти?), *кара хао* = *карао* (скажете ли вы ему, чтобы он пошел?), *мөгыллао* (намереваетесь ли вы есть?), *мөгылладе* (он намеревается есть), *чумадо́ра* (он обещает дать), *чумайоттөра* (он обещал дать) и т. д.

ДЕЕПРИЧАСТИЯ

170. Под этим названием мы объединяем все глагольные образования, которые своими окончаниями и значением указывают на то, что предложение не закончено и что основной глагол, завершающий высказывание, следует дальше. В европейских языках два глагола связываются между собою обычно союзами; в корейском же языке, где нет союзов, как и в других алтайских языках, имеются специальные глагольные формообразования, которые служат для связи одного действия с другим, одного признака с другим. Одни из этих деепричастий представляют собой простые формы, состоящие из окончания и глагольной основы; другие составлены из тех же элементов, осложненных служебным глаголом или именем. В соответствии с этим деепричастия можно разделить на два класса: а) простые; б) сложные. Простые в формальном отношении деепричастия немногочисленны; их всего пять (см. ниже: 1, 2, 3, 15, 16).

Нелегко найти подходящий латинский или иной термин для различного рода деепричастий. Основная трудность состоит в том, что постоянно ощущается некоторое отклонение в употреблении той или другой формы от того, что подсказывает ее наименование.

Термины, предложенные здесь, даны нами в виде опыта; мы просим читателя этой книги усвоить прежде всего значение каждой формы, исходя из приводимых каждый раз примеров.

171. 1) Деепричастие настоящего времени (*converbum presentis*). Окончание этого деепричастия *-ко*: *мөкко, манкхо, каго*, в прошедшем времени *хайөкко* (*=хайө икко*). Этим окончанием снабжается первый из двух глаголов в том случае, когда оба глагола находятся в сочинительной связи, то есть, когда они выражают два действия или качества, сопровождающие одно другое, подразумевая под этим либо одновременность, либо равноценность их с точки зрения говорящего. Например, *со молго катта* (они поехали, погоняя вола), *мул иго онда* (она пришла, неся (ведерко) воду на голове), *чиго кагенне* (мы думаем пойти, неся (это) на спине), *кипко малгын мул* (глубокая и чистая вода), *малкко кипхын мул* (чистая и глубокая вода), *чокхо пулгын ккот* (красивый красный цветок), *пулкко чохын ккот* (красный красивый цветок), *пи ого парам пунда* (идет дождь и дует ветер), *парам пулго пи онда* (дует ветер и идет дождь), *на хаго* (я и ...), *нө хаго* (ты и ...), (краткие варианты: *на-го, нө-го*). Деепричастие от *ида* обычно имеет вид *ио* (*< иго*).

Во многих случаях при переводе этой формы можно использовать союз „и“; однако между двумя одновременными действиями возможна и противительная связь; в этом случае при переводе приходится выбирать союз „но“.

Если два действия не одновременны, как в приведенных выше примерах, то употребление данного деепричастия имеет в виду отметить *однаковую* важность этих действий: *мөкко кагенне* (мы поедем и пойдем). В этом случае часто используется дополнительно окончание *-сө*: *мөккосө кагенне* (мы поедем и потом пойдем).

172. Присоединение частицы *-нын* после этого деепричастия отмечает противопоставление двух действий; такая

форма обычно переводится с помощью союза „если“: *нэлл Сеул-ло кагоньн, йёге-нын мот огессо* (если вы едете в Сеул, то вы не сможете зайти ко мне; вы едете завтра в Сеул и, таким образом, не сможете зайти ко мне), *улгоньн, йёге иссыл су ёпта* (вы не можете быть [оставаться] здесь, когда вы так плачете), *ёсә хаго до нытта* (все равно поздно, если бы я даже торопился), *чал мотхаго до, чал хайётта го ханй* (сделано плохо, а говорит, что хорошо).

Что касается времен, то деепричастие это большей частью употребляется в настоящем: *хаго, икко, мөкко* и т. д.; *хайёкко, хагекко* и т. д. возможны, но необходимость в этих формах незначительна.

По присоединении *-на* деепричастие настоящего времени употребляется в восклицательных предложениях без последующего основного глагола: *чокхона* (как хорошо! в самом деле, хорошо!), *мёхагона* (как прекрасно!); ср. *чокхена, иккена* и императивные *карамуна, карамона* (*кара хамуна*) (говорю тебе, иди) с тем же окончанием *-на*.

В деепричастии, функционирующем с частицей *-на* как восклицание, возможны все времена: *чохак-хона* (ах, как было хорошо!).

173. 2) Деепричастие прошедшего времени (*converbum perfecti*). Окончание этого деепричастия *-а, -ө*. Это вторая „исходная“ форма, которая уже рассматривалась как первая часть формы прошедшего времени, где она соединена с глаголом *итта* (быть, существовать). Эту форму можно было бы назвать деепричастием предшествования. Она выражает идею предшествования действия, обозначенного первым глаголом, действию, обозначенному вторым глаголом. Эта же форма служит для выражения того, что действие, обозначенное первым глаголом, менее существенно для говорящего, нежели второе действие. *Ка поара* (пойди и посмотри), *ка поа я алессо* (я смогу узнать это, только сходя и посмотрев), *пуллә ил сиг'өра* (позови его и заставь работать), *пань-е ка мөгөра* (иди в комнату и поешь), *пл'өнджи-рыл ссә нэйөра* (напиши письмо и пошли).

174. Чтобы подчеркнуть различие во времени, употребляется частица *-сə*; чтобы подчеркнуть противопоставление двух действий, употребляется частица *-нын*. Таким образом, между *мөгө*, *мөгөс'ө* (*мөгөсө*), *мөгөнын*, *мөгөс'өнын* имеется различие в оттенках. Присоединение частицы *то* (*до*) придает предложению подчеркнуто уступительное значение: *мөгө до ани чхатта* (ел, а не насытился), *мэвөс'ө до мөккессо* (я все же съем, хотя это и горько), *ир хагнын хайө до, чал мот ханда* (работать-то он работает, но плохо), *амори поассө до молласо* (сколько ни глядел, не понял), *чосим хайөссө до чал мот тйөссо* (хотя я сделал все от меня зависящее, но ничего хорошего не получилось), *мар хагессө до, мот хайөтта* (должен был сказать, но не сделал этого).

175. Очень часто после этого деепричастия употребляется частица *я* (только; этимологически *-а*, *-ха* < * *са*); в этом случае ее удобнее всего переводить посредством „должно“: *поа-я алгенне* (я должен посмотреть это, чтобы знать; дословно: только посмотрев, я буду знать это), *кочхө-я тйөссо* (или *кочхөсө-я тйөссо*) (только по исправлении будет как надо = это следует исправить).

176. Уже с очень давних пор деепричастие прошедшего времени употреблялось также самостоятельно, без последующего глагола; в этом случае оно функционировало 1) как настоящее время: *мөгө*, *мөгө ё* (ест), *хая* (или *хайө*, или *хэ*), *хэ ё* (делает, говорит); 2) как повелительное наклонение; 3) как сказуемое незаконченного предложения.

Такое эллиптическое употребление деепричастия оказывается иногда необходимым для того, чтобы избежать форм законченной предикации, которые выражают различия в общественном положении лиц.

Деепричастие от пассивной основы, которая сама по себе более безлична и потому более учтива, дало ныне употребительную среднюю форму учтивости *-о*, сев.-кор. *-о*, *-у* (из *-йва* > *-о*, а ранее из *-ывө* > *-у*).

В силу частого употребления рассматриваемое деепричастие получило наименование у Ундервуда „глаголь-

ного причастия“, у Экардта „глагольной формы“ (=основы), — термины, не отражающие реального значения формы. Она легче всего отождествима с формой *-а*, *-е* турецких языков, называемой там герундием.

177. Глагол *хада* после деепричастия прошедшего времени качественных глаголов образует конструкцию со значением „считать, что это есть то-то“; *чотха* (хороший), но *чоха хада* (любить, одобрять); *мусэпта* (страшный), но *мусөө хада* (бояться); *пангапта* (милый, очаровательный), но *пангава хада* (находить это милым, очаровательным). Такое употребление глагола *хада* делает качественный глагол в некотором смысле переходным: *кы сарам-и сөро чоха хао* (они любят друг друга), *нар-и төвөсө комбу-рыл мот хагессо* (так жарко, что мы не можем заниматься); ср. однако, *нар-и төвө хайсөсө комбу-рыл мот хагессо* (мне жарко, и потому мы не будем заниматься).

178. Некоторые глаголы в настоящее время употребляются только в этой форме: *прө нада* (встать, подняться; дословно: встав, выйти), *прө ода* (встав, прийти); глагол *илда* || *прө* || *ин* (вставать) ныне не употребляется самостоятельно. Деепричастиями же являются наречия *прө* (так), *чөрө* (так), *кырө* (так), *аморө* (как, каким образом), которые употребляются только в сочетании с глаголом *хада*: *прө хада*, *чөрө хада*, *кырө хада* или сокращенно: *прөтха*, *чөрөтха*, *кырөтха* (такой).

179. 3) Деепричастие будущего времени (converbiu futuri). Окончание этого деепричастия *-ке*: *мөкке*, *оге*, *чокхе*. Оно рассматривалось нами как первичная форма глагола при образовании будущего изъявительного наклонения в сочетании с глаголом *итта* (быть). Это деепричастие может быть также названо деепричастием последования. Оно выражает идею последования (во времени или в мысли говорящего) действия, обозначенного первым глаголом, действию, обозначенному вторым глаголом: *парам-и оге мун-ыл йөрөттә* (я открыл дверь, чтобы шел ветер), *ос-ыл нипке мандырө чусио*

(пожалуйста, сделайте платье так, чтобы оно было впору), *нэ-га паб-ыл мөкке иссо* (я здесь, чтобы есть кашу), *чиб-ыл нопке ханда* (он строит дом, чтобы тот был высоким = он строит дом высоким), *кырө-кке хаджа* (давайте сделаем так), *кэ-рыл чукке ханда* (он делает с собакой так, чтобы она умерла = он убивает собаку), *паб-ын мөкке иссо* (каша (пицца) есть налицо, чтобы ее есть = пицца готова (для еды)).

Все глаголы могут иметь перифрастический, описательный фактив или транзитив путем использования этого деепричастия с последующим *хада*: *чукке хада* (убить), *мөкке хда* (заставлять есть, кормить), *мар хаге хада* (заставлять говорить), *мандылге хада* (заставить сделать), *нопке хада* (сделать что-либо высоким), *чокке хада* (сделать что-либо хорошим, улучшить), *пукке хада* (сделать красным), *мусөпке хада* (пугать, страшить) и т. д. Это, очевидно, наипростейший для корейцев путь образования фактива и транзитива; поэтому многие из старых транзитивных образований ныне, видимо, выходят из употребления.

180. Подобно деепричастию прошедшего времени деепричастие будущего может употребляться в конце предложения; и здесь опущение конечного глагола законченной предикации делает предложение более уместным. Поэтому эта форма указана также в числе волятивных, где она названа *прекативом*. Иногда после окончания *-ке* употребляется частица *-на*: *чал иккена* (вы будете вести себя хорошо). Это же самое *-на* встречается после деепричастия настоящего времени на *-хо*: *чал иккена* (как это хорошо! — восклицание), *чокхона* (это, право, хорошо!), *чокхена* (все будет хорошо!).

181. Деепричастие будущего времени от глагола *ида* (быть) — *иге*, которое встречается в сочетании с причастием будущего времени на *-л*: *какке* (я пойду), *мөгыкке*, *мөгыкке* (вам следует поесть), рассматривалось выше как форма прескриптива. Обычно она употребляется в обращении ко второму лицу: *мөгыкке*

(пожалуйста, ешьте; этимологически: пожалуйста, будьте тем, кто ест).

182. В литературе после этого деепричастия встречаем слово *сири*. Это *сири* представляет собой сокращение **исир-и*, которое состоит из причастия будущего времени *исир* от глагола **исид*а (быть; современное произношение *итта*) и частицы *-и*: *ир хаге сири ватта* (он пришел, чтобы работать), *поге сири каттэра* (он пришел, чтобы посмотреть). Употребление *сири*, как кажется, подчеркивает семантику будущего времени. Происхождение окончания *-и* в *сири* будет объяснено позже, в разделе, посвященном деепричастию предпосылки.

183. 4) Деепричастие цели (*converbum destinationis*). Окончание этого деепричастия — *-ря*, *-р'э*, которое в обыденной речи произносится как *-ра*, *-рэ*, а во многих диалектах *-ро*. Это окончание представляет собой сочетание причастия будущего времени на *-л(-р)* и деепричастия прошедшего времени *иэ*, *и́иэ* от глагола *ид*а (быть): *кар'э* (чтобы идти) (*карэ*, *каро* — сокращения первоначального *кар-и́иэ*), *мэгырийэ*, *мэгыр'э*, *мэгырэ*, *мэгыро* (чтобы есть), *пан мэгырэ* (или *мэгыро*) *ватта* (пришел, чтобы поесть), *муэс-ыл хар'э онын я* (зачем он пришел?), *тон-ыл падыря катта* (он пошел, чтобы получить деньги), *ттэнар'э хайэтта* (он сделал (все), чтобы отправиться, он готов отправиться), *ттэнар'э хайэттэни пи-га еассэ* *мот ттэнассо* (я собирался (намеревался) отправиться, но пошел дождь, и я не поехал).

Данная деепричастная форма большей частью встречается при глаголах движения (идти, приходиться, покидать, отправляться и т. д.), обозначая цель движения. Также часто она употребляется и с последующим глаголом *ид*а, коренной гласный которого *и* в этом случае теряется: *ттэнар'э ини* > *ттэнар'эни* (так как он намеревается отправиться), *чар'эни* (так как он намеревается (собирается) спать), *чар'эде* (он собирался спать), *чохыр'эн гэт* (это было бы хорошо), *п'энь-и сокли наассым'эн чохыр'эн гэл* (или *чохыллэн гэл*) (было бы хорошо, если бы мое здоровье пошло скорее на поправку),

чхэксань чхаджыро кал титэ-е тон-ыл каджиго камсе (или *кагенне*) (когда мы пойдем брать стол, мы возьмем (принесем) с собою деньги).

184. 5) Деепричастие предпосылки (*converbum premissi*). Окончание этого деепричастия *-ни* образовано присоединением к причастным формам (*-нын*, *-н*, *-л*) элемента *-и*, первоначально неопределенного местоимения со значением „нечто“ (вопросительно „что?“). В литературном языке употребляются *ханьни*, *хани* и *хари*. Из этих трех форм причастие прошедшего времени *-н* с элементом *-и*, то есть *-ни*, в современном языке является наиболее употребительной формой соединения двух действий там, где между ними имеется какая-либо логическая связь; там, где первое действие является посылкой, второе — следствием. Эта связь может быть причиной, временной или какой-либо иной. При переводе допускается использование различного рода союзов; последние, впрочем, могут быть с успехом опущены. Сравнительно с деепричастием прошедшего времени деепричастие предпосылки связывает глаголы и предложения более свободным образом. Например: *онал нар-и чохьни, сонхунь харяна кагессо* (сегодня чудесная погода; пойдем прогуляться); *мог-и марьни, нэнъсу-рыл меккессо* (во рту пересохло; я выпил бы холодной воды); *ури чиб-е сонним-и вассьни, ир хаги өр'өпсө* (так как у нас в доме гости, то работать трудно); *сонним-и огессьни, нагаджи мот хао* (я не могу уйти, так как придут гости); *нэл комбу хагессьни, илджиги оспо* (завтра мы будем заниматься; приходите рано).

185. Глагол *ида* имеет в этой форме вид *ини*, а с потерей гласного основы после предшествующего гласного — *ни*: *со-ни*, *хим-иссо* (это бык, он сильный; так как это бык, то он силен); *сәур-ыл онал кагеттөни, пи-га вассө* (или *они*, или *вассьни*) *мот кассо* (я должен был сегодня ехать в Сеул, но пошел дождь, и я не поехал); *чиб-ыл чал шөттөни, хваджэ-рыл маннассо* (он построил хороший дом, но тот сгорел; дословно: случился пожар); *комбу чал хадөни, юм'өнь хан сөмби-га төйөссо* (он

упорно занимался и стал известным ученым); *хадэни* (так как он делал), *хайёссыни*, *хайёттэни* (так как он сделал); *комбу ханда го хадэни*, *чханънан хайёккона* (сказал, что занимался, а на самом деле шалил).

Вместо *идэни* после гласного, само собою разумеется, должно быть *дэни*: *со-дэни*, *хим-итте* (так как это был бык, то он был силен).

186. Для подчеркивания причинного отношения между глаголами, помимо рассмотренного выше деепричастия, употребляется более длинная форма его — *-никка*, где окончание *-ни* соединено с **кка* (первоначально имя со значением „случай“). Еще более полным является окончание *-никкандөрө*, *-никкандөро*, состоящее из *-никка*, причастия *-н* (из *-ин*) и *дөрө* от *төрө*, *төр'ө*, *тар'ө* „к“: *нар-и төүникка* (или *төүниккани*, *төүниккандөрө*), *пакке кадэи мот хао* (так как сегодня жарко, то мы не можем (никуда) пойти); *ттөрөдэсиниккандөрө ккыйёдэссө* (ушло и потому разбилось); *мур-и кипхыникка мот көннө кэгессө* (не сможем перейти, так как вода глубока); *кви-никка*, *тыннын чикпун-по* (раз это ухо, то оно должно слышать); *кым-инникка кеи хада* (это ценная вещь, так как это золото); *ома ккө хайёттэникка кыдар'ессө* (я его ждал, так как он обещал прийти); *нэ чугыр'эни*, *м'өнгый-рыл манна сарассө* (я был почти при смерти, но, напав на знаменитого врача, ожил) (вместо *манна* можно сказать *маннасыникка* или *маннаниккани*, *маннаниккандөрө* — с явно выраженным причинным отношением).

187. Присоединение *ни* к деепричастию будущего времени *-ке* дает сложное окончание *-кэни*; значение будущего времени для современного языка едва уловимо. Эта форма будет рассмотрена в п. 190—191.

188. 6) Деепричастие допущения (*converbium admissi*). Окончание этого деепричастия *-на* является, повидимому, соединением причастия прошедшего времени *-н* с каким-то междометием *ā* (ср. образование промиссива, п. 163). Эта форма служит для выражения некоторой беззаботности, являясь, таким образом, разновидностью

уступительного наклонения: *чугынā сāнā кагессо* (кончится это плохо (<смертью) или нет, я все равно пойду); *мур-и кипхына кәннә кагессо* (пусть вода глубока, мы все равно перейдем [должны перейти]); *чохына, капс-и мансо* (возможно, что это хорошая вещь, но цена ее высока); *чана мана майм дэро хао* (будете вы спать или нет, мне все равно, поступайте как вам угодно); *со-на мар-ина ксангге хаджи ансо* (корова это или лошадь, это не составляет разницы); *онал нар-и чохынā на ани кагессо* (как бы ни был хорош сегодня день, я не пойду); *пэ-га копхынн паб-нна коги-на амо гәс-нна чусио* (я голоден; пожалуйста, дайте мне (все что угодно), будь это рис, или мясо, или еще что).

От глагола *пда* соответствующая форма будет *инā* или, после гласного, *на*. Это *на || инā* может во многих случаях переводиться через „и“, „также“: *нэ на кагессо* (я также пойду); *паб-нна, коги-на, амо гәс-ыл мөкке чусио* (дайте мне поесть чего-нибудь: риса, мяса или еще чего); *натчам-нна полкка* (не попробовать ли мне соснуть днем?!); *чха-на чәсио* (выпейте хотя бы чаю).

Часто эта форма включает в себе значение нерешительности, колебания и встречается в выражениях, относящихся к времени или количеству, соответствуя идее, выраженной словом „примерно“: *өндже огессо* (когда он придет?), *өндже-на огессо* (когда он примерно придет?), *хан-на туур-нна* (примерно один или два?); *өлманā* (примерно сколько?).

189. Очень часто приходится слышать вместо *-нā* более длинное окончание *-нāмā*. Оно, повидимому, является соединением *амā* „возможно“ с окончанием *-на*. Такое окончание подчеркивает противоположность двух действий. Одновременно в окончании содержится значение, передаваемое русским оборотом „это не имеет значения“: *āнā мал ани хагессо* (он знает, но не говорит); *āнāмā мал ани хагессо* (он, возможно, знает, но [это не имеет значения, ибо он] не скажет); *чохынāмā капс-и мансо* (возможно, что это хорошая вещь, [но это не имеет значения, все равно] цена ее высока).

Желая подчеркнуть противоположность двух мыслей, выраженных глаголами, предпочитают, как кажется, все же деепричастие на *-а* || *-ə* с то: *чохадо капс-и мансо* (вещь-то хорошая, но цена высока).

190. Деепричастие допущения и деепричастие предпосылки в будущем времени. Формы *ини* и *ина* после деепричастия будущего времени на *-ке* дали окончания *-кəни* и *-кəна*, которые, как кажется, употребляются одно вместо другого, без какого бы то ни было отличия в значении: *салгəна чуккəна индже кəгессо* (буду жив я или нет (все равно), я сейчас иду); *кхыгəна чəккəна са оо* (большое это или маленькое, все равно, пойд и купи); *кы сарам-и пр хагəна тамбэ-рыл мəнънынгəна* (казалось бы, что он должен работать, а он все курит); *пр хагəна нолгəна тамбэ-рыл мəнънында* (и за работой и во время отдыха он курит || работает он или отдыхает, все равно, в любое время он курит).

Как видно из приведенных примеров, форма *-кəна* употребляется большей частью в альтернативных конструкциях. То же относится и к окончанию *-кəни*. *Ирəк-хəни чəрəкхəни* (= *прə хагəни чəрə хагəни*) *не-ге санъгван-и муəс-ин* я (а тебе-то какое дело до того, делаю я это так или иначе?); *мəккəни кумгəни* (*кулмгəни*) *сэнъгак тэро хао* (ешьте или умирайте с голоду, это как вам угодно); *нам-и-я пр-ыл хагəни малгəни* (или *хагəна малгəна*) *чане-нын пуджырəнхи хал ккəс-по* (он может работать, может не работать, это касается только его; ты же должен быть прилежным).

Обе формы могут употребляться также вне альтернативных конструкций; при этом форма *-кəни* часто используется в конце незаконченного предложения: *кы пр-и чхам кырə хагəни* (это на самом деле так [и все же...]).

191. Та же самая форма *-кəни* встречается с последом *ва* (*ква* или *ва* в значении „с“, „вместе с“); придаточное в этом случае выражает положение уступительного характера; главное содержит критическое замечание или возражение на содержание, высказанное в придаточ-

ном: *нох'онъ-ын кыри хагәни ва, на-нын кыри ани хагессо* (вы можете делать это так, но я-то не сделаю этого); *и сәнъсөн-ыл мөккәни ва ирхым-ын моллассо* (ем эту рыбу, а как ее название, не знаю); *чхонъ-ын нохаккәни ва норо-нын мот чабассо* (выстрелил, но оленя не убил; дословно: не поймал); *мөкки-нын чокхәни ва нэамсэ-нын хюнь хао* (есть вкусно, но запах неприятный); *и бөн-ын ёньсө хагәни ва таси-нын ёньсө хаджи ани хагессо* (на этот раз я вас прощаю, но больше не прощу).

192. 7) Деепричастие противоположения (*converbum contrapositi*). В корейском языке имеется деепричастное образование с окончанием *-кәныл*, которое, видимо, формально и функционально является винительным падежом (*-ыл*) от причастия *ин*, присоединенного к деепричастию будущего времени, как и в окончаниях *-кәни*, *-кәна*, разъясненных выше. В современном языке причастия употребляются только атрибутивно и, таким образом, не склоняются; однако в старой литературе находим такие формы, как *хананыро*, твор. п. от *ханан*; *ханыл*, вин. п. от *хан*, и некоторые другие формы склонения причастия. Винительный падеж еще и теперь иногда употребляют в функции *accusativus absolutus*, чтобы подчеркнуть противоположение тому, что будет сказано дальше. Винительный *иныл* (*ин-ыл*), как кажется, встречается также после деепричастия прошедшего времени (*хайёныл*, *иёныл*), но примеры подобного рода принадлежат старому литературному языку, и только *хаге-иныл* в качестве пережитка сохранился и в современном языке. Надо при этом заметить, что главное предложение в этом случае содержит либо отрицание, либо вопрос с оттенком изумления: *чхинъгу-га чуккетта го хагәныл, өтчи ани кал су-га нссыр-ио* (как я смею не идти, после того как (если, когда) мне сказали, что мой друг умирает); *кы сарам-и мусын ир хагәныл, нэ-га нэги хаджи мот хайёссо* (когда он делал какое-нибудь дело, я не мог разговаривать с ним); *илккәныл, өтчи ттыс-ыл морыр-ио* (если он может читать, как же он не понимает смысла (прочитанного)?!); *чхэг-ыл каджө кагәныл, мусын кванъге-*

га *иссо* (что бы это значило, что он унес книгу?); *кквэга мугөпкөныл, вэ мот каджөкао* (неужели ящик так тяжел, что вы не можете унести его?).

193. 8) Деепричастие внезапной перемены (*converbum mutationis*). Окончание этого деепричастия *-тага* состоит из частицы *га* и декларативной формы *-та*. Окончание содержит указание на перерыв или перемену действия; но оно же может указывать на внезапную перемену мысли во время разговора о чем-либо. Частица *га* может быть опущена; но в этом случае контекст становится несколько неясным. Согласно Ундервуду, *-тага* означает „в то время, когда“; однако, несмотря на это, в окончании явно противопоставление двух глаголов: *чадага прө натта* (заснул было, но встал), *одага катта* (пришел было, но (тут же) ушел; шел было сюда, но повернул назад); *ахэ үдага ккиөджөттэ* (ребенок было плакал, но, наконец, заснул); *кадага поатта* (я шел и (неожиданно) увидел); *чугыр'ө хадага саранаатта* (умирал было, но все же ожил); *чабаттага чыкси нбатта* (поймал было, но тут же отпустил); *нөму сарам-ыл согйдага чэ-га соксо* (обманывал других — и вот сам обманут).

К этому же *-тага* восходит *тага* в наречии *иттага* (вскоре, скоро): *иттага камнида* (скоро пойду).

Следует заметить, что *идага* от глагола *ида* (быть — связка) сокращается в *-дага*, точно так же как упомынутые в свое время окончания *ини*, *ина*, *иге* и др. сокращались в *-на*, *-ни*, *-ге* и т. д. Это *-дага* встречаем после многих деепричастий другого рода; например: *поадага* (увидел, но ...); *пор'өдага* (собирался было увидеть, но ...); *Чосөн карядага* (< *каря хадага*) *ани кассо* (собирался было поехать в Корею, но не поехал); *Илбон-е сарадага* и *п'өнъ-ыл өдөссо* (схватил эту болезнь в Японии; дословно: жил в Японии и вот — схватил эту болезнь); *пхум пхарадага санда* (живу случайным заработком; дословно: нанимаюсь на поденную работу и вот — этим живу); *оныл коньса-рыл порядага мот поассо* (хотел было повидать сегодня посланника, но так и не смог этого сделать).

194. Как было сказано выше, конечный слог *га* в окончании *-тага* может быть опущен: *тон-ыл чхаджыр'ө катта вассо* (ходил искать деньги). Конечный слог опускается там, где два глагола связаны между собой как выразители альтернативных действий. В этом случае очень часто глагол оформлен прошедшим временем: *ода када хайөтта* (он то уходил, то приходил); *ватта катта хада* (то уходить, то приходиться); *оллатта нар'өтта хада* (то подниматься, то опускаться); *удага ут-тага катта* (ушли, то плача, то смеясь); *урөттога усөттага* (или *урөтта усөтта*) *катта* (они ушли и плача и смеясь).

195. Среди слов, в составе которых обнаруживается то же *та(га)*, помимо вышеприведенного *итта(га)* (скоро, вскоре, спустя некоторое время), надо отметить еще очень употребительное *пода* от глагола *пода* (смотреть, видеть), которое употребляется для передачи сравнительной степени, соответствуя нашему „чем“: *чосөн пода* (или *пода-нын*) *илбон-ын ли-га чаджсо онда* (в Японии дожди идут чаще, чем в Корее; дословно: глядя на Корею ...); *носэ-га мал пода сео* (мул сильнее, чем лошадь). Вместо *пода* в сравнении может употребляться *пого*.

196. 9) Деепричастие citations (converbium citationis). Окончание этого деепричастия — *-та-и*, ныне *-тэ*. Оно употребляется перед прямой речью; этимологически представляет собой соединение декларативной формы *-та* с древним *casus instructivus -и* (см. п. 99). Не совсем ясно, в какой мере оно употребляется в повседневной речи, но в книгах и эпистолярном языке оно вполне обычно: *чиб-е иссөсө сэнъгак хада „ачхым ол ттэ-е муръри ида“ хайөттөра* (он сидел у себя дома и думал: „спрону его завтра, когда он придет“); *нэ ахэ-рыл муттэ не өдэ санын я хайөтта* (я спросил ребенка: „где ты живешь?“); *сөнъг'өнь-е иллөссидэ* (в библии сказано ...); *наксө карадэ* или *карасядэ* (учитель сказал ...).

Окончание *-тэ*, являющееся знаком начала прямой речи, соотносительно с глаголом *хада* (говорить) или *ко хада* (так говорить), который обязательно завершает

прямую речь. Этих двух элементов вполне достаточно, чтобы выделить предложение как прямую речь.

197. 10) Деепричастие уступительное (*converbum respectus*). Окончание этого деепричастия — *-тои* (произносится *-тõ* или *-те*). В древних памятниках окончанием этого деепричастия было *-отои* или *-утуи*; объяснить его этимологию очень трудно; возможно, что гласный *о* (или *у*) перед *тои* является каким-то древним суффиксом, а не частью основы. Значение формы: „принимая в соображение то-то и то-то, все же надо сказать, что ...“: *мусик хадõ чохын сарам ида* (это прекрасный человек, хотя он и необразован); *кли-нын кхыде пар-ын чоксо* (ростом он высок, а ноги маленькие); *коянби-нын манхыдõ чви-нын ани чапта* (кошек много, а мышцей они не ловят); *пи-га оллынджи морыдõ* (или *молладо*, или *морына*) *нага я хагессо* (может быть, дождь и пойдет, но я все равно должен ехать); *чугын ху-е яг-ыл каджæ вассыдõ муэт хагеннын я* (какая польза от того, что принесли лекарство, после того как человек умер?!).

Во многих случаях смысл этого деепричастия оказывается тождественным значению деепричастия допущения и деепричастия прошедшего времени, когда оно оформлено частицей *до*. Все же между формами *она*, *са до*, *одõ*, *оджи манын*, *огоманын*, *онама*, *вассæ до*, *онджири до*, *олчира до* (хотя он придет), несмотря на общее значение, есть различие в оттенках. Так, форма на *-тõ* и *-те* отчетливо указывает на наличие точки зрения (принимая во внимание то-то и то-то) и, таким образом, до некоторой степени является формой сравнения.

198. 11) Деепричастие результата (*converbum efficiendi*). Окончание этого деепричастия *-торок* объясняется как творительный падеж (*-ро*) от декларативной формы *-та* (возможно, что и от регрессивной *-тæ*, *-тã*?); к этому сочетанию прибавлена частица *ок(ук)*: *тã-ро-ок*. В результате ассимиляции и сокращения *тã-ро-ок* дало *-торõк*. Значение формы: „(делать что-либо) до тех пор, пока то-то и то-то не будет достигнуто“ или „(делать) так, чтобы оказалось то-то и то-то“: *чхадорок*

мөкта (есть, пока не насытишься); *адорок* (или *алдорок*) *комбу хайөттөра* (до тех пор занимались, пока не усвояли это); *комбу ыыл чал хадорок квөнхао* (пожалуйста, убедите его, чтобы он хорошо занимался; пожалуйста, уговорите его хорошо заниматься); *ос-ыл инторок мандыра чусио* (сделайте платье так, чтобы оно было мне впору); *кы ир-и чал төдорок хим ссөра* (старайтесь так, чтобы это дело кончилось успешно); *хэ чидорок ани онда* (они не возвращаются до тех пор, пока не заходит солнце); *өтторок чхаджа* (ищите до тех пор, пока не найдете).

В том же значении может употребляться *-торо* (без *ок*): *пурьдэро хэра* (вели его позвать).

199. 12) Деепричастие одновременности (*converbum dumtemporale*). Окончание этого деепричастия *-м'ө* образовано присоединением к глагольному имени на *-м* деепричастия прошедшего времени от глагола *ида*. Здесь, как и в следующем ниже деепричастии, основы глагола на *-л* теряют соединительный гласный. Связующие гласные (восходящие к *й, ы*) лабиализовались, дав *о* и *ө*. Значение деепричастия: „тем временем“, „пока“, „в то время, как“; оно указывает на то, что действие, выраженное деепричастной формой, длится в течение того времени, которое необходимо для действия, выраженного следующим, главным глаголом. Обычно это деепричастие употребляется только в настоящем времени; однако иногда встречаем и прошедшее время.

Паб-ыл мөгым'ө симмун понда (я читаю газету за едой; пока ем, читаю газету); *на-нын чам'ө* (или *чам'өнсө*) *конан перуд-и иссо* (у меня привычка храпеть, пока я сплю); *чанънан хам'ө комбу-рыл өттөкхе хао* (как вы можете в одно и то же время заниматься и развлекаться?); *кыл кам'ө пэги мот хао* (разве мы не можем рассказывать что-нибудь, пока идем?); *мулгөн-ыл манхи пхалм'ө до* (или *пхалм'өнсө до*) *тон-и өппа хао* (покупает столько вещей и, вместе с тем, говорит, что у него нет денег!); *өндже кассым'ө өндже ваннын ө* (когда вы уходили и когда вы пришли?).

Вместо *-м'ө* можно употребить *-м'өнсө* без заметного различия в значении. Частица *-сө* присоединяется в этом случае к *-м'өн*, о котором речь будет ниже (см. п. 200).

Им'ө — деепричастие одновременности от глагола *ида* — теряет гласный основы, присоединяясь к глаголам с конечным гласным: *Ким сөбанъ икком'ө өпта го хайөссо* (господин Ким был там, а они сказали, что его нет).

200. 13) Деепричастие условное (*converbium conditionale*). Окончание этого деепричастия *-м'өн* восходит к *-м'ө* (см. выше п. 199) + аффикс *-нын*, обычно сокращаемый до *-н*, но иногда встречающийся и в полной форме. В севернокорейских диалектах это окончание в ряде мест произносится *-м'өнъ*, *-мян* или *мянъ*. Деепричастие имеет условное и временное значения. Употребляется во всех временах.

Пи-га ом'өн мот кагессо (если пойдет дождь, то я, пожалуй, не смогу пойти); *каря кко хам'өн касио* (если вы собираетесь идти, идите); *морынын мар-ыл а.ли хам'өн окн'өнне чаджа пом'өн свипке алгессо* (если хочешь узнать незнакомое слово, то легче всего сделать это, заглянув в словарь); *кы ир-и чал тём'өнын чал салге тögессо* (если это дело удастся, то жить будет лучше); *п'өчх-е нэйө нёхым'өн кот марыгессо* (если вы положите это на солнце, оно немедленно высохнет); *пом-и тём'өн ккочх-и пхио* (когда наступает весна, расцветают цветы).

201. *Им'өн* — это условное деепричастие от глагола *ида*; после основы на гласный вместо *им'өн* употребляют *-м'өн*, которое не следует смешивать с подлинным и первичным окончанием деепричастия *-м'өн*: *төун парам-им'өн пи-га огессо* (если ветер теплый, то, видимо, пойдет дождь); *каджө ваттөм'өн чоссө* (хорошо, если бы он принес это); *со-м'өн ссыгессо* (если это вол, то хорошо); *и сөнъсэнъ-им'өн алгетчи* (этот-то учитель, должно быть, знает; дословно: если этот учитель, то он, должно быть, знает); *нэ сөнъгаг-е-нын пansi-м'өн кал чул арассо* (я думал, что (этот путь) я смогу пройти за полчаса).

202. 14) Деепричастие гипотетическое (*converbum hypotheticum*). Рассмотренное выше деепричастие выражает условие так, как если бы оно существовало реально, как если бы оно было налицо. В противоположность этому, гипотетическое деепричастие выражает предполагаемое или возможное условие, не решая вопроса о его реальности. Окончанием такого деепричастия является *-кәдән, -кәдын*, которое состоит из деепричастия будущего времени + регрессивная форма *идә + нын*. Значение: „если бы это было так-то и так-то“: *пи-га огәдын мун-ыл тадара* (если (в мое отсутствие) случится дождь, закрой дверь); *не х'әнә-и огәдын нә-ге алге хайәра* (если придет ваш старший брат, дайте мне знать); *ил вән-ө пхаджи ани хагәдын тө чуәра* (если он не продаст это за один вон, дай ему больше [прибавь ему]); *силкхәдын коман тусио* (если вам это не нравится, оставьте); *пи-га кәгәдын чоссо* (или *чокхессо*) (было бы хорошо, если бы дождь перестал); *ну-га огәдын чом кыдар'ө иссыра го хайәра* (если кто-нибудь придет, скажи ему, чтобы он подождал немного); *тә свийөккәдын комбу сиджак хасио* (поскольку вы порядком отдохнули, приступайте к занятиям); *кырәм'өн* (или *кырө хам'өн*) (если это так), но *кырөкхәдын* (если бы это было так); *кырөкхонын* (или *кырө хагонын*) (так как это действительно так); *кхын кир-е иккәдын кот чхаджыл су иккессо* (если бы это было на большой дороге (но это не так), то мы бы сразу нашли это); *со-м'өн чотхага нагви иәдын* (или *игәдын*) *мот ссыгетта* (если это вол, то все хорошо, но если бы это была обезьяна, то это никуда бы не годилось); *пх'өчх-е нэйө ноаккәдын кот маллаккессо* (если бы вы положили это на солнце, то оно немедленно бы высохло).

203. Это деепричастие очень часто встречается без последующего главного глагола; в этом случае оно выражает заинтересованность в том, чтобы „то-то и то-то было бы таким-то и таким-то“: *чокхәдын* (если бы это было так хорошо). Иногда за этим кроется дополнительное значение: „вот тогда все было бы в порядке“: *пи-га огәдын* (о, если бы пошел дождь!). В употреблении

подобного рода восклицательных выражений как сказуемых незаконченного предложения корейский язык совпадает со многими другими.

Следует также отметить окончание *-көдөм'өн*, которое представляет собой сложение двух окончаний: *пи-га огөдөм'өн уран-е-нын ппаллэ-га та к'өлдөн хагессо* (если случится дождь, то все белье (стиранное) на дворе попортится).

От глагола *ида* гипотетическое деепричастие образуется неправильно: вместо *игөдын* или *игөдөн* говорят обычно *иддын* или даже *идөн*. В древних литературных памятниках часто находим *-дөнын*, сокращенную форму от *идөнын*, присоединяемую к деепричастию прошедшего времени основного глагола; ныне эта форма употребляется в виде исключения.

204. В условных и гипотетических предложениях могут употребляться так называемые „вступительные“ слова, которые указывают на начало уступительного или гипотетического предложения. Таковыми являются: *хок* (возможно); *манил* (если); *пирок* (хотя, если даже, если бы даже).

Эти слова могут употребляться и в уступительных предложениях.

205. 15) Деепричастие мгновенности (*converbiu momentanei*). Признаком этого деепричастия является окончание *-ча*. Возможно, что оно тождественно имени результата (признак *-са*) в монгольском и имени совершенному в тунгусских диалектах (признак *-са*, ср. турешк. *-ş*).

Это деепричастие указывает на то, что последующее главное действие следует немедленно за первым действием: *нэ-га каджа ахэдыр-и тарагатта* (я вышел, и немедленно за мной выбежали дети); *яг-ыл мөкча тхо хайёссо* (не успел я принять лекарство, как меня вырвало); *паб-ыл мөгөтча сарам-и ватта* (как раз в тот момент, как я поел, пришел он); *нэ-га чөньчөчән-е та-датча кыха-га ттөнатта* (поезд отошел как раз в тот самый момент, как я пришел на станцию); *кы сарам-и*

тырөөджи нэ-га нагатта (он вошел в тот самый момент, как я выходил); *пи-га оджа маджа кынчхэтта* (немного покапало и вдруг перестало); *нунча чам-ыл тырөттэ* (не успел я лечь, как заснул).

206. 16) Деепричастие отрицания (*converbium negationis*). Это название мы присваиваем тому самому глагольному имени на *-чи* (сев.-кор. *-ти*), которое рассматривалось нами как индееиссив. Это — глагольное имя; оно сопровождается глаголом *хада* в том случае, если действие отрицается. Так же как в английском языке надо употребить глагол *to do* при отрицании (ср. *I do not go* в противоположность *I go*), так и в корейском говорят *каджи мот ханда* или *каджи ани ханда* (я не иду), подчеркивая тем самым отрицание. Говорят также *мот канда* (не могу идти) и *ани канда* (не иду, не пойду). Все же конструкция *каджи мот* (или *ани*) *ханда* выражает более энергичное отрицание.

К окончанию *-чи* (*-джи*, *-чхи*), сев.-кор. *-ти* (*-ди*, *-тхи*) можно присоединить, как и к другим глагольным именам, частицы *нын* и *то*. Сочетание *-ти* (ныне *-чи*) с *то*, как кажется, уже довольно давно дало сокращенную форму *-то*: *мөкти то* дало *мөкто*, *мантхи то* дало *мантхо*, *оди то* дало *одо*, *отто* и т. д. Вместо **-ти нын* (ныне *-чи нын*) иногда употребляют сокращение *-тын*, *-чин*. Наряду с *-чи* (именительный падеж глагольного имени) употребляют иногда *-чи-рыл*, *-чи-л* — винительный падеж: *аджи мот хао* (я не знаю), *аджи нын мот хао* (я вовсе не знаю, я действительно не знаю); *аджи-рыл мот хао* (не знаю я); *аджи до мот хао* (он даже не знает этого); *кы сарам-и сал ка подын* (= *поди нын*) *анкхо чугыл ка пода* (он, по всей видимости, не выздоровеет, а умрет); *чукчи до ани хаго натчи до ани ханда* или *чукто анкхо натто ани ханда* (он и не умирает и не выздоравливает).

207. Та же самая именная форма употребляется с глаголом *мада*, *малда* (основа *мар-*) (избегать, не делать); сочетание *-чи малда* употребляется для выражения запрещения. И в данном случае возможен винительный

-чи-рыл: *каджи мара* (не ходи), *каджи марара* или *каджи малгәра* (не ходи), *оджи малге* (пожалуйста, не ходите сюда), *мун-ыл йөрө нӧчхи* (или *ночхи-рыл*) *малла кко хайӧтте* (он сказал: не оставляйте дверь открытой), *мӧкчи мара* или *мӧкчи нын мара* (не ешь этого).

208. Две формы очень часто употребляются в условиях, аналогичных приведенным выше деепричастиям. Одно окончание — *-ме, мэ: помэ, поме* (так как видит), *халэ* (так как делает), *мӧгӧссымэ* (так как ел) и т. д. Это не что иное, как местный падеж от глагольного имени на *-и* (см. п. 235). Другое окончание — *-киллэ*, то есть сочетание глагольного имени на *-ки* с падежным окончанием *-ллэ*; для севернокорейских диалектов это — правильное образование, возможное и в собственно именах существительных; лишь в южнокорейских диалектах данный падеж употребляется при глагольных именах, а не при собственно именах (см. п. 233).

209. Деепричастные формы некоторых глаголов, особенно деепричастие прошедшего времени, употребляются как эквиваленты наших предлогов; их можно назвать глагольными послелогом: *сәул пүтхә вассо* (он приехал из Сеула; первоначально: он прибыл, будучи приданным (прикрепленным) к Сеулу).

Наиболее употребительные послелог глагольного типа будут рассмотрены ниже (см. п. 285).

ГЛАГОЛЬНЫЕ ИМЕНА (ПРИЧАСТИЯ)

210. Глагольные имена корейского языка делятся на два разряда: глагольные прилагательные и глагольные существительные.

1. Глагольные прилагательные

211. Глагольные прилагательные, подобно другим атрибутивно употребляемым словам, несклоняемы. Они

предшествуют непосредственно тому имени существительному, определением которого они являются. Они могут употребляться так же, как сказуемые; однако в этом случае они сопровождаются так называемой конечной частицей, утвердительной или вопросительной. Мы уже частично рассмотрели этот разряд глагольных имен в разделах, посвященных формам учтивости, глаголу в вопросительных предложениях и различным формообразованиям изъявительного наклонения. В дальнейшем эти глагольные прилагательные ради краткости мы будем называть причастиями.

Ундервуд и другие исследователи корейского языка называют эти формы относительными причастиями. Это объясняется тем, что термин „причастие“ применялся исследователями также к тем формам, которые здесь именуются деепричастиями. Относительными эти причастия названы потому, что при переводе на европейские языки они часто соответствуют сказуемым придаточных определительных предложений.

212. 1) Причастие настоящего времени имеет окончание *-нён, -нын*. Конечный согласный основы глагола во многих словах при присоединении этого окончания ассимилируется, то есть уподобляется начальному согласному окончания: *итта* (быть) ~ *инён (иннын)* (сущий, который есть); *антта* (сидеть) ~ *анён (аннын)* (сидящий, который сидит); *мөкта* (есть, кушать) ~ *мөнённын* (кушающий, который ест); *хайөтта* (сделал) ~ *хайённын (хайёнён)* (сделавший, который сделал). Глаголы с конечным *л* теряют это *л* перед окончанием причастия настоящего времени: *алда* (знать) ~ *анён (аннын)* (знающий, который знает); *тылда* (поднимать) ~ *тыннын* (поднимающий, который поднимает) и т. д. У глаголов с конечным согласным *-лх-* по присоединении окончания причастия настоящего времени на стыке образуется долгое *лл*: *ккылхта* (произносится *ккылтха* — кипеть) ~ *ккыллын* (кипящий, который кипит); *ттулхта* (произносится *ттултха* — протыкать) ~ *ттуллын* (протыкающий, который протыкает) и т. д.

213. Как уже говорилось, качественные глаголы этой формы не образуют. Мы полагаем, что архаической формой причастия было не *-нын*, а *-н*, нынешнее причастие прошедшего времени; с этой точки зрения нынешнее *-нын*, *-нн* есть не что иное, как причастие *-н*, присоединенное к так называемому вторичному глаголу, признаком которого является суффикс *-нй*-, *-ны*-. Остатки этого суффикса прослеживаются и до сих пор в таких словах, как *кхынйда* (увеличиваться, становиться большим; ср. *кхыда* — быть большим), откуда атрибутивная форма *кхынн* (становящийся большим, который становится большим; ср. *кхын* — большой). См. п. 246.

214. 2) Причастие прошедшего времени имеет окончание *-н*. Такое значение это окончание имеет только у глаголов действия; у качественных же глаголов это окончание имеет чисто адъективное значение; ср. английское *aged man* (пожилой человек); например: *нылгын сарам* (старый человек; от *нылкта* — быть старым); ср. другой оборот с тем же значением: *нахи* (произносится *наи*) *манхын сарам*.

215. 3) Причастие будущего времени имеет окончание *-л*, *-р*, в севернокорейских диалектах *-р*. Это — форма, в которой все корейские словари до сих пор давали глаголы. Окончание может означать как будущее время, так и действие не детерминированное временем, то есть действие как таковое (см. п. 221).

216. При атрибутивном употреблении причастия конкретный характер отношения действия к имени грамматически не выражается; единственным средством уточнения отношения остается контекст: *ир ханын сарам* (человек, который работает, работающий человек); *сарам ханын ил* (работа, которую выполняет человек); *ир хан сарам* (человек, который работал); *сарам хан ил* (работа, которую выполнял человек); *ир хал сарам* (человек, который должен работать, человек, который будет работать); *сарам хал ил* (работа, которую должен сделать человек; работа, которую выполнит человек); *кил канын сарам*

(человек, который идет по дороге); *сарам канын кил* (дорога, по которой идет человек); *инса хан сарам-и нугу-ио* (кто это, с кем вы поздоровались?).

В этом отношении корейский язык гораздо свободнее, нежели английский, где говорят *sleeping room, eating room, dining room, closing hour* и т. д.

Не санын чиб-и өна чиб-ио (в каком доме вы живете? дословно: дом, в котором вы живете, который дом?); *нэ мөнһын сур-и тан сур-ио* (вино, которое я пью, сладкое); *и гөс-и нугу-га понын чхэг-ио* (кто читает эту книгу? дословно: это кем читаемая книга есть?); *ури каннын кир-и мөо* (дорога, по которой мы идем, длинная [далекая]); *се чунын чиб-и өдэ иссо* (где тот дом, который вы снимаете?); *се чун чиб-и өдэ иссо* (где тот дом, который вы сняли?); *се чул чиб-и өдэ иссо* (где тот дом, который вы будете снимать?); *көннөн панһ-и иннын я* (есть ли тут проходная комната?).

217. Производными от причастия настоящего времени являются форма изъявительного наклонения на *-не* (*инне* — есть, *пөне* — смотрит, видит, *мөнһне* — ест, *хайһенне* — сделал, *хагенне* — сделает) и настоящее длительное на *-нында*, *-нда* (*иннында* — есть, *мөнһнында* — ест, *пөнда* — смотрит, *ханда* — делает). Окончание *-не* восходит к причастию + частица *и*; окончание *-нында*, *-нда* восходит к *-нан ида*. Точно так же формы типа *иннаида*, *мөгымнаида* представляют собой причастия с последующей связкой *ида*. В литературном языке причастия очень часто употребляются перед заключительной частицей *-ира*: *ханһнира* (делает), *ханира* (делал), *харира* (будет делать), *кыпхынира* (глубокий), *кыпхырира* (видимо, глубокий), *кйнира* (длинный), *кйрира* (видимо, длинный; от *килда* — быть длинным).

218. Качественные глаголы имеют окончание изъявительного наклонения *-е* (иногда *-а*, *-э*), которое является аналогом указанного выше *-не*, употребляемого при глаголах действия: *кыпхе* (глубокий), *кые* (длинный), *чохе*, (хороший; также *чоха*, *чохэ*). Эта форма, как кажется,

не является корректной с точки зрения литературного языка; она является, видимо, сокращением таких форм, как *кипхынн*, *кинн*, *чохынн*, которые употреблялись раньше в конце независимого предложения, как это засвидетельствовано старыми памятниками.

219. Употребление причастий перед вопросительными частицами *ка* и *я* рассматривалось нами выше. Здесь только надо добавить, что и в этих конструкциях наблюдаются различного рода сокращения и стяжения; так, *иннын я* (есть?) дает *иннынн*, *инна*, *инни*; *похыня* (видит ли?) дает *похынн*, *понн*, *понэ*, *поня*.

220. Вопросительная частица *ка* обычно не сливается с причастием; однако перед глаголом *пода* (видеть, казаться) сочетание *-нын га* очень часто дает *-нн*: *пн-га она пода* (кажется, идет дождь); *онал ку'өнъ калла* (или *каръ*) *хайэттәни*, *әтчим'өн*, *парам-и хыйбанъ чиккенна поо* (мы собирались сегодня пойти полюбоваться (видами), но как бы ветер не помешал этому). Это окончание *-на* перед *пода* не следует путать с окончанием *деепричастия* допущения. Точно так же не следует смешивать двух омонимов: *-нынн*, *-нн*, как сокращения от *-нын я*, *-ня*, и *-нн*, как окончания *деепричастия* предпосылки.

221. При переводе на европейские языки корейские причастия очень часто оказываются сказуемыми придаточных предложений: *нахи манхын сар'ам* (человек, которому много лет; пожилой человек); *сог-и чоун сар'ам* (человек, ум которого узок; ограниченный человек); *иб-и акхан н'өин* (женщина, язык (дословно: рот) которой злой; женщина со злым языком); *капс-и писсан мулгөн* (вещь, цена которой высока; дорогая вещь); *чане пон дже-га орэ-о* (давно было то время, когда я виделся с вами; мы с вами давно не виделись). Причастие будущего времени употребляется часто в таких случаях, где, собственно говоря, отсутствуют временные отношения: *чугыл п'өнъ* (смертельная болезнь); *мөгыл кес-и машхә, а* (там было много чего съедобного); *ури-га кал кир-и тэданхи мёрөссо* (путь, по которому нам пришлось идти, был далекий).

222. Частица *ка* после причастия будущего времени произносится с долгим глухим смычным. Вместо *мөгыл ка* говорят *мөгыл кка* и даже *мөгы кка*; вместо *ил ка* говорят *ил кка* и даже *и кка*. Это *и кка* > *икка* очень часто употребляется в вопросительных предложениях, о чем речь шла выше.

223. Причастиями от качественного глагола-связки *ьда* будут *ин* и *ил*. После основ на гласный начальный гласный этой связки теряется: *ин* дает *-н*: *мөгыр'өн* (состоит из *мөгыр-иө-н*) *псп* — каша, которую он собирался съесть; *чуктөн* (состоит из *чуктө-н*) *ттэ* — когда он умер; *мөктөн* (состоит из *мөктө-н*) *псп* — каша, которую мы тогда было съели; *кадөн* (состоит из *кадө-н*) *кил* — дорога, по которой он тогда шел; *касөттөн* (состоит из *ка-сөт-тө-н*) *кил* — дорога, по которой он шел (раньше).

Сложное причастие будущего времени

224. *Чугыр'өн* (состоит из *чугыр-иө-н*) *ттэ* — когда я чуть было не умер. Форма *чугыр'өн* в этом предложении может служить примером, показывающим происхождение так называемого сложного причастия будущего времени с окончанием *-лөн*, *-лын*, которое часто употребляется с вопросительной частицей *-чи*, встречаясь, однако, и как определение к имени и как предикат вопросительного предложения. Указанная частица *чи* восходит к имени существительному со значением „факт“, „вещь“ (см. раздел, посвященный послепричастным именам).

Каллынджи малынджи марыгессо (я не знаю, уехал он или нет); *иссыллөнджи аджи мот хао* (я не знаю, есть ли это налицо) (ср. *калчи малчи морыгессо* — я не знаю, поедет он или нет; *иссылчи аджи мот хао* — я не знаю, будет ли это налицо); *оллынга* (придет ли он?); *кы пр-ыл та хайөссыллынджи ал су өпсө* (я не знаю, вся ли работа выполнена).

Особые послепричастные имена

225. Причастия употребляются как определения к личному имени существительному. Однако в корейском языке

есть целый ряд имен существительных с очень общим значением (вещь, факт, момент, место, слово, путь и т. д.), которые употребляются преимущественно после причастных форм глагола; европейские языки в этих случаях предпочитают придаточные предложения. В подобного рода словосочетаниях — имена употребляются в именительном падеже, то есть без всякого окончания; исключения представляют *тэро* и *коро*, которые представляют собой сочетание имени с окончанием творительного падежа.

Наиболее употребительными послепричастными именами являются:

1) *тэ* — место (произносится *те, тэ, дэ, де*); употребляется после причастий всех трех времен: *ни ани онын де, вэ усан-ыл каджиго ос'эссо* (ведь дождя нет; зачем же вы пришли с зонтиком?); *кы сара-и пр хан-нын де и мар хайотте* (вот что он сказал за работой); *пр хан де* (когда он работал; за работой); *пр хадэн де* (когда он занимался делом [был в процессе работы]); *нэ-ге ол пх'энджи-га иннын де* (мне должно прийти письмо); *ссыл тте иссо* (это может быть использовано); *ни хаген де* или *пикхэндэ* (например).

Как видим, имя существительное *те, де* часто употребляется для передачи подчиненного предложения времени, ситуации. Но оно также часто употребляется и в своем первоначальном, более конкретном значении: *хан дэ өмнында* (дословно: нет такого места, куда бы ходил; нет следов того, что ходил); *чохын кал тэ* (или *кал ттэ*)-нын иссо (есть хорошее место, куда можно пойти).

2) *тыл, т'ыл* (произносится *тыл, дыл*); первоначальное значение, видимо, „случай“, „событие“; употребляется после причастий всех трех времен, обычно при наличии отрицания или вопроса в главном предложении: *каджө он дыл ссыл тте иссо* (даже если я принесу это, будет ли от того какая-нибудь польза?!); *кан дыл мот поатта* (возможно, что он ушел, но я-то ни видал); *кал дыл чоха ани ханда* (если даже он и пойдет, я не вижу в этом ничего хорошего). Ср. маньчж. *dule* (наоборот, в противоположность).

3) *тмэ*, восходящее к *птап*, означает „время“; входит в состав *иптэ* (теперь, ныне), *кыптэ* (в то время), *чоптэ* (недавно, за последнее время); тождественно турецкому (уйгурскому) *buta* (сезон); служит для передачи придаточных времени: „когда“. Употребляется после причастий всех трех времен, но чаще всего после причастия будущего времени. Вместо *тмэ* можно сказать *тмэ-е* (местн. п.): *пх'өнджи ссыл тмэ сонним-и вассо* (пришел гость, когда я писал письмо).

4) *чөк* (время, случай); употребляется после причастия будущего времени для передачи придаточного времени; наряду с *чөк* возможно *чөг-е* (местный падеж): *акка ол чөк* (или *чөг-е*) *мэу чхипсылтэда* (или *чхиптэ ида*, *чхиптөра*) (было ужасно холодно, когда я некоторое время тому назад пришел); *нагал чөк мада* (или *ччөн мада*) *и сарам-ыл маннао* (я встречаю этого человека каждый раз, как выхожу); *комбу хал чөг-е* (или *хал чөк*, или *ханын де*, или *хал тмэ*, или *хал тмэ-е*) *чань-нан хаджи мара* (не шали, когда занимаешься).

Имена *чөк* (ср. турецк. *şaq* — время) и *тмэ* еще до сих пор ощущаются как самостоятельные слова, тогда как *тэ*, *де*, *тыл* и следующее ниже *чык* объясняются всеми грамматиками либо как окончания, либо как союзы.

5) *чык*, — китайское по происхождению слово со значением „момент“, „случай“; ныне употребляется для передачи придаточных времени; употребляется после причастия прошедшего времени: *и гөс-ын та хайөссин джык кы даым көс сиджак хаджа* (так как мы с этим уже покончили, то давайте приниматься за следующее дело); *нэ-га мун-ыл йөн джык аджык тырө оджи малла го халтэда* (в тот самый момент, как я открыл дверь, он сказал: „не входите пока!“); *капс-ыл чур'өн джык тэн-и өпхөдын* (когда я собирался заплатить, то оказалось, что у меня нет денег); *ка пөн джык амо до өпсэ* (пошел посмотреть, оказалось, что там никого нет).

6) *чи* восходит к *ти*, *ди*, каковая форма зарегистрирована севернокорейскими диалектами; в южнокорейских произносится *чи*, *джи*; означает „факт, вещь, событие“; употребляется после причастий прошедшего и будущего

времени. Вопросительная частица *чи* (из **ни*) является тем же самым словом, но в иной грамматической функции. Ср. тунг. *-ti* как знак вопроса. *Кал чи-ра* (он пойдет, он должен пойти); *кал чи-нде нын* (если собираетесь пойти); *хайёссыл чи ра до* (хотя он и сказал, что...); *но, чи кэиллын джи до* ал су ёлсо* (не знаю, прояснится ли погода; не знаю, когда будет ясно) (от *кэнда*; *кэиллын* из *кэил-ио-н*, *-н < -ин*; см. п. 224); *тэнхо ар-и өттөкхө манхи ттөрөджөннын джи, чөнджи-га та пхайёссо* (так много упало снарядов, что все поле оказалось взрытым); *кан джи га орэ-о* (уже прошло много времени, как ушел); *мөгын джи га неси тэйёссо* (уже прошло четыре часа с тех пор, как я ел); *не көри-е касө мулгөн-ыл сал чи-н де чохын гес-ыл сара* (когда ты идешь покупать что-нибудь, то покунай только хорошее); *чугыл чи өнджөн көджытмал хагессо* (я скорее умру, чем совру).

Следует обратить внимание на употребление глагола *ида* (быть) в таких формах, как *ийөн джи* (ныне редко в разговорном языке) и *идөн джи*, *-дөн джи*, сев.-кор. *идөн ди*, *-дөн ди* в значении „...нибудь“: *нугу дөн джи* (кто бы то ни был, кто-нибудь), *муөс идөн джи* (что бы то ни было, что-нибудь), *м'өтчх-идөн джи* (сколько-нибудь).

7) *че* — китайское по происхождению слово в значении „время“; употребляется после причастия прошедшего времени: *кы сарам-и чугын дже-нын орэ-ссо* (уже прошло много времени с тех пор, как он умер); *на маннаги чөн-е сөул он-джега иссо* (бывали ли вы в Сеуле до того, как встретиться со мной?); *чане пон дже-га орэ-ё* (прошло много времени с тех пор, как я видел вас).

8) *тэ* — „согласие, соответствие“; твор. п. *тэ-ро*; употребляется после имен, а также после причастий всех трех времен в значении „согласно“, „подобно“, „так как“: *мал дэ-ро* (согласно сказанному); *нэ пон дэ-ро* (в согласии с тем, что я видел; согласно тому, что я видел); *кы сарам мар ханын дэ-ро* (согласно тому, что он говорит); *мар хал ттэ-ро* (согласно тому, что он скажет); *кы өрын ахэ понын дэ-ро кадмико сипхө хсо* (этот ребенок стремится взять все, что он видит).

10*

12) *янъ* и *моянъ* — имена китайского происхождения с значением „манера, способ“; употребляются после причастий всех трех времен для выражения вероятности. После этого служебного имени следует либо связка *ида*, либо *хада* или *сипта* (выглядеть); имя может оформляться творительным падежом. Ср. *кыянъ*, *кыянъыро* (так, таким образом).

Чигым илгыл моянъ-по (он, кажется, собирается сейчас читать); *акка кан моянъ-ида* (они, кажется, ушли несколько минут тому назад); *илбон-ыл кал янъ-ида* (или *кярянъ-ида*) (он, кажется, собирается ехать в Японию); *аджик ол янъ-и мѳрѳссо* (до его прихода еще далеко; он еще не скоро придет; дословно: еще далека та обстановка, которая говорит о том, что он придет); *чхѳнъ-гуг-ыл юрам хар янъ-им'ѳн согз пх'ѳнджи-рѳл м'ѳтчянь ѳняы гѳс-и мѳу чѳссо* (если вы собираетесь ехать в Китай, то не плохо было бы взять несколько рекомендательных писем); *каря хам'ѳн* (если вы собираетесь идти (ехать)); *каря хар янъ-им'ѳн* (или *каря хал моянъ-им'ѳн* (если вы, как кажется, собираетесь ехать (идти)).

13) *ко* — слово китайского происхождения, означающее „причина“; употребляется в творительном падеже: *ко-ро*, *го-ро* в значении „так как“ (придаточное причины): *чи-блѳ и пр-ыл хагенныи го-ро тарыи пр-ыл мот хагессо* (так как я сейчас занят этим делом, то заниматься прочими делами я не смогу); *оял нун-и ояыи го-ро те чхипсо* (сегодня холоднее, потому что идет снег); *пулга-бул кал тхѳ-ин го-ро кассо* (он пошел, потому что обязан был идти; ему пришлось волей-неволей пойти).

Перед этим существительным употребляется либо причастие настоящего, либо причастие прошедшего времени.

14) *ккадалк* (местный падеж *ккадалг-е*) (причина); употребляется в той же роли, что *ко-ро* (см. выше): *нар-и кѳл чул ан ккадалг-е кидар'ѳссо* (я ожидал, потому что полагал, что погода прояснится); *нун-и он* (или *ванныи*) *ккадалг-е ани ватта* (он не пришел, потому что шел снег).

15) *су* (средство, способ); употребляется после причастия будущего времени, сопровождаясь глаголами *итта*

(есть) или *өпта* (нет); сочетание „причастие будущего времени + *су* + *итта* (или *өпта*)“ является самым распространенным способом выражения возможности: *кал су иссо* (могу пойти); *кал су өнсо* (не может пойти); *мот кал су иссо* (может не пойти); *мот кал су өнсо* (не может не пойти; должен пойти); *ал су өнсо* (не могу знать); *тон-и чөгын джык мал сал су өнсо* (так как у меня мало денег, то я не могу купить лошадь); *чохый га өпсыни их'өнджи ссыл су өнсо* (так как у меня нет бумаги, то я не могу написать письмо); *кылджа-га кхын джык чал пол су иссо* (так как иероглифы написаны крупно, то я в состоянии читать их).

Более подчеркнутым средством выражения идеи долженствования является употребление двух отрицаний: *чери мот кал су өнсо* (вы должны пойти туда).

16) *ман* (размер, количество, сумма); употребляется после причастий прошедшего и будущего времени, сопровождаясь глаголом *хада* (быть); в этой конструкции *ман* означает: „стоит“, „можно“, „пригодно“. Ср. *ман* в сочетаниях *йол ман* (только десять); *сан ман нопхын* (высокий как гора, с гору); *өлма* (из **вен ман*) (сколько; дословно: какой размер); *нэ сэнъгак хан ман мот хади* (это не так, как я думал); *мантха* (из *ман хада*) (много); *манхын* (из *ман хын*) (многочисленный).

И чхэг-ыл пол ман хада (эта книга стоит того, чтобы ее читать; эту книгу можно читать); *чө пун хыл ман хаджи мот хао* (эта кисточка для письма не может писать; этой кисточкой нельзя писать); *ул ман хан гөс-ио* (над этим стоит плакать); *и гөс-и мөгыл ман хада* (это съедобная вещь).

После причастия прошедшего времени *ман* часто переводится союзом „но“. Употребляемое в этом значении *ман* допускает перед собой как декларативную, так и индексивную формы глагола; само *ман* в этом случае может сопровождаться эмфатической частицей *-ын*: *манын*.

Кыри кассын манын өпсөтта (ходил туда, но (его) не было); *их'өнъ-и сокхи наассым'өн чохыр'өн ман* (было бы хорошо, если бы болезнь поскорее прошла, но...); *пи-га ол тыт хаген ман мот кал су өнсо* (видимо, будет дождь; все же и в этом случае я должен пойти).

Окончание инфинитивной формы *чи* перед *ман* или *манын* в сложных временах сокращается до *и*, а это *и* ныне ассимилировалось с последующим *м* (в *ман*, *манын*), дав *нм*, *мм* (пишется *см*): *кагелчи менын* или *кагелч манын* (должен пойти, но...); *кагессөтчи манын* или *кагессөнманын* (он должен-был пойти, но...); *кас-сөтчи манын*, *кассөмманын* (он ходил, но...).

17) *көс* (им. п.); произносится *көт*, *гөл*, сев.-кор. *кэ*, *гэ* (вещь, предмет); употребляется после причастий всех трех времен в самом широком смысле, включая как конкретный, так и абстрактный смысл (вещь в конкретном и абстрактном значении). Обычное присоединение к *көт*, *гөт* связки *ида* дает сокращенную форму *-к-* и *-г-* (из *көт*, *гөт*): *көс-ида*, *көс-но*, *гөг-ида* дают *-кида*, *-гиди*, *кино*, *-гиди* и т. д.

И гөс-и кхалло пөхия гэг-но (> *пөхия гно*) (это отрезано ножом); *и сарам мау ханын гиди* (он говорит); *калай ханын гөс-но* (или *галланын гно*) (он (говорит, что) хочет пойти); *сал көс-ыл каджө каге* (пожалуйста,несите то, что я куплю), *сан гөс-ыл каджө каге* (возьмите с собой мои покупки); *чунзын гөт* (умирающий), *чугыч гөт* (умерший); *чугыл көт* (близкий к смерти); *не анын гөс-ыл мот арассо* (он не знал, что вы знаете это).

Употребляясь после причастия будущего времени с последующим глаголом-связкой *ида*, *көс* служит для выражения долженствования: *и чхэг-и нэ-га пол көс-но* (я должен прочесть эту книгу); *кал көс-но* (я должен поехать); *пх'өнджи-мыч нол'өнь-и ссыл көс-но* (или *ссыл ккино*) (вы должны написать письмо).

Таким образом, сочетание „причастие будущего времени + *көс* + *ида*“ имеет примерно то же значение, что и служебное существительное *тхө* или *ил*, о котором речь будет ниже.

Винительный падеж от *көт*, а именно *көс-ыл*, вернее его сокращенный вариант *кэл*, после причастных форм глагола часто употребляется в значении восклицания: *чохын гөл* (как это прекрасно! сев.-кор. *тёун гө*); *өмнын гэл* (нет ничего!); *өпсыл көт* (не будет!).

18) *ил* (работа, дело); помимо основного значения, *ил* в сочетании с предшествующим причастием буду-

шего времени и с последующим глаголом-связкой служит для выражения долженствования: *кар пр-но* (или *кал ил-но* — мы должны пойти); *нох'онь-и пх'онджил-рыл ссыр пр-но* (вы должны написать письмо; ваша обязанность написать письмо); *та тбйёссыл пр-но* (все должно быть готово); *пор пр иссо* (или *пол ил иссо* — я занят; дословно: у меня есть нечто, за чем я должен смотреть).

19) *и* (нечто, некто, человек, вещь); в современном языке употребляется только как особого рода окончание; это, как говорили раньше, сокращенная форма китайского слова *ин* (человек, человеческое существо), но на деле это старое вопросительно-неопределенное местоимение (что, нечто). *И и-га чоссо* (этот лучше); *чө и-га муөс-ыл хане* (что он делает?); *кы и-нын көмда га* (он черен, но...).

Употребляясь после причастий, это *и* субстантивирует причастие тем или иным образом: *канын и* (идуший), *кан и* (ушедший, отсутствующий), *кар и* (*кал и*) (долженствующий идти, отправляющийся). Это *и* тождественно тому, которое рассматривалось выше, в разделе, посвященном деепричастию предпосылки (*premissi*); как известно, оно оканчивается на *ни*, которое состоит из причастия прошедшего времени и частицы *и*; это же *и* употребляется после причастия прошедшего времени и как знак субстантивации: *канын и-га нугу-но* (кто там идет?), *сёур-есө он и-га алгессо* (приехавший из Сеула знает это); *нылгынн* (старик); *чөлмынн* (молодой человек, юноша); *чугын и-еге муөс-ыл талла хао* (что спрашивать с мертвого?); *санын и-рыл тоа чуспо* (пожалуйста, помогите тому, кто (еще) живет); *нэ-га кар и икка* (что, я и в самом деле должен идти?); *нэ-га пор и ида* (я, видимо, увижу это, я должен буду увидеть это).

-*Ри* *икка*, -*ри* *ида*, *ри* *но*; сочетания, данные в последних примерах, обычно как в письменном, так и в разговорном языке, сокращаются в -*рикка*, -*рида*, -*рино*; Экардт в своей грамматике корейского разговорного языка рассматривает их как образования от вторичного глагольного корня-основы -*ри* со значением будущего времени. Следует отметить, что сочетание „-*ри* + глагол-связка *ида*“ обычно употребляется только в речи о

первом лице: *кар и икка*, *карикка* (должен ли я пойти? быть может мне пойти?).

Сочетание „причастие + и“ в свое время, как это видно из старых памятников, употреблялось с конечной утвердительной частицей *пра* для выражения изъявительного наклонения: *канын и пра* (*канынпра*) (идет), *хар и пра* (*харира*) (скажет, сделает). Конечное *пра* в этом случае может отсутствовать. В формах учтливой речи типа *камнида*, *иссымнида*, о которых шла речь выше, имеем в скрытом виде то же сочетание причастия с *и*: *камнида* восходит к *каннан и ида*, а *камникка* восходит к *каннан и иркка*. То же самое *и* находим и в служебном слове *сири*, употребляющемся после деепричастия будущего времени: *си-ри* из **исил-и*.

20) — *ча*, китайское слово со значением „личность“, „особа“; употребляется вместо упомянутого выше *и* для выражения деятеля; более учтливо нежели *и*: *канын джа* (идуший), *кан джа* (ушедший), *кал ча* (тот, кто должен пойти); *чө ир ханын джа нузу-ио* (кто это там работает?); *кы год-е каттөн джа-рыл аджи мот ханын джа ё* (я не знаю того, кто там уехал); *сәул кассын джа-га* или *сәул кассынкын джа-га* (тот, кто уехал в Сеул); *ахэ пэнын джа* (нянька; тот, кто смотрит за ребенком).

Ча употребляется как после имен существительных (китайских и корейских), так и после причастий.

21) *п-г* (место). В противоположность рассмотренным выше *и* и *ча*, которые являются средством выражения деятеля и придают таким образом глаголу активное значение, имя существительное *па* часто употребляется для обозначения объекта действия, в силу чего глагол приобретает пассивное значение: *сән ба* (место, где он проживал); *садән ба* (купленное); *анын ба-га муөс-ио* (что вы знаете? дословно: известное вам что?); *чугын ба таси сал су иссо* (может ли вновь ожить то, что уже умерло?); *нөхый-га ури пх'өнджи-ра*, *ури майм-е ссөсө мус-сарам-и алго инънын* (или *иллын*) *ба-ра* (вы — наше письмо, написанное в сердцах наших, узнаваемое и читаемое всеми людьми); *пи-га манхи вассыни патх-е симын ба коксиг-и к'өлтаң нассо* (так как лил большой дождь, то семена (те, что), посеянные в поле, оказались поврежден-

ными); *хадэя ба-рыл пэриго мусын ир-ыл хао* (что вы будете делать, потеряв то, чем вы работали?).

22) *чул* (линия, строчка); это существительное употребляется в том случае, если последующий глагол имеет значение „думать“, „полагать“, „знать“ и т. п.; в этом случае оно может передаваться русским союзом „что“; если *чул* принимает форму винительного падежа (*чур-ыл*), то это служит указанием на то, что содержание мысли правильно; если же *чул* принимает форму творительного падежа (*чул-ло*), то это значит, что содержание мысли неправильно: *кан джул аратта* (я знал, что он ушел); *кан джур-ыл аратта* (я знал (и это абсолютно верно), что он ушел); *кан чул-ло аратта* (я думал, что он ушел (но это на деле не так)); *оа чул-ло сэньгак хайёссо* (я полагал, что он придет); *кырөкхе ниссаа чул нөг'өссо* (неужели вы полагали, что это так дорого?); *мүөс-и-дөнджи та чөлло тён чул-ло анын и-га ниссо* (некоторые верят, что все образуется само собой); *тёла чул-ло на-рассо* (я надеялся, что это случится); *сөөр-и канын чул моллатта* (я не знал, что время так идет).

23) *мал* (слово, речь); употребляется после причастий перед глаголами „слушать“, „воспринимать“: *катта хан (каттан) лар-ыл тырөссо* (я слышал, что он уехал); *чуготта хан мал тырөссымникка* (слышали ли вы, что он умер?).

24) *пөн* — китайское имя существительное со значением „раз“, „случай“; употребляется после причастия будущего времени с последующим глаголом *хада* (делать); весь оборот значит: „быть на грани того-то и того-то“, „чуть было не...“, „едва не...“: *ттерөджил пөн хайёссо* (чуть было не упал); *тоджак манна чугыл пөн хайётти* (он чуть было не распрощался с жизнью, повстречавшись с разбойниками); *кыр-е када га тор-есө нэмэджыл пөн хайёссо* (когда я шел по улице, то чуть было не споткнулся о камень).

25) *се* — слово китайского происхождения со значением „обстоятельство“, „состояние“; сопровождается обычно связкой *ида*; если перед *се ида* следует причастие будущего времени, то весь оборот имеет значение „иметь случай...“: *мөгыл се-да* (имеет случай поест) и (пассивно).

мөгыл-олседа с тем же значением; отсюда связка *полседа: чохын чохый-олседа* (это — хорошая бумага).

В повседневной речи часто слышим *се* без последующей связки: *кырө хал се > кырөл се > кыл се* (да, так).

26) *сэ* (интервал, промежуток; ср. тунг. *саја* — пространство между пальцами); употребляясь после причастия будущего времени, имеет значение „пока“: *нап мөгыл сэ тоджаг-и чхимбань-е тырө вассо* (пока мы ели, вор проник в спальню). В этом значении этот оборот чередуется с другими аналогичными ему по смыслу: *мөктага* или *мөгыл ттэ* или *мөгыл тонъан-е* и т. д.

27) *сэрок, сэрок* или *сурок* употребляется после причастия будущего времени; означает: „чем более... тем...“. Как и в окончании *торок* (см. п. 198), мы имеем здесь творительный падеж от *сй, сэ, су* с последующей частицей *-ок, -ук*; *сй, сө, су* — это варианты одного и того же имени, видимо, со значением „новый“ (ср. *сэ* — новый, *сэро* — вновь); возможно также, что это *сй* означает „сверх“, „более“ (ср. монг. *саја* — недавно, тунг. *solo-*, *sola-* (идти вверх). Чередования гласного объясняются отсутствием на слове ударения: *парам-и пул сэрох пур-и прөнао* (чем сильнее (больше) дует ветер, тем больше разгорается огонь); *чохын норэ-нын тырыл сурок тыкко синсо* (чем больше я слушаю хорошие песни, тем больше мне хочется их слушать); *ханмун-ыл пэхол сэрок өр'өвө гао* (чем больше изучаешь китайскую письменность, тем более она оказывается трудной).

28) *пөп* — китайское имя со значением „закон“, „правило“, „обычай“; очень часто употребляется в конструкции „причастие будущего времени + *пөп* + *иссо* или *өпсө*“. Конструкция служит для передачи категории возможности: можно, нельзя. Например: *яг-ыл манхи мөгыл пөп өпсө* (нельзя принимать много лекарства); *тырө ол пөп өпсө* (нельзя входить); *аджи мот ханын сарам-ый тонъсан-е куг'өнъ хал пөб-и өдэ иссо* (где это видано, чтобы можно было заходить в сад незнакомого человека?); *яг-и иштөм'өн и п'өнъ-ыл котчихил пөб-и иссөссо* (если бы у меня было тогда лекарство, то я смог бы избавиться от этой болезни).

Во многих случаях вместо *пэб* может быть употреблено другое служебное имя — *су*.

29) *тэтэ-мун* или *тэтэ-мун-е* после причастия прошедшего времени служат для выражения причины; в других случаях — цели: *пэхол тэтэ-мун-е чхэг-ыл са ватта* (он сходил купить книгу для занятий); *мөн кир-ыл кан тэтэ-мун ил си с игессо* (я хочу отдохнуть с часок, потому что я очень далеко ходил).

30) *чхаро*, сев.-кор. *чхары* в значении „чтобы“. Это слово представляет собой либо творительный падеж от имени *чха*: *чха-ро*, либо стяжение *чи* (см. выше, 6) и *хяр'ө* > *хйро* (чтобы делать); употребляется только с причастием будущего времени: *чхэг-ыл пэхкыл чхаро* (то же, что *пэхкилла-кко*) *чохый-рыл саро кассо* (он пошел купить бумаги, чтобы переписать книгу); *сөнсэн хан на-рам-ыл сохил чхаро кыныр-ыл чхаджассо* (я нашел тенистое место, чтобы освежиться на прохладном ветерке).

31) *кил* (дорога); часто употребляется также в значении „в течение“; ему предшествует причастие настоящего времени: *канын гил мар хайэтта* (по дороге он сказал); *мулгөн-ыл са онын гил нэ чиб-ыро оо* (зайдите ко мне, когда будете идти за покупками); *кве-рыл котчихины гир-е сэ чамылсэ ккатыхи тум'өн чо хрессо* (когда будете чинить ящик, то хорошо будет, если вы поставите новый запор).

32) *чунь* — слово китайского происхождения; означает „середина“; употребляется в том же значении, что и *кил*, но гораздо чаще его; ему предшествует причастие настоящего времени: *симмун понын джунь-е чатта* (он заснул за чтением газеты); *кил канын джунь-е* (в пути); *кыл понын джунь итта* (он сейчас читает; собственно: находится в процессе чтения).

33) *чөн* — слово китайского происхождения; означает „перед“; после причастия будущего времени означает „прежде чем“: *кы и-га нэ ол чөн-е катта* (он ушел прежде, чем я пришел); *мөгыл чөн каджи мара* (не уходи, пока не поешь).

Вместо причастия будущего времени часто употребляется глагольное имя на *-хи*: *оги джөн-е*, *мөкки джэн-е*.

34) *ху*—слово китайского происхождения; означает „после“; после причастия прошедшего времени означает „после того как“: *и чхэг-ыл пон ху* (или *ху-е*) *нал чуэра* (по прочтении этой книги дай ее мне); *нэ-га кан ху алогэ-га соннын* я (был ли здесь кто-нибудь после того, как я ушел?).

35) *тонь* (альтернатива), *токтон* (интервал); из этих двух имен последнее употребляется также в значении „в течение“, „пока“; *тонь* после причастия будущего времени, сопровождаемое глаголом *хадэ*, служит для выражения колебания, неопределенности при выборе двух действий: *кал тонь мал тонь хайэтта* (он не знает, идти ему или нет); *ни-га ол тонь чил тонь хайэтий* (ждешь то или, то вновь переставал); *пр кал тонь мал тонь ханын гэс-и сыл тэ өлсө* (это никуда не годится — работать рывками: то работать, а то нет).

36) *чиг'өнъ*,— слово китайского происхождения; означает „граница“, „гравь“; сочетание „причастие будущего времени + *чиг'өнъ* + *ида*“ служит для передачи условных предложений со значением „если дело действительно дошло до того, что“: *кал чиг'өнъ ил'өн, ка до кэгессо* (если дело дошло действительно до того, что надо идти, то я тоже пойду); *и пстх-ыл пхал чиг'өнъ нөдын* (если дело действительно дошло до того, что вам надо продать это поле, то...).

37) *пун* после причастия будущего времени с последующей связкой означает „только“: *нө-нын ил ман хал пун ида* (вы только и знаете, что работаете); *накчи са мунө-нын тэсо-га тарыл пун по, моюнь-ын катхын гэс-иэ* (большой и малый осьминог отличаются только размером; что же касается их внешнего вида, то они одинаковы);

38) *мыым* (*маам*, *мәм*) (ум, мысль), *сэнъгак* (мысль), *ттыс* (смысл), *вөный* (намерение, желание), *пярәм* (надежда); все эти имена могут употребляться с причастием будущего времени: *не-га нэл ол парам-е кидаригессо* (я буду ждать вас в надежде, что вы придете); *йөнъ-гуг-ыл кал мыым-и иссо* (у меня есть мысль съездить в Англию); *илбон кал ттыс-и өисо* (я не имею в виду ехать в Японию) и т. д.

39) *чыым* (начало); после причастия будущего времени означает „быть готовым сделать то-то и то-то“: *кал чыым* (или *кал чыым-е*) *ну-га вассо* (когда я был уже готов уйти, кто-то пришел; вместо этого можно сказать с тем же значением: *калла хан де ну-га вассо*).

223. Употребление перечисленных выше послепричастных имен, равно как еще более частое употребление деспричастных оборотов, является наиболее характерной чертой корейского языка. С помощью этих средств предложение может быть распространено до любых размеров. И хотя в корейском языке отсутствуют союзы, он все же богат другими средствами связи более или менее независимых предложений в одно целое, когда в этом появляется необходимость.

2. Глагольные имена существительные

227. Имена существительные образуются присоединением к глагольной основе ряда суффиксов. Большинство образований, употребляемых ныне как глагольные формы (например, *-та*, *-тэ*, *-чи*, *-ча* и т. д.), на деле являются именами существительными. Помимо указанных выше, есть еще ряд именных образований, не затронутых нами до сих пор. Наиболее важными из них являются:

228. 1) Глагольное существительное на *-ки* (восходит к **кап*). Посредством этого окончания идея глагола выражена в форме имени существительного; иными словами, таким путем выражается действие или качество как таковое, „в себе“. Такое имя склоняется и имеет полную падежную парадигму.

Именительный падеж: *хаги-га свинсо* (работать легко; это легко сделать); *поги до чокхо мекки до маси нго* (на это приятно смотреть, приятно это также отведать); *ноньса хаги га кыл комбу хаги-га соро тарын гэсго* (обрабатывать землю и заниматься литературным трудом — абсолютно различные вещи); *посчонь хаги ман*

хам'өн та чури ида (если только вы будете послушным, я отдам вам все); *өн гаджи пр-ыл мал ман хаги-нын сенё до хэнь хаги-нын өр'енсо* (это только легко говорить о работе, какая бы она ни была, а вот делать ее трудно — гораздо легче говорить о деле, нежели его делать).

229. Очень часто, с целью подчеркнуть противопоставление, плеонастически употребляется именительный с последующей частицей *-нын*: *чокхи-нын чоссо* (хорошо-то оно хорошо); *чокхи-нын чохына* (хорошо-то оно хорошо, но...); *каги-нын ка до тораоджи-нын мот хари,а* (пойти-то я пойду, но назад не приду).

Иногда это глагольное имя употребляется с последующим глаголом *хада* (делать); такой оборот является подчеркнутым: *оги до хаго каги до ханда* (они как уходят, так и приходят).

230. Местный падеж: *нөхий каги-е на до кагессо* (так как вы идете, то пойду и я); *кы сарам-и хим сё-ги-е орэ сал чул арассо* (так как он крепкий человек, то проживет, я думаю, он долго); и *чхэк нэ тоги-е-нын чам-и эсо* (эта книга по прочтении оказалась неинтересной).

231. Винительный падеж; винительный падеж обычно употребляется как выражение объекта последующего действия; но он может также употребляться и как указание на последующую прямую или косвенную речь, являясь, таким образом, тождественным деепричастию цитации и слову *мар-и*: *кы и-га мар хаги-рыл и б'өн-е-нын ккок тында го хайётта* (он сказал, что на этот раз он непременно придет); *не-га сул мөкко нёрым хаги-рыл чоха хани намбонь по кунджа-нын анира* (если вы любите выпить и еще играть в азартные игры, то вы повеса, а не порядочный человек).

232. Творительный падеж; творительный падеж отглагольного имени употребляется в самых различных значениях, обычно в тех же, в каких употребляется творитель-

тельный от обычного имени; наиболее часто, однако, причинное значение. Особенно следует отметить употребление этого падежа перед глаголом *чакчёнъ хада* (решить): *кы сарам мар хаги-ро кыджыммал-ю арассо* (я думаю, что это ложный слух, поскольку это сказал он); и *мулгён-ыл саги-ро чакчёнъ хейессо* (я решил купить эту вещь).

233. Творительно-местный падеж на *-киллэ* употребляется для выражения причины или цели. Окончание *-ллэ* в южнокорейских диалектах употребляется только после глагольных имен на *-ки*; в севернокорейских диалектах оно же употребляется и после других имен: *ча-бок хаги-ллэ йонъсё хайёссо* (так как он сознался, то я простил его); *сырхё хаги-ллэ кы ман туённе* (так как это им не нравится, то я оставил так, как есть); *чал мёккиллэ тё чүёссо* (поскольку он ел хорошо, и дал ему еще), ср. сев.-кор. *абиллэ* — для отца).

234. 2) Глагольное имя на *-м*, *-ым*. Это имя выражает либо действие, либо его результат, абстрактный или конкретный. Подобно прочим именам, оно имеет полную парадигму: *мидым-и саранъ хам ман катчхи мот хамнэда* (вера — это не то же, что любовь); *саранъ хам-ёсё тё чинанын гёс-и ёпсё* (нет ничего выше любви); *кырё хам-ыро, прё хал-ыро* (поэтому, потому); *абаджи-кке ку хам-е* (или *хамэ*) *чумá ко хасидёра* (я попросил моего отца, и он обещал мне дать); *косэнъ хам-ыл тора поджи ани хаго* (не обращая внимания на трудности; невзирая на трудности); *сарым, сáлми* (жизнь); *алми* (знание) и т. д.

235. Глагольное имя на *-м* употребляется в официальном и юридическом языке как конечный глагол (см. п. 139). Из этой функции *-м* развилось настоящее время на-му и *-ме* (см. п. 140); с восклицательной частицей *-а* образовался промиссив (см. п. 163); недавними стяжениями являются формы *-м'ё* и *-м'ён*, *-м'ёнсё*, восходящие к *м + энклитика иё* (от глагола „быть“), *м + иё = ным с'ё* (см. п. 199, 200).

236. *Им* является отглагольным именем глагола-связки *ида*; начальный гласный *и* может опускаться, если связка следует за именем, кончающимся на гласный.

Формы *подам*, наряду с *пода*, *пунхэм*, наряду с *пунхө*, и некоторые другие отглагольные слова следует трактовать как подобного рода стяжения. Ср. *кызем* из *кыре хам*.

237. После глагольного имени на *-м* может быть присоединено *чйк* (*чык*) (мера, размер; ср. турецк. *şaq* — мера, монг. *şagla-ši-ügei* — неизмеримый) с последующим *хада*: *помджык хада* (стоит посмотреть, вполне пригодно для того, чтобы смотреть); *мөгымджык хада* (съедобно); как видим, значение оборота то же или почти то же, что и оборота „причастие будущего времени $\frac{1}{2}$ *ман* $\frac{1}{2}$ *хада*“: *пол ман хада*, *мөгыл ман хада*. Часто употребляется следующий вариант рассмотренной конструкции: *пэмджык хада*, *мөгөмджык хада*; этот вариант не имеет особого оттенка значения. *Поам* и *мөгөм* являются сокращениями *поа им*, *мөгө им*.

238. Глагольное имя на *-м* может употребляться также в сложносоставных словах: *мидым* (вера) и *мидымджа* (верующий); *пом* (смотрение) и *помил* (поручение).

Глагольное имя на *-м* часто употребляется как объект к тому глаголу, от которого оно произведено: *чам чада* (спать сон > спать), *ккум ккуда* (видеть сон), *сарьм сада* (жить жизнь > жить), *норым нода* (играть игру > играть), *корым кода* (нарывать) и т. д.

Многие имена подобного рода восходят к ныне не существующим глаголам: *арым* (охапка; ср. маньчж. *aiimbü* — принимать, турецк. *aişaq* — брать), *пэгим* (следующий; ср. турецк. *iki* — два).

Слова типа *чипрымак* тоже содержат в себе *м*, осложненное древним именным суффиксом *-ак*, *-өк* и, таким образом, увязываются с глаголом *ччарыда* (быть коротким).

239. 3) Глагольное имя на *-и*. Глагольное имя на *-и* функционирует и как существительное и как наречие.

Как имя существительное оно образуется и от активных глаголов и от глаголов качества: *нõлда* (играть) > *нõри* или *нõрым* (игра); *тылда* (входить) > *тыри* (вход); *тыри хада* (входить); *мõлда* (тащить, тянуть) > *мõри* (тяга), *мал мõриккун* (погонщик лошади, кучер); *кõтта* (шагать) > *кõри* (улица); *чапта* (ловить, хватать) > *чаби* (ручка, ловля), *коги чабиккун* (рыболов); *нопта* (высокий) > *нопхи* (высота); *кипта* (глубокий) > *кипхи* (глубина, глубоко); *тарыда* (отличаться) > *тарым* (разница, отличие; также *тари*); *килда* (длинный) > *кири* (длина), *кирым*, *кирõк*, *кирõкчи* (длина), *кхогири* (слон, *кхо* — нос); *кхыда* (большой) > *кхый* (высота, рост); *панпуда* (спешить) > *панпи* (быстро); *свипта* (легкий) > *сви* (старое *севи* — легко); *мугõпта* (трудный) > *муге* (старое *мугõви* — тяжесть, вес); *пурõпта* (завидный) > *пурõвõ хада* (завидовать), *пуре* (зависть, алчность) и т. д.

240. Бесспорно, что наречия на *-и*, если они произведены от глагола, являются не чем иным, как теми же глагольными именами на *-и*. Качественные глаголы с конечным *хада* образуют это наречие на *-хи*: *ка хада* (возможный) > *кахи* (можно); *кадык хада* (полный) > *кадыкхи* (полно); *кырõ хада* (такой) > *кыри* (так); **õтта* (какой) > *õтчи* (как); *каман хада* (тихий) > *каманхи* (тихо); *пуджырõн хада* (прилежный) > *пуджырõнхи* (прилежно) и т. д.

-яхи > *-ни*. Надо заметить, что сочетание *нхи* обычно произносится и даже пишется без *х*, то есть как *ни*. Отсюда ясно, почему часто встречаем наречия, которые на первый взгляд оканчиваются на *ни* (*камани*, *пуджырõни* и т. д.). В действительности же, поскольку исходный глагол имеет *н*, относящееся к основе-корню, минное *ни* разлагается на *н + и*. Ср. аналогичное исчезновение *и* в наречиях типа *мани* наряду с *манхи* (много) от глагола *мантха* (многочисленный; восходит к *ман хьда*).

Наконец, отметим еще наречие *õпси* в значении нашего предлога „без“; от глагола *õпта* — не быть; основа *õпс-*.

241. Следует заметить, что наряду с отглагольными наречиями на *-и* наречное значение может иметь и деепричастие будущего времени на *-ке*; разница в значении между этими двумя образованиями ощущается явно: *сэ-га нопхи наратта* (птица летела высоко), но *сэ-га нопке наратта* (птица взлетела высоко); *манхи мөгэтта* (много съел), но *манкхе мөгэтта* (съел, поел порядком); *кхыге мар ханда* (разговаривают громко); *талли* (различным образом), но *тарыге* (с различным результатом); *наму ппурэги кипхи тырөгассо* (корни дерева ушли глубоко в землю), но *мактэ-рыл тта-е кипке тырөгсо* (я воткнул мою трость глубоко в землю). Бесспорно, что разница в употреблении этих наречий существует, несмотря на ряд исключений; именно поэтому мы и находим такие пары, как *качхи* и *какке* (подобно); *ппалли* и *ппарыге* (быстро); *паппи* и *паппуге* (быстро, живо); *сви* и *сви́нке* (легко); *өр'өи* и *өр'өпке* (с трудом); *наппи* и *наппыге* (плохо); *кеылли* и *кеырыге* (лениво); *тымური* и *тымуге* (редко); *кахи* и *кахаге* (можно); *кадыкхи* и *кадык хаге* (полно) и т. д.

242. 4) Глагольные существительные на *-о*, *-у*. Производные имена на *-о* (после основ на *о* и *а*) и *-у* (после основ на любой гласный, кроме *а* и *о*), как кажется, восходят во многих случаях к образованиям с суффиксом *-ак*, *-өг*, в которых конечный согласный развился в гласный, как в слове *намо* (дерево; из *на́мйг*; ср. *намаксин* — деревянная обувь). Подобного рода имена, образованные от некоторых глаголов, имеют вполне конкретное значение: *каро* (мука), сев.-кор. *карг-и* от глагола *калда* (молоть, размельчать, превращать в порошок, в муку); *чаро* (ручка), сев.-кор. *царг-и* от глагола *чалда*. Многие слова этого типа ныне употребляются либо как прилагательные, либо как наречия: *модта* (собирать) > *модо* (все), *то-моджи* (все вместе); *чатта* (быть частым) > *чаджо* (часто); **ач-* (открывать) > *аджо* (вполне); *матта* (встречать) > *маджо* (напротив); *нөмда* (оставаться) > *нөму* (очень); *турыда* (окружать) > *туру* (вокруг); *мэпта* (горький) > *мэу* (очень); *к'өупта* (неспокойный к) > *к'өу*, *к'еу* (едва, с трудом; ср. гольдское

кеуке — нет, вероятно нет, едва ли); *парыда* (прямой) > *паро* (прямо); *ттарыда* (отличаться, быть другим) > *ттаро* (отлично); *кочхиди* (быть перпендикулярным) > *кочхо*, *кочху* (перпендикулярно) и т. д.

Вторичные глагольные основы

243. От первичных глаголов могут быть образованы различного рода производные глаголы, которые выражают транзитивность, пассивность, начинательность. Некоторые формы таких вторичных глаголов столь часто используются для выражения учтивости, что ныне входят в парадигму первичного глагола. Наиболее употребительными производными формами являются:

1) -б-, суффикс, имевший первоначально пассивное значение; вариантом его является -бу-, -бы-;

первичная основа *ус-*: *утта* (смеяться; прош. вр. *усөттә* — смеялся), *усым* (*уым*) (смех); вторичная основа **усып-* в глаголе *усытта* (смешной; прош. вр. — *усыөттә*);

первичная основа **кис-* (счастливый); вторичная — *киппу-* (*киппы-*) (рад), *киккөптә* (восходит к *киспу-*, *кискөб-*) (счастливый, радостный), *киккөвөттә* (был счастливым, был рад), *киккөүм* (счастье), *киккөүм* (счастливый);

первичная основа *мит-*: *митта* (верить; *мидөттә* — верил), *мидым* (вера); вторичная основа *мидып-*, откуда *мидытта*, *миппуда* (достоверный, заслуживающий доверия), *миппум* (достоверность);

первичная основа *сөрх-* (чувствовать печаль), *сөрхым* (печаль); *сөлтә* (|| *сөлтхө* или *сөлвө* || *сөлтхын* — заслуживающий сожаления);

первичная основа *алх-* (вызывать боль, иметь боль); *ар(х)и*, *архым* (боль); вторичная основа **алпх-*: *апхуда*, *апха*, *апхун* (больно), *апхым* (боль);

первичная основа *нәч-* (низкий); вторичная основа *нәппыда*, *нәппуда* (плохой, подлый).

Вторичный глагол *наппуда* (|| *наппа* || *наппун*) (спешить, быть занятым), *наппум*, *наппи* (спешно); произведен от первичной основы **нас-* (ср. турецк. *bas* — давать) и кор. **насчак* > *натчак* (плотно, туго).

244. Вторичные глаголы этого типа, например, *ипта*, *исипта*, *хапта*, *мөгипта* и т. д., не употребляются в декларативной форме; деепричастия прошедшего времени этих глаголов (**ивө*, **исивө*, **хйва*, **мөгывө*) развились в *ио* (*иу*), *иссо* (*иссу*), *хао*, *мөгыю* (сев.-кор. *мөгыу*) и вошли в спряжение первичных глаголов как их вежливые, учтивые формы; как таковые они употребляются в той же функции, что и декларативные, волятивные и вопросительные формы.

Легко понять, почему пассив более вежлив, нежели действительный залог.

Кроме деепричастия на *-о*, широко употребительны причастия; более учтиво сказать *хаор ида*, нежели *хар ида*; *хаон ида*, нежели *хан ида*; *хамнан ида*, нежели *ханан ида*. *Хамнан ида* соответствует литературному *хамнаида*, которое произносится *хамнэда*; *хамнан и ида* дало *хамнида* в значении „говорит, делает“. Таким образом, большинство учтивых выражений восходит к пассиву на *-б*.

Но дело не ограничивается только пассивными основами. Для выражения учтивости используются также и другие основы. Таковыми являются *-сй-* (*-сы-*) и *-си-* (см. ниже).

245. Особо должны быть отмечены глаголы с окончаниями *-көпта*, *-ропта*; будучи по значению качественными словами, они являются по своему происхождению пассивными формами от древних глаголов на *-к-* (*-ки-*, *-кэ-*) и *-рй-* (или *-р-*, *-л-*).

Например: *киккөпта* (рад), *киккөум* (сев.-кор. *киккэбум* — радость), *кикке* (сев.-кор. *киккэби* — с радостью, радостно); ср. *киптуда* (рад) и первичную основу **кис*, встречаемую в старых памятниках; *мүгөпта* (тяжелый), *мүгөум* (тяжесть), *мүге* (вес; восходит к *мүгэви*, сев.-кор. *мүгэби*), ср. *мусик хада* (тяжелый); *чылгөпта* (радостный), *чылгөвө хада* (радоваться) из *чылгида* (радоваться); *пангапта*, *пангида* (счастливый).

Окончания *-ропта*, *-рөпта* присоединяются к именам существительным: *хэ* (вред), *хэропта* (вредный); *сэ* (новый), *сэропта* (быть новым); *ө* (одинокий, единственный).

бропта (быть сиротой, быть одиноким) и т. д. Бесспорно, что эти пассивные образования предполагают глагольные основы типа *хэ́рә-*, *сэ́рә-*, *о́рә-* или что-либо в этом роде, поскольку качественные глаголы типа *хэропта*, *сэропта* предполагают в качестве предшествующей ступени отымённый глагол, а не само имя существительное.

246. 2) *-нә-*, *-ны-*. Этот суффикс, образующий вторичную основу, является тождественным весьма древнему суффиксу **-ну-*, **-ны-* с начинательным значением. Некогда существовал глагол *ха́да* (быть большим), остатки которого прослеживаются в таких словах, как *хар-аби* (дедушка), *халми*, *хар-әми* (бабушка) и во многих других старых сложносоставных словах; от этого же глагола было произведено имя существительное *ха́нал* (небо; дословно: распространяющееся). Кроме того, многие весьма употребительные качественные глаголы, которые, как было сказано выше, не имеют причастия настоящего времени, тем не менее имеют формально тождественные окончания, которые можно понять как причастия прошедшего времени от вторичного глагола с суффиксом *-на-*: *кхы́да* (быть большим), *кхын* (большой), *кхы́нада* (стать, становиться большим), *кхынн* (становящийся большим); *ки́лда* (быть длинным), *кин* (длинный), *ки́нада* (тянуться, распространяться), *кинн* (становящийся длинным). В старых памятниках можно найти много указаний на существование в прошлом подобного рода вторичных глаголов; например: *инсэ́нзә йә́хым иә́ модоми иннада* (в жизни человека если есть (бывает) разлука, то будет и встреча). Здесь *иннада* является таким вторичным глаголом с суффиксом *-на-* в значении „быть, быть в будущем“.

В сущности говоря, окончание причастия настоящего времени *-нын-* или *-нән-* этимологически является не чем иным, как соединением суффикса вторичного глагола *-нә-* с причастием прошедшего времени.

В связи с этим стоит и повелительное наклонение неправильного типа с суффиксом *-нә́*, *-нә́ә*: *о́нә́ра*, *о́нә́ра* (иди сюда!).

247. От вторичного глагола с суффиксом *-нй-* может быть образована пассивная основа наращением *-б-*: *-нйб-*; этого рода образование ныне непродуктивно; пережитки его весьма незначительны. Таковым является причастие прошедшего времени на *-нён-* (в старом написании, отражающем этимологию, *-нйбун-*, *-нйон-*), которое при некоторых глаголах до сих пор употребляется с последующим именем *-и*, то есть в форме, которую мы выше называли деепричастием (пред)посылки: *нэ-га паранёни* (я бы смел надеяться). Деепричастие прошедшего времени от этого суффикса может употребляться в качестве заключительной формы предложения при условии, что оно сопровождается частицей *-ра*: *осиги-рыл паранёра* (я питаю надежду на то, что вы соизволите прийти). Окончания *-нёни*, *-нёра* еще до сих пор широко употребляются в эпистолярном стиле корейского языка (вместо более ранних *-наон-и* и *-нао-ра*). В разговорном языке они, повидимому, не употребляются вовсе.

248. 3) *-сй-*, *-сы-*. Трудно сказать, какой дополнительный оттенок вносил этот суффикс в первоначальное значение глагола. Одно ясно: уже весьма давно он употребляется для выражения учтивости: *кйрэдэ* (он говорит), *кйрйсэдэ* (он изводит говорить); *хао* или *хасо* (восходит к *хáva* или *хйсáva* — делает, говорит). Этот суффикс вскрывается в таком слове, как *мутчйпта* (изволить спрашивать; из **мут-са-б-*) от глагола *мутта* (|| *мурө* — спрашивать). Образования с суффиксом *-сй-*, *-сы-* употреблялись одно время чаще всего при глаголах качественного типа: *кипта* (быть глубоким), но *кипхыо* (восходит к *кипхывө*) или *кипсо* (восходит к *кипсывө*), сев.-кор. *кипсу* (глубок). Из двух возможных вариантов, *кипхыо* || *кипсо*, *мөгыю* || *мөксо*, второй вариант, видимо, возобладал над первым. Ныне, как правило, эти формы учтивости образуются посредством окончания *-о* после гласной основы и посредством окончания *-со* после согласной основы: *пэо*, *хао*, *ио*, *чуо* и т. д., но *мөксо*, *тыссо*, *кипсо*, *чипсо*, *пуксо* и т. д.; формы *посо*, *хасо*, *псо*, *чусо* редки в разговорном языке, а формы типа *мө-*

зью, тырю, кипхью, чабью, пулгью уступили место формам типа *мөксо, тыссо* и т. д.

249. 4) *-си-*. Это окончание, возможно, представляет собой фактивтив на *-и* от рассмотренного выше окончания *-сй-, -сы-*; ныне оно имеет значение „изволить (делать то-то и то-то)“. Учтивые формы, рассмотренные до сих пор, употребляются, как правило, в присутствии того лица, к которому относятся по тем или иным причинам с уважением; при этом не принимается во внимание, кто или что является субъектом предложения. Наоборот, основы на *-си-* употребляются в том случае, когда речь идет о действии того лица, к которому по тем или иным причинам относятся с уважением. Например: *оги* (приход, прибытие), *осиги* (соизволение прибыть, прийти — о действии уважаемого лица); *нэ-га вассо* (я пришел), *чө огессо* (он придет), *өрүсинне-га осөссо* (мой отец пришел), *осигессо* (он придет), *өрүнне* (старый человек), *өрүсинне* (уважаемый, старый человек, мой отец), *өрүнне-да* (да вместо *ида*) (это мой отец), *өрүсинне-сида* (это мой (уважаемый) отец).

Подобного рода вторичные формы можно образовать от любого глагола. В некоторых грамматиках *-си-* определяется как „инфикс“ для выражения учтивости. Но корейский язык вообще не имеет инфиксов; на самом деле различие между, например, *өрүнне-да* и *өрүсинне-сида*, *хада* и *хасида*, *мөкта* и *мөксиди*, *хан* и *хасин*, *ин* и *исин* и т. д. зависит от существования в языке указанного выше старого типа так называемых вторичных глаголов.

В Южной Корее женщины вместо таких форм, как *мөксо* (ест), *хао* (делает), очень часто используют такие формы, как *мөкс'о*, *хас'о* и т. д., которые представляют собой явное сокращение *мөксио*, *хасио* и т. д. Подобного рода формы употребляются при обращении к мужчине; они содержат в себе вежливое „вы“ как указание на исполнителя действия.

250. В рассмотренных выше формах, названных нами бенедиктивом (просьба, мольба), встречается сочетание

суффикса *-си-* с суффиксом пассива *-б-*: *пэксөнъ-ы.л пх'өнъан хаге хас'ос'ө* (о дай мир твоему народу!). Здесь исходной формой является деепричастие прошедшего времени от основы на *-си-б-*, осложненной окончанием *с'ө*. Вместо *-сиосө*, как наиболее вежливой формы обращения, можно употребить оптатив от той же основы: *п'өнъан хаге хасипсе* (даруй нам мир!), *чуопсипсе* (дайте, даруйте!).

251. В корейском языке очень распространены сложные формы учтивости, которые представляют собой простое скопление более элементарных форм: (от *чуда* — давать) *чусида*, **чупта*, **чуопта* (раньше *чусайта*), *чупсида*, *чуопсида* и **чуопситта*.

252. Производная от глагола *ида* вторичная основа *исида* избежала общей для всего языка тенденции к использованию вторичной основы этого рода для выражения учтивости и сохранилась в виде *итта* || *иссө* || *иссын* (наряду со старыми формами *ис'ө*, *исин*, *иссин*) как нейтральный глагол. Старое деепричастие *ис'ө* употреблялось как своего рода знак разделения предложения на более мелкие отрезки (сочиненного типа); потеряв начальный гласный, то есть превратившись в *с'ө* > *сө*, это деепричастие приняло на себя функцию эссивной частицы. Эта частица рассматривалась выше, при объяснении именной парадигмы (*чиб-е* — в доме, *чиб-есө* — из дома, *сарам-ыро* — к человеку, *сарам-ыросө* — что касается человека, *сөул* — столица, *сөул-сө* — из столицы), а также в главе о деепричастиях, где указывалось на то, что деепричастия настоящего времени (*-ко*), прошедшего (*-а*, *-ө*) и условные (*-м'өн*) очень часто могут сопровождаться этой частицей эссива.

В вежливой речи глагол *итта* заменяется глаголом *кесида* (пишется *к'өисида*), который восходит к *к'өи* *исида* со значением „жить, оставаться, существовать“.

253. Слово *сири*, которое употребляется после деепричастия будущего времени (*хаге сири*), является одной из старых форм глагола *исида*.

ФАКТИТИВ

254. Мы подразделили все корейские глаголы на два класса: глаголы действия и глаголы качественные. От каждого из этих классов может быть образована вторичная основа, которую мы назовем фактитивом. Если глагол является качественным, как, например, *марыда* (сухой), *мөлда* (далекий), *тепта* (теплый), то фактитив имеет значение переходности, короче говоря, он превращает качественный глагол в переходный глагол действия: *маллида* (сушить), *мөллида* (делать далеким, увеличивать расстояние), *теда* (из **теьда*) (подогревать) и т. д. Если же глагол имеет переходное значение, то фактитив выражает либо побуждение, либо пассивность. Эндервуд утверждает в своей грамматике, как, впрочем, и другие авторы корейских грамматик, что корейский глагол имеет три залога: активный, побудительный и страдательный. Но поскольку между пассивом и каузативом в действительности нет ни грамматической, ни фонетической разницы, постольку пассив и каузатив фактически являются одним и тем же залогом, хотя этот один залог и может переводиться двояко: *нода* — смотреть (активный глагол), но *нойда* — показывать (каузатив) и показываться, виднеться (пассив).

Что касается окончаний, то здесь господствует странная неустойчивость; все же можно, пожалуй, выделить три различных суффикса:

- 1) *-и-*, *-гк-*, *-хи-*,
- 2) *-у-*, *-гу-*, *-ху-*,
- 3) *-чхи-* (восходит к *-тхи-*), сев.-кор. *-тхи-*.

255. Выходит, таким образом, что фактитив должен усваиваться в каждом случае особо как в отношении смысла, так и в отношении формы. Все же, как правило, фактитив от глаголов с гласным в исходе основы образуется с помощью суффикса *-у-*, а от глаголов с согласным в исходе основы с помощью суффикса *-и-*. Многие глаголы исторически являются такими фактитивами на *-и-* без соответствующего ему активного глагола без *-и-*: *кидарьда*, сев.-кор. *кидарьгуда* (ждать), *пәри да*

(отпустить, бросить), *сугида* (опустить голову, поникнуть головой), *кытчихида* (кончать; ср. *ккыт* — конец).

Некоторые примеры:

А. Глаголы с основой на гласный

Фактитив

пода — смотреть

поида, пѳда — показывать, быть видным

сѳда — стоять

пѳида, пѳуда — показывать

нада — выходить

седа, сеуда — ставить

пхида — цвести

нѳда (из *наида*) — выпускать

ссыда — употреблять, писать

пхиуда, пхиинда — дать расцвести

оруда — подниматься

ссыуда — заставлять трагитить, диктовать

пурыда — звать

оллида — поднимать

хырыда — течь

пуллида — быть позванным

мурыда — мягкий

хыллида — заставлять

течь, выливать
муллида — размягчать (например, пищу путем варки)

Б. Глаголы с основой на согласный

Фактитив

алда — знать

аллида, сев.-кор. *аргуда* — давать знать, информировать

салда — жить

саллида, сев.-кор. *саргуда* — спасать

пилда — просить, занимать

пиллида — давать в долг

мулда — кусать

муллида — быть укушенным

ѳлда — замерзать

ѳллида, ѳлгуда — замораживать

нѳлда — широкий

нѳллида — расширять

тылда — входить

тырида — преподносить

тхылда — крутить

тыпта — слушать

татта — бежать

көттә — идти пешком,
шагать

ноттха — отпускать

кылтха — кипеть, варить-
ся

төптә — теплый

каккапта — близкий

чопта — узкий

ссөкта — гнить

нокта — таять

мөкта — есть

лапта — получать

утта — смеяться

сситта — мыть

нопта — высокий

нөлптә — широкий

антта — сидеть

синда — обуваться

кулмда — голодный

олмда — перемещаться с
одного места на другое

пөттә — раздеваться

чапта — схватить, пой-
мать

копта — быть согнутым

плэатта — грабить, отби-
рать

мутта — хоронить, зака-
пывать

тхыллида — быть скру-
ченным

тыллида, тыккида — слы-
шаться, заставлять слу-
шать, рассказывать

таллида — гнать (лошадь)

көллида — вести

нотчхида — позволить уй-
ти

кыллида — варить

теда — подогревать

каккаида — приносить
ближе

чопчхида — делать узким

ссөгидә — гноить

ногидә — растопить

мөгидә — кормить

пачхида — давать

үккида — смешивать

ссиккида — быть вымытым

нопхидә — делать высоким

нэлпхидә — делать широ-
ким

анчхидә — сажать

синьгидә — обувать

кумгидә — оставлять го-
лодным

олгидә — перемещать с од-
ного места на другое

пөккида — раздевать

чапхидә — быть схвачен-
ным, быть пойманным

копчхидә — сгибать

плэаккида — быть ограб-
ленным

мутчхидә — быть похо-
роненным, быть зако-
панным

256. Окончания *-ги-* и *-гу-*, как кажется, с течением времени в процессе развития языка дали *-хи-* и *-ху-*, а *-хи-* и *-ху-*, видимо, потеряли начальное *х*: поскольку суффикс был живым элементом языка, постольку новые варианты появлялись по аналогии. Если у глагола *алда* (знать) имеются такие фактитивы, как *ароида* (< *алейн*) (давать знать, доводить до сведения), *арида*, сев.-кор. *аргуда* и юж.-кор. *аллида* (дать знать), то последние два являются более новыми образованиями, а *ароида* и *арида* — более древними, что подтверждается гольдским глаголом *ало-*, *алоси-* (учить). Не ясно, были ли суффиксы *-(г)и-* и *-(г)у-* двумя различными суффиксами или только двумя вариантами более древнего окончания. С другой стороны, ясно, что сев.-кор. **-тхи-*, употребляемый при образовании фактитива, является древним суффиксом; он соответствует турецкому *-i-*, монгольскому *-i-*, тунгусскому *-ti-*, *-či-*, — окончаниям, выражающим переходное действие.

257. Как было сказано выше (см. деепричастие будущего времени), в корейском языке употребляются описательные обороты: *-ке хада* для выражения каузатива и *-ке тōда* для выражения пассива: *нопта* (быть высоким), *нопхида* или *нопке хада* (делать высоким); *мөкта* (есть), *мөгида* или *мөкке хада* (кормить), *мөгида* или *мөкке тōда* (быть съеденным). Описательные обороты употребляются в том случае, если не ясен способ образования фактитива или когда значение фактитива двусмысленно. От ряда глаголов фактитив больше не употребляется; с другой стороны, есть много глаголов, которые только кажутся фактитивами, являясь на деле отымёнными образованиями: *кугда* (звать) от *кук* (зов сокольного; ср. тунг. *ku-ni-m* — звать свистом).

Прочие отглагольные глаголы

258. В корейском языке есть целая группа глаголов, которые употреблялись только в форме деепричастия прошедшего времени и которые имеют вторичную основу *-ыл-*, *-ыр-*; это окончание, видимо, является знаком

интранзитивности. Такие формы сопровождаются глаголом *чид* (становиться) (сев.-кор. *дида*). Соответствующий транзитив образуется путем замены глагола *чид* глаголом *чхид* (сев.-кор. *тхид* — бить, ударять) или глаголом *тхэрида* (который самостоятельно не употребляется); для этой же цели может использоваться глагольная основа с окончанием *-ри-*, которое, возможно, является фактитивом на *-и-* от вышеуказанной основы на *-ыл-*:

пусө-джида (разбиться), но *пусө-чхид* или *пусө-тхэрида* (разбить); *пусырө-джида* (разбиться), но *пусырө-чхид*, или *пусырө-тхэрида*, или *пусырида* (разбить);

нукта (быть мягким), *нугө-джида* или *нугырө-джида* (стать мягким), но *нугырө-чхид* или *нугырида* (ср. также *нугида*) (делать мягким, смягчать);

нөлпта (широкий), *нөлбө-джида* или *нөлбырө-джида* (стать широким, распростираться), но *нөлбырө-чхид*, или *нөлбырө-тхэрида*, или *нөлбырида* (делать широким, выравнивать);

өлпта (опрокидывать вверх дном, переворачивать), *өлхө-джида* или *өлхырө-джида* (перевернуться вверх дном, опрокинуться), но *өлчхид* или *өлхырө-чхид*, *өлхырө-тхэрида*, *өлхырида* (опрокинуть), *өлтырө-тхэрида* или *өлтырида* (уронить, бросить вниз);

нөмө-джида, *нөмырө-джида* (упасть, кувырнуться), но *нөмө-чхид*, или *нөмө-тхэрида*, или *нөмырө-тхэрида* (уронить, свалить); ср. *нөмчхид* (переливаться через край);

сукта (наклониться вперед), *сугө-джида* или *сугырө-джида* (потупиться, опустить голову вниз), но *сугида* или *сугырө-тхэрида* (опустить голову);

купта, или *кубө-джида*, или *кубырө-джида* (быть согнутым), но *кубырө-чхид*, или *купхид*, или *купхырида*, или *кубырида* (согнуть);

нйтта (низкий), *наджири нөгида* (смотреть с презрением).

259. Суффикс *-р-* может быть прослежен и в ряде других образований, например в глаголе *пхурыда* (быть зеленым), *пхурын* (зеленый), *пхурырин* (зеленоватый) из

пхул (травя); *кырө хада*, *ирө хада*, *чөрө хада* (быть таким) из местоимений *кы*, *и*, *чө*.

Отымённые глаголы

260. Во многих случаях мы замечаем этимологическую связь между глаголом и именем, когда они в чем-либо сходны по значению. В большинстве случаев при сопоставлении оказывается, что имя короче и, таким образом, видимо, ближе к первообразной форме. Однако часто оказывается не легко объяснить тот элемент, который является суффиксом или детерминативом корня; объяснению не поддается ни его форма, ни его значение.

Вот примеры, иллюстрирующие это:

(суффикс *к*): *мул* (вода), *мулта* (жидкий, водянистый); *пул* (огонь), *пулта* (красный); *ол* (нитка [ткани]), *олкта* (связывать, перевязывать); *пурө-джида* (разбиться), но *пулгө-джида* (разбиться, с элементом *к*); **кул* (ср. турецк. *kür* — жирный, толстый, монг. *kürüji* — толстый, тунг. *kurbö* — распухать), *култа* (толстый);

(суффикс *н*): *нал* (нога), *налнта* (ступать, наступать); *нөлда* (расстилать); *нөлнта* (широкий);

(суффикс *у*): *мул* (вода), *мурыда*, *муруда* (водянистый); *пхул* (травя), *пхуруда* (*пхурулда*) (зеленый);

(суффикс *а*): *чал* (хорошо, достаточно), *чарада* (достаточный), *моджарада* (недостаточный);

(суффикс *и*): *хэ* (день, солнце), *хэйө хада* (быть белым), *хыйда* (быть белым); *пэ* (живот), *пэда* (забеременеть); *ттый* (пояс), *ттыйда* (подпоясываться); *теи* (зад, позади), *твида* (искать, гнаться за); *ча* (*ча* — единица длины), *чэда* (мерить [длину]).

261. Производные слова этого рода унаследованы современным языком с архаических времен; но наряду с этим имеется некоторое число окончаний, которые являются продуктивными и употребляются для образования новых слов:

1) *-ропта*, *-рөпта* (см. п. 245),

2) *-сыропта*, *-сырөпта* — суффиксы, образующие качественные глаголы со значением „достойный“, „склонный к“:

төк (добродетель), *төксырөпта* (добродетельный),
сарам (человек), *сарамсырөпта* (человечный),
сарань (любовь), *сараньсырөпта* (восхитительный;

ср. *сарань хада* — любить),

исань (удивление), *исаньсырөпта* (удивительный),
пулкта (красный), *пулгысырөпта* (красноватый),
хыйда (белый), *хыйсырөпта* (беловатый).

Глаголам на *-сырөпта* соответствуют имена на *-сырөм* (вместо **-сырөум*); такие имена в сочетании с глаголом *хада* служат для выражения качественных понятий с тем же значением: *исаньсырөпта* или *исаньсырөм хада* (удивительный), *пулгысырөпта* или *пулгысырөм хада* (красноватый) и т. д.

262. 3) *-тапта* — окончание со значением „быть похожим“, „быть подобным“, „обладающий качеством, природой“:

сарамдапта (обладающий качествами человека, гуманный),

арань (красота (?), *араньдапта* (красивый),
чинсил (правда), *чинсилдапта* (надежный),
сарань (любовь), *сарандапта* (любезный, милый),
(н)йе (учтивость), *ийедапта* (учтивый).

263. 4) *-хөрида* или *-кйда*. Это окончание встречаем после ономатопозитических (звукоподражательных) слов. Синонимом этого окончания является *-тэда*.

264. 5) *-тэда* (вероятно, **-тайида* или, быть может, **танида*). Оба эти окончания безударны. Ономатопозитическое слово, оформленное окончаниями *-хөрида* или *-тэда*, может оформляться также окончанием *хада*; но в этом случае это ономатопозитическое слово удваивается:

сугынъгида, *сугынъгөрида*, *сугынъдэда*, *сугын-сугын хада* (шептать),

суктөгидда, *суктөгөрида*, *суктөктэда*, *суктөк-суктөк хада* (говорить по секрету, говорить на ухо),

пхалланъгида, пхалланъгерида, пхалланъдэда, пхалланъ-пхалланъ хада (колыхаться, развеиваться),

пхуллөнъгида, пхуллөнъгерида, пхуллөнъдэда, пхуллөнъ-пхуллөнъ хада (развеиваться),

чөбөгида, чөбөгерида, чөбөктэда, чөбөк-чөбөк хада (скрипеть),

тылкхынгида, тылкхынгерида, тылкхындэда, тылкхын-тылкхын хада (злить),

чалгынгида, чалгынгерида, чалгындэда, чалгын-чалгын хада (громко грызть),

ччалккаккида, ччалккаккерида, ччалккакктэда, ччалккак-ччалккак хада (хлопать, шлепать) и т. д.

О специфическом употреблении некоторых глаголов

265. Ниже приводится ряд глаголов, которые представляют некоторые особенности либо в отношении формы, либо в отношении некоторых неожиданных оттенков в их значении.

Первыми среди них надо упомянуть *ида* (быть), *исида* (быть) и *хада* (делать, говорить, быть); эти глаголы употребляются столь часто, что имеют полное право быть названы вспомогательными.

266. 1) *ида*. Как уже говорилось выше (см. п. 193, 223), первоначально краткий гласный основы этого глагола часто опускается после предшествующего гласного другого слова. Это создает впечатление спрягаемости того имени существительного, к которому присоединяется такой глагол, поскольку после выпадения гласного *и* от вспомогательного глагола фактически остается только одно окончание: *со-да* (это бык; от *со* — бык, корова), *со-де, со-дэра* (это была корова, это был вол), *со-дөн горо* (так как это был вол [корова]), *со-дөн-джи мар идөн-джи* (бык это или конь...); *со-м'өн* (если это бык [корова]), *со-да га* (поскольку это вол); *сарам-но* (это человек); *мөкке йо* (это следует кушать), *мөкчи-о* (я думаю, что он ест; из *мөкчи-но*), *мөгө йо* (ест), *ка-йо* (идет; *йо* из *но* — есть).

Эта способность глагола *ида* терять основной элемент *и*, то есть сам корень глагола, и изменять его в *й* является одной из специфических черт корейского языка, которая не всегда правильно понимается. Кроме того, и это также надо иметь в виду, окончание *-ке*, если за ним следует *ин*, *идə*, сливается с ним в одно окончание *-кəн*, *-хəдə*; *мөктə-н поп* (каша, которую я было ел), *мөккəдəн* (если бы я ел), *мөккəн поп* (каша, которую предназначалось съесть).

267. 2) *итта*. Этот глагол в сочетании с деепричастиями прошедшего и будущего времени служит для образования сложных времен; он точно так же может терять свой гласный *и*: *итта* (быть), *иссə-тта* (был), *икке-тта* (будет), *икке-ссə-тта* (должно быть, был) и т. д. Утеря гласного *и* имеет место и тогда, когда *итта* оказывается безударным: *орэ-тта* или *орэ-ссо* (это было давно). См. также частицу *-сə* или *-с'ə* вместо первоначального *ис'ə* (см. п. 252), частицу *сир* после деепричастия будущего времени (см. п. 253).

268. 3) *хйда*. Это один из наиболее употребительных глаголов; он, как это ни странно, употребляется и в активном и в пассивном значении и как глагол действия и как глагол качества. Перевод его „делать“ не охватывает всех его значений. Подобно его фонетическим эквивалентам в маньчжурском (*se-nibi* — делать, значить), японском (*суру* — делать, говорить, быть; ср. корейское *мар хйда* < **мал сйда* с *малсəм* < **мал сəм* — слово, высказывание), он является глаголом с самым широким значением, так сказать, глаголом глаголов. После имен существительных он служит для образования качественных глаголов или, если имеется в виду активное значение, транзитивных глаголов. В первом случае он имеет значение „быть“, во втором случае он означает „делать“. В последнем случае имя существительное может оформляться винительным падежом, если имеется в виду не объект вообще, а определенный, специфический объект. При деепричастии прошедшего времени качественных глаголов *хада* означает — считать что-либо чем-либо:

чоха хада (считать это хорошим, одобрять), *акхайѳ хада* (считать плохим, не одобрять); ср. также *ккаматха* (быть черным-черным) из *ккама хада*. После деепричастия будущего времени *хада* означает „делать, заставлять“: *чокхе хада* (делать хорошим, улучшать), *мөкке хада* (кормить). Присоединение *хада* к *ман* (мера, размер, количество) дает *ман хада*, ныне *мантха* (многочисленный); есть целый ряд глаголов, которые, как кажется, являются сокращением сочетания „имя + *хада*“. Сочетание отрицательных частиц *мот* (не; с оттенком потенциальности) и *ани*, *ани* (не) с *хада*, то есть *мот хада*, *ани хада*, употребляется как средство выражения отрицания: *мөкчи мот ханда* (я не ем), *мөкчи ани хада* (я не хочу есть); ср. иные образования с тем же значением: *мот мөнгьнында*, *ани мөнгьнында*. Сочетание *ани хада* часто сокращается в *антха*, *ани хадѳ* — в *антхѳ*, *ани хаго* — в *анкхо*, *ани хаге* — в *анкхе*; ср., однако, иной тип сокращения: *ани хан* — в *анин*, *ани хайѳ* — в *анэи* и т. д. Так как звук *х* является слабым, если только он вообще произносится, то основа глагола *хада* часто исчезает вообще; остаются одни окончания, в частности, во всех случаях там, где предшествующим гласным оказывается долгое *а* или *о*. Такое сокращение обычно в том случае, когда *хада* следует за другим глаголом и означает „говорить, думать, значить“, или когда он является эквивалентом *мар хада* (говорить; *мал* — слово, высказывание, речь): *мөгылла хада* или *мөгыллада* (собираться поесть), *мөгыра хада* или *мөгырада* (сказать: ешь; сказать, чтобы он ел), *мөгыма хада* или *мөгымада* (обещать есть), *мөгыма хаджи ани хада*, или сокращенно *мөгымаджантха* (не обещать есть), *мөкча хада* или *мөкчада* (сказать: давай есть) и т. д.; *кырѳ хада* (быть так), *кырѳхан*, или сокращенно *кырѳн* (такой); *ѳттѳ хада*, *ѳттѳ хан*, или сокращенно *ѳттѳн* (какой).

В ряде случаев трудно решить, какой глагол, *хада* или *иди*, входит в состав сокращенной формы; так *подѳи* может быть сокращением и *пода им* и *пода хам*; то же самое относится к *пунтхѳи* (из), *чхѳрѳи* (подобно).

Если из вышеприведенных глаголов могут быть названы вспомогательными, то глаголы, о которых пойдет

речь ниже, можно было бы назвать модифицирующими. Многие из них употребляются для выражения особых сторон, оттенков действия. Мы перечисляем только некоторые из них, не претендуя на полноту или точность изложения.

269. 4) *чида*(*джида*), сев.-кор. *тида*(*дида*) (становиться). Этот глагол употребляется после имен и особенно часто после деепричастия прошедшего времени глаголов; он служит для выражения начинательности или интранзитивности. Нередко производящий глагол отсутствует, сохранившись только в составе производного глагола: *чаппа джида* (упасть на спину), *ттөрө джида* (упасть), *пурө джида* (сломаться). Исходными формами должны были бы быть **чаппыда*, **ттөлда*, *путта* (или *пулда*?). От непереходных глаголов с помощью *чида* образуется глагол со значением „все более и более“.

<i>чөлмда</i> — быть молодым	<i>чөлмө джида</i> — становиться молодым, молодеть
<i>пукта</i> — быть красным	<i>пулгө джида</i> — становиться красным, краснеть
<i>өдупта</i> — быть темным	<i>өдүвө джида</i> — становиться темным, темнеть
<i>салмда</i> — варить	<i>салма джида</i> — свариться, поспевать
<i>ккөкта</i> — ломать	<i>ккөккө джида</i> — ломаться, стать сломанным
<i>өпта</i> — опрокидывать	<i>өлхө джида</i> — опрокинуться

От вспомогательного глагола *чида* может быть образована форма *джө*, которая в сочетании с *хада* (*джө хада*) служит для выражения желания: „желать, чтобы нечто стало тем-то и тем-то“. Иногда находим от этого же глагола косвенный императив *чира* > *джира* (да будет!), который употребляется после деепричастия прошедшего времени основного глагола. Возможно также, особенно в старом языке, сочетание *джө ида*.

Пх'өнган хан код-есө свийө джө ида (молю, чтобы он отдохнул в этом мирном месте), *ёнъх ин вйвөн-и т'ийө джө ида* (я хотел бы быть хорошим доктором), *мөкко*

джә хая талла го хайәссо (я захотел есть и сказал, чтобы мне дали).

Деепричастие настоящего времени *чиго* от глагола *чиди* после деепричастия настоящего времени основного глагола служит для выражения сильного желания, направленного на объект, обладание которым либо невозможно, либо сопряжено с исключительными трудностями: *к'өнъсанъ камса хаго джиги* (ох, как бы я хотел быть губернатором Кёнсандо!); *ёнъми понътханъ мөкко джиги* (о, как бы я хотел отведать мяса дракона и супа из феникса!).

270. 5) *чхиди* и *тхәриди*. Оба глагола имеют одно и то же значение. Они превращают непереходный глагол в переходный. В некоторых случаях глагол *чхиди*, видимо, тождествен глаголу *чхиди* со значением „бить, ударять“; в других случаях усматривается некоторая связь с окончанием фактитива *чхиди*. Весьма возможно, что *чхиди* (сев.-кор. *тхиди*) и *тхәриди* являются такими же вариантами, как и окончания *-кәриди*, *-киди* или *-пуриди* и *-пуди*. Где *чиди* образует непереходный глагол, там *тхәриди* и *чхиди* после деепричастия прошедшего времени образуют соответствующий переходный глагол.

Непереходный

ппади — упасть в воду
ппаджиди — утонуть
нөмөджиди — упасть
пусөджиди — сломаться

Переходный

ппачхиди — утопить, погружать в воду (*ппатхәриди* — с тем же значением)
нөмөтхәриди — уронить
пусөтхәриди — разбить

Глагол *чхиди* (бить, ударять) может иметь при себе объект — имя существительное; значение *чхиди* в этом случае столь разнообразно, что не поддается определению; точно так же невозможно дать правила, в каком случае нужно употреблять это сочетание: *пхунъ* (ветер), но *пхунъ чхиди* (преувеличивать); *талк* (курица), но *талк чхиди* (держат кур; дословно: бить кур); *че чхиди* (просеивать).

271. 6) када (идти). Этот глагол употребляется для выражения нарастающего или продолжающегося действия, которое выражается в предшествующем глаголе. После глаголов движения *када* является плеоназм: *писсада* (дорогой), *писса гада* (дорожать; все дорожать и дорожать); *пэхода* (учиться), *пэхва гада* (продолжать учиться); *нада* (выходить), *на гада* (выходить); *толда* (поворачиваться), *тора гада* (вернуться; вежливо: скончаться; еще более вежливым оборотом будет: *тора гасида*); *хади* (делать), *хайё гада* (продолжать делать).

7) ода (приходить). Этот глагол употребляется иногда в значении „становиться“; он указывает также на то, что действие приближается к говорящему. Глаголы *када* и *ода* служат для уточнения направления движения: *нагсда* (выходить [отсюда]), но *на ода* (выходит [сюда]), *каджэ гада* (приносить [туда]), уносить, но *каджэ ода* (приносить [сюда]); *ирё гада*, *ирё ода* (появляться), *чина гада* (проходить [туда, удаляясь от говорящего]), *чина ода* (проходить [сюда, в направлении говорящего]); *тёда* (становиться), но *тёйё гада* или *тёйё ода* (наступать).

В окончании *-тода*, которое употребляется в восклицательных предложениях в том же значении, что и декларативное окончание *-та* (*хадода* или *хада*, *тёдода* или *тёда*), имеем, видимо, не глагол *ода*, но сочетание *та* и *ида*, причем последнее восходит к **еида* (быть). Глагол *ода* тождественен с маньчжурским и тунгусским *ода* (становиться), тогда как корейское *чид* (становиться) тождественно с маньчжурским *-зи-* и гольдским *did-* (приходить).

Примечание: Надо заметить, что там, где мы употребляем глагол „приходить“, кореец часто использует глагол „идти, уходить“; мы говорим: я завтра приду к вам; кореец же говорит: завтра я войду к вам.

272. 8) нада (выходить из), фактив *нэда* (из *нанда*) (вынимать); как вспомогательный, этот глагол соответствует чаще всего значению нашего предлога „вы-“: *канада* (выходить), *нагада* (выходить) *ттёнади* (отправляться из; от глагола *ттыда*), *ирёнада* (вставать), *чинада* (проходить), *понэда* (послать, отправлять).

После имен существительных *нада* имеет значение „образовываться, появляться“: *нок* (ржавчина), *нок нада* > *ноньнада* (заржаветь, стать ржавым); *ттам* (пот), *ттам нада* (потеть); *пул* (огонь), *пул нада* > *пуллада* (загореться); *пул нэда* > *пуллэда* (зажечь); *йөкчөнъ* (гнев), *йөкчөнъ нада* (рассердиться), *йөкчөнъ нэда* (вызвать гнев, рассердить).

Ср. маньчж. *ᡩᠠᡳᠳᠤᠨᠪᠠᠨᠢ* (брать), *ᡩᠠᡳᠳᠠᠨᠪᠠᠨᠢ* (пойти взять), *ᡩᠠᡳᡳᡳᠨᠪᠠᠨᠢ* (прийти взять) и т. д. и тунг. *ičegēn* (видит, смотрит), *iṅaṅaṅ* (идет посмотреть), а также маньчж. *umijaha* (червь), *umijahanambī* (оказаться кишасшим червями), *suihe* (колос [пшеницы]), *suihenembī* (колоситься).

273. 9) *туда* (класть, положить),
 10) *нотха* (отпускать),
 11) *нөтха* (вкладывать, класть в).

Эти три глагола являются перфективными; это значит, что они употребляются для того, чтобы выразить устойчивый результат того действия, которое дано в предшествующем глаголе: *ссыда* (писать), *ссө нотха*, *ссө туда* (записать); *илтха* (потерять), *ирхө нотха* (окончательно потерять); *омгида* (переносить), *омг'ө нотха* (оставить перенесенным).

Выражение *кыман туда* или *коман туда* означает „оставить это так, как оно есть“: *коман тусио* (оставьте это так!).

274. 12) *пода* (смотреть, видеть). Этот глагол, будучи вспомогательным, имеет значение „пробовать, пытаться“: *ка поара* (попробуй пойти; но также: пойди и посмотри!), *ибө поара* (попробуй одеть!), *чхэг-ыл илгө поассымникка* (пробовали ли вы читать эту книгу?).

Глагол *пода* употребляется также в значении качественного слова в смысле „кажется“; в этом случае предшествующий ему основной глагол оформлен вопросительной частицей *-ка* или *-я*: *пи-га онын га пода* (кажется, идет дождь), *пи-га ол ка пода* (кажется, пойдет дождь; боюсь, что пойдет дождь), *ттерөджил ка пода* (боюсь, что он упадет). Очень часто сочетание причастия

на *-нын* с вопросительной частицей *ка* (перед *пода*) сокращается в *на*: *пи-га она пода* вместо *пи-га онын га пода*.

Поа, деепричастие прошедшего времени от глагола *пода*, после вопросительной частицы *ка* сокращается в *ба*; образующееся сочетание *каба* является новой вопросительной частицей с оттенком сомнения: *ол каба* (да придет ли он?), но *ол ка* (придет ли он?).

Наконец, *пода* может употребляться со значением "чем" для выражения сравнения: *и гэт чэ гэт пода чоссо* (это лучше, чем то) (см. "Глагольные послелого", п. 285).

275. 13) *патта* (получать), фактитив *патчихда* (давать). Глагол *патта* употребляется в ряде случаев для выражения того, что действие совершается в интересах самого говорящего (подлежащего): *ссыда* (писать), но *ссө патта* (получить написанное); *капта* (платить), но *кап-ха патта* (получать платеж). После некоторых глаголов с пассивным значением *патта* подчеркивает уже наличную пассивность (получить наказание, то есть быть наказанным).

276. 14) *чуда* (давать) (учтиво: *чунта*, *чуонта*, *чу, сйда*) и *патчихда* (заставить получить, то есть дать) *тырида* (поднимать, предлагать, преподносить). Эти глаголы противоположны по значению рассмотренному выше *патта*. Они употребляются для того, чтобы показать, что действие совершается в интересах другого лица: *пхулда* (освободить, развязывать), *пхурө патта* (получить развязанное), *пхурө чуда* (развязать для другого), *пхурө ноттха* (оставить развязанным), *пхурө джиди* (стать развязанным, оказаться развязанным); *пхурө тхөрида* (сделать развязанным); *мөкта* (кушать, есть), *мөгө чуда* (есть [по желанию другого]); *алда* (знать), *ара чуда* (допускать, признавать), *аллида* (дать знать), *алл'ө чуда* (опубликовать); *тытта* (слушать), *тырө чуда* (выслушивать), *тöпта* (помогать), *тöда чуда* (оказывать помощь) и т. д.

277. 15) *каджиди* (брать, держать). Деепричастие настоящего времени глагола *каджиги* (держа) часто

употребляется в значении русского союза „с“: *пхё-рыл са каджиго тырёгада* (войти, купив билет > войти с купленным билетом).

278. 16) *пёрида*, *пӓрида* и иногда (сокращенно?) *пуда* (бросить прочь); в таком значении этот глагол вряд ли употребляется самостоятельно. Обычно он следует за деепричастием прошедшего времени другого глагола и в этом случае означает „полностью“: *итта* (забыть), *иджётта* (забыл), но *иджө пёрида*, *иджө ппа-рида* (совсем забыть); *илтха* (потерять), *ирхө бөрида*, *ирхө ппурида* (потерять невозвратно).

279. 17) *мөкта* (есть, кушать). Этот глагол употребляется часто в сочетании с именами существительными, переводя их в разряд глаголов: *нӓ* (возраст, год), *нӓ мөкта* (съесть годы > стать старым, состариться); *төви мөкта* (съесть жар > получить солнечный удар); *нэ мөкта* (съесть дым > быть глупым); *ёк мөкта* > *ёнмөкта* (съесть оскорбление > быть оскорбленным).

280. 18) *тӓда* (становиться); после деепричастия будущего времени основного глагола является знаком пассива: *мөкке тӓда* (быть съеденным, стать съеденным). Возможно употребление и с другими глагольными формами.

После имени существительного *тӓда* является своего рода связкой; в этом случае присвязочный член, то есть то имя существительное, которое выражает, во что превращается или чем становится подлежащее, оформляется окончаниями *-и* или *-га*: *и гөс-и чохын гөс-и тӓнда* (это оказывается хорошей вещью), *кы сарам-и пуджа-га тӓйӓтта* (он стал богатым человеком).

281. 19) *синта*, *сибуда* (основа *сиб-*, *сибү-*, *синхы-*) является качественным глаголом со значением „быть приятным“. Он употребляется также в значении „хотеть“. Предшествующий ему глагол обычно имеет форму деепричастия настоящего времени: *мөкко синсо* (хочу есть).

Глагол *синта* часто употребляется после имени су-

шествительного *тыс, тым* (см. п. 225): *ол тым сипта*, или *ол тым хада*, или *ол тыс-ида*, или *ол тым пода* (он, видимо, придет; ср. *ол ка пода* — может быть, он и придет, но, может быть, и нет).

282. 20) *малда* (избегать, остерегаться). Этот глагол после глагольного имени на *-чи* служит для выражения отрицательного повелительного наклонения (запрещение).

Если глагол *малда* повторяет форму предшествующего ему глагола, то он означает „конечно, о чем же еще может быть разговор“: *каго малго* (конечно, он пойдет), *алго малго* (конечно, я знаю [о чем еще может быть разговор]), *ара мара* (конечно, знает); *кырөкхо малго* (конечно, это так). В обыденной речи такое употребление этого глагола весьма распространено. Однако между двумя таким образом „согласованными“ по форме глаголами может быть и отношение контраста, о чем уже говорилось выше, в главе, посвященной форме желательности (дезидератив): *калла го малла го ханда, каллак маллак ханда*.

ПОСЛЕЛОГИ И НАРЕЧИЯ

283. Послелог и многие наречия этимологически являются либо именами, либо определенными формами глагола. Та группа слов, которая названа здесь послелогам, соответствует предлогам европейских языков. Если они тесно примыкают к предшествующему имени, они являются послелогам, если же они тесно примыкают к последующему глаголу, они оказываются наречиями.

Послелог употребляется большей частью для того, чтобы восполнить склонение имени и заменить падежные формы, уточняя их.

Послелог, образованный от имен, названы нами именными послелогам, а образованные от глаголов — глагольными.

ИМЕННЫЕ ПОСЛЕЛОГИ

284. Именные послелог логически находятся в отношении определяемого к предшествующему определению, выраженному именем существительным. Это отношение, однако, не выражено окончанием родительного падежа; два слова, определение и определяемое, соединяются лишь ударением. Послелог фактически безударны. Что касается их формы, то именные послелог имеют именительный, творительный и местный падежи. Во многих словах творительный и местный употребляются параллельно с семантическим различием, диктуемым самими этими падежами.

Наиболее часто употребительными послелогам этого типа, которые соединяются с сильно акцентированным предшествующим именем существительным, являются:

1) *антхе, антхыро* (перед, в присутствии, благодаря, из-за). Например: *абаним антхе мар хайессо* (я сказал это моему отцу), *тоджок антхе чугессо* (он умер из-за

разбойника > он был убит разбойником). Это слово, которое часто пишется *хантхэ* вместо *антхэ*, является местным падежом от основы **антх*, не имеющей именительного падежа. Это **антх* соответствует маньчж. *antu* (перед), тунг. *ant* (юг). Местный падеж его *антхе* употребляется с очень широким диапазоном значений.

2) *анхе*, *анхыро* (*ане*, *аныро*) (в, среди); это местный и творительный падежи от имени *анх*, *ан* (внутренность; также подкладка платья), которое встречаем во многих сложных словах: *анкхан* (внутренняя комната), *анппат* (внутри и вне), *тонган* (в течение), *уран* (двор; от *ул* — плетень, ограда и *ан* [нутро]), *анхэ* (жена), *анхак* (женщина).

3) *анхе*, *анхыро* (раньше *алпхаи*, *алпхэро*) (перед): *сан анхыро ватта* (он пришел сюда этой стороной горы), *сан анхе* (перед горой), *кы анхе* (перед этим, раньше), *чип анхыросө* (перед домом). Основа этого послелoga **алпх* соответствует турецк. *alp* (герой), монг. *albagut* (знать), турецк. *alpaut* с тем же значением.

4) *арэ* (пишется *арай* (низ) употребляется ныне только в именительном падеже: *арэнни* (нижний зуб), *арэе* (на нижней стороне). Этимологически *арэ* является местным падежом имени существительного *ал* (низ), которое находим в таких сложных именах, как *пэал* (желудок), *чибал* (место под домом). Творительный падеж *алло* означает „вниз, книзу“. Этот послелог соответствует турецкому *al* (в), *altın* (под).

5) *уе* (*ухөи*, *ухый*), *уыро* (*ухыро*, *уыру*, *ууру*) из *у* (на, над); встречаются во многих сложных именах: *ус-сарам* (человек высшего класса), *унни* (верхний зуб), *утчөгори* (верхняя одежда, верхнее платье) и т. д. Слово *у* или более ранняя форма его *уэ*, *унь* встречается в *чи-бунь*, *чибу* (крыша) и соответствует тунг. и в *uile* (на, над), *uiski* (вверх), *uig-*, *ugir* (поднимать).

6) *со* (нутро, сердце) и *сок* с тем же значением. Отсюда *сое*, *соге*, *соыро* (в, внутри) как правильные образования от до сих пор существующих имен *со* и *сок*.

7) *ккыт* (конец) часто употребляемое ныне имя существительное; в местном и творительном падеже оно функционирует как послелог в значении „позади, после“.

Оно, видимо, соответствует гольдскому *кыта*, *кытта* (корма).

8) *кат*, *кѳт* встречается в составе сложных слов и означает „наружная сторона“; *паккат*, *паккѳт* (наружная сторона), *кѳт тѳлда* (вывернуть наружу), *кѳт-пор-ан* (по внешнему виду узнать, догадаться, что творится внутри). Местный падеж этого слова *катхе*, а также творительный *катхыро* употребляются как послелог в значении „возле, рядом, около“: *сан катхе* (возле горы). Ср. турецк. *qat* в *qatında* (рядом с), монг. *qaṣar*, *qaṣır* (подбородок).

9) *к'ѳт* (возле, рядом); именительный падеж этого слова не употребителен, если исключить сложные слова; этимологически идентичен слову *к'ѳт* (друг, сторонник, приверженец). Очень часто употребляется местный (*к'ѳтхе*) и творительный (*к'ѳтхыро*) падежи этого имени в значении „возле, около, рядом“: *нэ к'ѳтхе санын сарам* (человек, который живет со мной), *сан к'ѳтхыро* (возле горы), *кань к'ѳтхыро катта* (он пошел к реке).

10) *йѳпхе*, *йѳпхыро* (возле, рядом); видимо, восходит к *йѳп* (бока, ребра): *нэ йѳпх-е санын сарам* (человек, который живет со мной [у меня]); *абаным йѳпх-е сар* (я живу с моим отцом [у моего отца]); *сан йѳпх-е кэчѳни хырында* (ручей течет вдоль горы [у горы, под горою]). Родственными словами, видимо, являются тунг. *ārī* (ребро), монг. *erṣigün* (грудь).

11) *мит* (низ, дно); в дательном и творительном падеже: *митх-е*, *митх-ыро*; в этих формах употребляется со значением „под“: *наму митх-е* (под деревом), *сан митх-е* (под горой, у горы).

12) *тви* (зад); в сложных словах: *теичип* (дом позади); *чиптви* (задняя сторона дома); местн. п. *тви-е*, *түй-е* и твор. п. *тви-ро*, *тви-ыро*, *түй-ыро*, *туу-ру* употребляется как послелог „позади, за“. *Тви* отождествляется с гольдским *dui* (*duile* — за). Раньше *тви* употреблялось также в значении „север“, противопоставляясь *ан* в значении „юг“. *Тви-е* и *анх-е* ныне употребляются большей частью в значении местных послелогов: *мун тви-е* (за дверью), *мун анх-е* (перед дверью), *сан тви-е* (за горою, по ту сторону горы), *сан анх-е* (по эту сторону горы).

перед горой). В других значениях, например временном, возобладали или начинают преимущественно употребляться китайские синонимы указанных выше слов: *ху*, (позади, за, после) и *чэн* (перед, до).

13) *пат* (снаружи); основа **патк*; употребляется в составе сложных слов; как послелог или наречие употребляется только в форме местного падежа: *пакке* (раньше *паткан*) или творительного падежа: *пакк-ыро* (раньше *паткйро*); значения этих падежей весьма многообразны: *чип пакк-ыро кассо* (он вышел из дому, он вышел на улицу), и *пакк-е тарын гес-и мансо* (помимо этого есть много другого), и *мал пакк-е-нын тй пилксо* (за исключением этого слова все остальное ясно); и *пут пакк-е ёлсо* (нет ли у вас перьев помимо этого?); *мун пакк-е* (за дверями); *чогом пакк-е ани кидйр'эссо* (он ждал немного). Во всех значениях, кроме локального, ныне предпочитается китайский синоним *ве* (орфографически *ои* — внешняя сторона): и *ве-йе* (помимо этого, кроме этого).

14) *ккаджи*, *ккөджи*, *ккат*, *ккөт* (до, вплоть до): *иптэ ккаджи* (доныне), *илбон ккаджи* (до Японии, вплоть до Японии), *чөн'өк ккаджи* (до вечера). Первоначально это слово, видимо, имело основу **ккадж*; *ккаджи* является в таком случае древним *casus instructivus* на *и*, а *ккат* — именительным падежом. Иногда вместо *ккаджи* употребляют *ккаджупь*, *ккаджу*. Но эти варианты, как говорит Ундервуд, не из лучших; *ккаджу*, видимо, составное слово со вторым элементом *у* (на, над).

15) *качхи*, сев.-кор. *катхи* (как, подобно): *на ва качхи* (как я, подобно мне, со мной, вместе со мной); *н'ун качхи* (как снег, словно снег), *ури качхи* (как мы, подобно нам, с нами), *чө чхэк ква качхи кырым-ыл сассо* (вместе с книгой он купил картину). Этот послелог является формально именем на *и* от глагола *кйтта* (|| *кйтха* || *кйтхын*) (быть подобным, быть тем же самым). Имя существительное *качхи* означает также „сходство“ и „подобным (сходным) образом“.

16) *каджи* (сорт, род): *хангаджи* (один сорт, один род, одинаковым образом). Наряду с *хангаджи* употребляются в том же значении *ханде* (< *хан тай* — одно

место) и *хамккый* > *хамкке* (из *хан пкый* — одно время). *Каджи* является именем на *и* от глагола *капта* (|| *каджа* || *каджын*) (быть в порядке), фактитив *качхуда*, *качхида* (приводить в порядок). Слово *каджи* было заимствовано маньчжурским (*hašip* — сорт, порядок) и тунгусским (*taŋ-ŋašip* — такой, такого рода) языками.

17) *ккири* (среди). Гейл в своем словаре указывает, что „*ккири* как окончание употребляется после имен и местоимений, имеет значение множественного числа группового характера“. *Ккири* — это имя существительное на *и* от глагола *килда* (быть длинным); таким образом, *кир-и* означает „(вдоль) всей линии“. Начальная геминация согласного является результатом воздействия окончания родительного падежа, предшествовавшего этому слову (см. „Фонетика“). *Ури ккири* (среди нас, в нашей группе).

18) *чунъ-е*, сев.-кор. *тунъ-е*, *тунъ-е* (среди, в), послелог китайского происхождения; это местный падеж от *чунъ*.

19) *те*, *де* (орфография *тйи*) или с геминатом *ттэ*, китайское имя существительное „место“. Большей частью употребляется в форме творительного падежа: *и ттэ-ро* (вместо этого). Сложное слово *тэсин* в значении „вместо“ употребляется обычно в форме местного падежа: *тэсин-е*, *тесин-е*; синонимом этого слова в сев.-кор. является *тэби*, в творительном падеже *тэби-ры*, *тэби-ру* (вместо).

20) *тэ* (согласие, согласованность), в творительном падеже *тэ-ро* (в согласии с, так как, согласно), употребляется после имен существительных как послепричастное имя: *иттэро*, *идэро* (согласно этому, как это), *малдэро* (согласно сказанному), *ттыл ттэро* (поскольку возможно; ср. маньчж. *mutere teile*, *mutere i teile* в том же значении).

21) *ттан* (из): *чин ттан* (из дома), *сарам ттан* (от человека). В основе *ттан* лежит имя существительное *тан* (граница, край), которое имеет правильное склонение: *чэттан-е*, *чэттан-есө* (оттуда) и т. д. Геминация начального согласного объясняется наличием некогда перед этим именем форманта родительного падежа (см. „Фонетика“).

Это *ттан*, видимо, соответствует турецкому *jan* (сторона, бок) и старотурецкому окончанию *-dajan, -danjan, -dan-
-dan* — древнейшей из известных форм современного турецкого аблатива на *-dan*.

22) *-ттави, -ттаи* (как, подобно): *иттави* (подобно этому), *сарам-ттави* (как человек). *Ттави* восходит к *таби* (причины геминации те же, что и у послелога *ттан*), имени существительному на *и* от глагола *тапта* (достойный, заслуживающий), который мы рассматривали выше, в параграфе об отымённых глаголах (*сарам-дапта* — человеческий и т. п.). С этим *таби*, ныне *ттави*, ср. тюркское (уйгурское) *tabu* (-образный).

23) *таым* (следующий); это имя существительное на *-м*, произведенное от ныне не существующего глагола *таг-*, означавшего „следовать, быть близким“. Местный падеж *таым-е*, равно как творительный (*таым-ыро*), употребляется в значении „после“: *и даым-е* (после этого, вслед за этим), *и мал таым-е* (после этого слова), *и мал таым-ыро* (вслед за этим словом). С глаголом **таг-* ср. турецк. *jagu-* (быть близким; *jaguc* — близко) и тунг. *daga* (близко).

24) *чхөрөм, чхөрөм, чхөрө*, сев.-кор. *тх'өры* (словно как); видимо, творительный падеж от имени **тх'ө* с последующим *хам* (*чхөрөм* из **чхөрү хам*), ср. *подөм, пүтхөм*.

25) *ква* (после согласных), *ва* (после гласных), сев.-кор. *ква, гва* (и, с): *мал ква со* (кони и волы), *со ва мал* (волы и кони), *на ва катхын* (такой, как я), *нө ва тарында* (не похожий на тебя, не такой, как ты). Не ясно, что лежит в основе *ква*, глагол или имя. *Ква* можно сопоставить с тунгусским *ku* в составе притяжательных прилагательных: *asiku* (женатый; *asi* — жена), *kise ku* (счастливый; *kise* — счастье), *ambanku* (одержимый демоном; *amban* — дьявол, нечистый, тигр).

26) *чари* (место, кровать). Употребляется в форме именительного и местного падежей как послелог в значении „вместо, благодаря“. Возможно, что *чари* представляет собой имя существительное на *ри* от глагола *ча-* (спать). Этот послелог часто употребляется в том же

значении, что тунг. *ǰarin*, гольдское *ǰarun*, маньчж. *ǰalin* (благодаря).

Очень трудно, почти невозможно провести четкую границу между именами существительными и той категорией слов, которую мы называли именными послелогоми. Многие из перечисленных выше послелогов на деле имеют ударение и употребляются как правильные имена.

ГЛАГОЛЬНЫЕ ПОСЛЕЛОГИ

285. Такое название может быть дано словам, которые образованы от глаголов и которые употребляются без ударения после имени существительного. Если такой глагол является переходным, то предшествующее имя существительное логически является объектом. У некоторых из этих послелогов связь с тем глаголом, от которого они произведены, уже утеряна.

а) послелогии на *-да*:

пода (чем, сравнительно с): *и и-га чө пода нао* (это лучше, чем то); вместо *пода* встречаем также *подам* и *подэ*: *санън'өн подам-ын чогом наа* (немного лучше, чем в прошлом году); относительно *пого* см. ниже.

ида, -да (пока, будучи): *чиб-е-да* (пока был дома, будучи в доме); это *-да*, как кажется, очень часто употребляется перед глаголом *пода* (смотреть) для указания направления: *нэйθ-да пода* (выглядывать), *тырθ-да пода* (заглядывать), *чх'θ-да* (вверх), *нар'θ-да* (вниз) и т. д.

б) послелогии на *-го*:

хаго (сокращенно *кхо*) (и, вместе с); восходит к глаголу *хада* (делать, говорить): *на хаго не хаго кагессо* (пойдем и я и ты);

малго (от глагола *малда* — избегать) и *ѳнко* (от *ѳнта* — не быть) употребляются в значении „без“: *тон ѳнко катта* (он ушел без денег), *хоранъи малго чимсэнъи* (все животные, исключая тигра); в том же значении, что и *ѳнко*, употребляется *ѳпси*;

каджиго (от *каджида* — иметь) в значении „с“: *кохый каджиго ватта* (пришел с бумагами), *тон каджиго катта* (ушел с деньгами);

тариго или *мохыго* или *мосиго* в значении „с“, „в сопровождении“: *сөнсэнь мосиго оо* (приходит с учителем), *анаги ахэ тариго вассо* (женщина пришла с ребенком); *ного* — см. ниже *ноа*.

в) послелогои на *-а*, *-ө*. Это наиболее обширная группа послелогов. Мы перечисляем ниже только некоторые из них. Эти послелогои формально представляют собой деепричастия прошедшего времени. Границу между послелогом этого типа и деепричастием прошедшего времени провести очень трудно.

сө (будучи) (после всех падежей, кроме родительного и винительного). Эта форма глагола **исида* (ныне *итта* — быть) подробно рассматривалась нами в главе, посвященной падежам, и была там названа эссивной частицей.

ссө употребляется в литературном языке после творительного падежа: *хим-ссө*, *хим-ыро-ссө* (что есть силы); восходит к глаголу *ссыда* (употреблять);

төрө, *төр'ө* (*дөрө*, *дөр'ө*) (повернувшись к); употребляется для указания объекта, если это лицо, или дательного лица при глаголах „говорить, спрашивать“: *абаним дөрө шрөтта* (попросил моего отца), *на дөрө* (или *нэ ного*, или *на антхе*, или *на анхе*, или *на тэхайя*, или *нэ-ге*) *ёк ханыя* я (неужели вы ругаете меня?); *кы сарам дөрө кидарира кко хайёра* (скажи ему, чтобы он подождал). Глагол *төрида*, видимо, ныне не употребляется, но его надо предполагать, если иметь в виду, что послелог сопоставим с японским *мукаттэ* от глагола *мукау*;

пүтхө, *пытхө*, также *пүтхөм*, *пытхөм* (в значении „из“): *илбон пүтхө* (из Японии), *ачхым пүтхө* (с утра); *төбырө* (держа в руках), от глагола *төбылда* (держат в руках); как послелог означает „вместе с (о лицах)“;

каджө имеет то же значение, что *каджиго*;
аолла (включая, с); от глагола *аорыда* (соединять);
аоро; в том же значении, что *аолла*;
ёвө (вокруг); от глагола *ёуда* (окружать): *ёвө ссаго сөссо* (стояли тесно вокруг);

кәйла, *кәрәа* (вместе с; ср. монг. *qolba-*);
туллө (вокруг, около; от глагола *туруда* — окружать);
туру; в том же значении, что и *туллө*;
ккө (через);

көннө (через, на ту сторону); *ккә гөннө* (через); от глагола *көннөдә* (переходить через гору, реку);

чина (проходя через); от глагола *чинада* (проходить); как послелог означает „после“: *нэйл чина* (послезавтра), *сәул чина* (проехав Сеул, после Сеула);

көсар’ө, көсыллө (против); от глагола *көсарида* (преступать, идти против);

нөмө (сверх, выше); от глагола *нөмдә* (переходить через);

нама (сверх); от глагола *намдә* (оставаться);

маджа (напротив); от глагола *матта* (встречать);

чочха (после, из, вследствие); от глагола *чотта* (преследовать, следовать за);

(*ква*) *мицхө* от глагола *митта* (достигать); как послелог означает „до“; форма *мит* означает „и“; ср. яп. *оёби*(и) от глагола *оёбу* (достигать);

поа от глагола *пода* (смотреть, видеть); как послелог означает „к, об, относительно“; также *пого, пода, подам: на пого мар хайөтта* (он сказал мне), *и ил поа сэнггак хайөтта* (он думал об этом деле);

малмэама (вследствие, по причине); от глагола *малмэамдә* (возникать из; вероятно, восходит к *малмэ* + глагол **амдә*).

танъхая (относительно);

инхая (по причине, вследствие);

вихая (для);

тэхая (относительно).

Последние четыре послелогов представляют собой сочетание китайских слов (*танъ, ин, ви* < *уй, тэ* < *тай*) с глаголом *хада* в форме деепричастия прошедшего времени. Все остальные послелогов являются исконно корейскими.

г) послелогов на *-и*; единственным послелогом этого рода является *өпси* (без), сев.-кор. *өпко*.

НАРЕЧИЯ

286. В противоположность европейским языкам, где наречия имеют особые формальные признаки (в частности, те наречия, которые образованы от имен прилагательных),

тельных), корейский язык с морфологической точки зрения не имеет ни наречий, ни прилагательных. С другой стороны, надо иметь в виду, что

1) все надежи имени (именительный, местный, творительный и ныне архаичный инструктивный), если они синтаксически относятся к последующему глаголу, функционируют как наречия-обстоятельства;

2) большинство слов, которые выше были определены как отымённые послелог, могут употребляться самостоятельно, то есть без предшествующего им, сильно акцентированного имени существительного; в этом случае они относятся к глаголу и функционируют, таким образом, в качестве наречий;

3) все те глагольные образования, которые были названы нами деепричастиями, тяготеют к последующему главному глаголу и, таким образом, выступают по отношению к нему в качестве наречий-обстоятельств;

4) глагольные образования, которые оканчиваются на *-и* (окончание отглагольного имени и одновременно отглагольного наречия) и на *-о*, *-у* (окончание для производных имен, прилагательных и наречий), как и деепричастие будущего времени на *-хе*, выступают неизбежно как наречия; они образуются почти от любого качественного и активного глагола;

5) язык имеет большее число простых слов, которые функционируют как наречия, восходят к древним временам и имеют соответствия в родственных корейскому языках;

6) корейскому языку свойственна одна характерная особенность: изобилие так называемых ономатопоэтических слов самого различного рода. Такие слова или квазислова синтаксически являются наречиями-обстоятельствами, определяющими последующий глагол; когда такого глагола нет, то они соединяются с абстрактным глаголом *хада* (говорить, делать). Эти слова образуют особый класс, который будет рассмотрен нами ниже.

287. Наречия могут быть подразделены на следующие группы: наречия отрицательные, наречия места, наречия времени, наречия качественные, наречия количественные.

ОТРИЦАТЕЛЬНЫЕ НАРЕЧИЯ

288. Отрицание в корейском языке относится к глаголу. В качестве отрицательных наречий употребляются: *ан*, *ани* (иногда пишется *анхи*);

мот (ср. *мб-* в *мо-джарада* — недостаточный, *мо-псыда* — невозможный, плохой и *моджилда* — плохой, дурной от *чарада* — быть достаточным, *ссыда* — употреблять, *эджилда*, сев.-кор. *эдир-* — быть добрым, быть хорошим).

Употребление этих наречий рассматривалось выше (см. п. 206 и 268).

Если отрицание относится к имени существительному, то обычно прибегают к китайским сложносоставным словам, начинающимся на *пул*, *пу*, *му*, *пи*: а) *пулпэн хада* (незаконный), *пулман хада* (недовольный), *пуджирён хада* (прилежный), *пудонъ* (неодинаковый, не тот же самый); б) *муб'онъ хада* (здоровый), *мубён* (беззаконие), *мумат* (безвкусный); в) *писынъ писок* (ни духовный, ни мирянин), *пини* (нищий). Для этой же цели употребляются перифрастические конструкции с глаголом *энта* (отсутствовать, не быть).

Глагол *малда* (избегать) соответствует по содержанию отрицательному предложению; его употребление как средство выражения отрицательного повелительного (запрещения) рассматривалось нами выше.

НАРЕЧИЯ МЕСТА

289. В качестве наречий места обычно употребляются падежные формы имен существительных, в частности тех имен, которые имеют локальное значение и которые рассматривались нами выше как послеименные послелогии. Следует отметить, что в корейском языке употребление падежных окончаний очень часто оказывается ненужным; такой бессуффиксальный падеж, который является формально именительным, обычно и функционирует в качестве наречия: *эдэ* или *эдый* (какое место > где), *каондэ* (в середине; *каот* — середина). С другой стороны, такие слова, как *аре*, *арэ* (под, внизу), *оре*, *орэ* (давно),

являются на деле местными падежами (от *ал*, *ол*), которые ныне функционируют как именительные; ср. *орэган*, *орэжкан* (долгое время), *арэчип* (дом внизу).

НАРЕЧИЯ ВРЕМЕНИ

290. В качестве наречий времени употребляются либо именительный, либо местный, реже инструктивный падеж. Слова, употребляемые как наречия времени, восходят к существительным с временной семантикой:

өндже — когда, *өндже-дөнджи* — всегда, в любое время,

илчык, *илчыги* (инструкт. п.) — рано,

ачхым, *ачхам* — утром, *ачхаме* (местный п.) — утром,

надже (местный п.) — днем,

наджу (им. п.) — после полудня,

пам (им. п.), *паме* (местн. п.) — ночью,

чөн'өк, *чөнөк* (им. п.) — вечером (*чө* — вниз, *н'өк* —

направление),

онал (им. п.) — сегодня (вероятно, *ол* — этот, *олтха* — быть правым),

орхэ (им. п.) — этот год, в этом году (*хэ* — год),

өджөккый, *өджө* (им. п.) — вчера (*ккый*, *пкый* — время),

кыджөккый, *кыджө* (им. п.) — позавчера,

нэил, *м'өнбил* — завтра,

нэм'өнбил — послезавтра,

морэ (вероятно, местн. п.) — послезавтра,

кымн'өн — в этом году,

нэн'өн, *м'өнг'өн* — в следующем году,

чанг'өн — в прошлом году,

чэджанг'өн, *кырөккый* — в позапрошлом году,

кыгырөккый — три года тому назад,

ттэттэ, *ттэттэро* — иногда,

иптэ — в наше время, в наши дни, теперь,

чөптэ, *кыптэ* — тогда (*птэ*, *ттэ* — время),

кот (им. п.) — немедленно, тотчас,

акка — несколько минут тому назад, только что,

паяхыро (твор. п.) — тогда,

палсө, *полсө*, *пөлсө* — уже (*сө* — эссивная частица),

мөнджө — сперва; сев.-кор. *манджө*,

инджэ — теперь, *чигым* — теперь (ср. тунг. *tikin*),
мак — только что,
сибань — сейчас,
н'етхэ, й'етхэ — издавна (*н'ет* — древний, *хэ* — год),
орэ — давно, *орэккан* — долгое время, *орэджанэ* —
 не столь давно,
мири — заранее, загодя,
аджик — еще, *аджик ани* — еще не, *аджиккет* — еще,
 до сих пор, доньше,
ттөк — как раз тогда,
ныл, ныру — обычно, постоянно,
сэро — снова, *сэрохи* — снова (*сэ* — новый, *сэропхи* —
 быть новым),
мачхыл — как раз тогда,
маджамак — в конце концов,
аи (инструкт. п.) *ае* (местн. п.), *ае* (местн. п.) — вна-
 чале (*си* — время),
тыдэе (местн. п.), *тыдэе* — тогда,
таси — снова,
хыни (< *хынхи*), *тэгэ, тэдже* — обычно,
каккым, чаджо — часто,
хэнбён — обычно,
пөннэ — сначала,
пласань, ханьсань, чоньси — всегда,
кылынхи — через три дня,
кыгынхи — через четыре дня и т. д.

Следует также отметить некоторые глагольные обра-
 зования, как-то: *чакко, чакку* (часто), *иттага, пинна*
 (вскоре), *тымуге* (редко) и т. д.

НАРЕЧИЯ КАЧЕСТВЕННЫЕ И МОДАЛЬНЫЕ

291. Под этой рубрикой объединяем два типа имен-
 ных образований от глагола: имена на *-и* и деепричастия
 будущего времени на *-ке*, которые образуются от каче-
 ственных глаголов и функционируют как наречные формы.

чал — хорошо, *чал мот* — нехорошо, плохо,
сви, свипге — легко,
ам — конечно,
амә — возможно,

хок — быть может, возможно,
манил — если, возможно,
кеу — едва,
чхархари — скорее,
тток — точно,
ккок — точно,
чхам — действительно,
синсилло, чинсилло — фактически,
вөнхи — охотно,
чөлло, чаөнхи, сисаро — само собой, естественно,
өсө, өллын, өлпхыт — живо,
п'өлло — отдельно, особо, специально,
төдэ, төдэге — медленно,
чокхи, чокхаге, нөнөнөкхи — довольно, достаточно,
чөкке, чөги — слегка,
талли, тарыге — отлично,
пхөк, тэданхи — очень,
пурө — намеренно,
чхинхи — лично,
көджө — даром, так,
н'өнджыси, согыро — тайком,
каманхи, каманхаге — тихо,
нынъхи — можно,
көджыси, көрыге — ложно,
часехи — тщательно,
чосимхи — предусмотрительно,
кынхи — вдруг,
ппалли, ппарыге, сокхи, палли, палпуге — быстро,
 живо,
пулгабул — волей-неволей,
өкчиро, чиөгыро — силой, насильно, принудительно,
мэу — очень,
оджик, оджак — только.

НАРЕЧИЯ КОЛИЧЕСТВЕННЫЕ

292. В эту рубрику входят отымённые образования на *-и, -ке, -о, -у* и, помимо этого, некоторые первичные наречия.

та — все,
тто — также, опять (ср. тунг. *hatama* — снова),
тө — более (в сложных словах также *төт*: *төм-мүл* — вода надо льдом),
тө мөлли — дальше, *тө чарыге*, *тө чалли* — короче,
тө кхыда — больше,
төөк, *төук* — более, тем более,
тәл — менее, *тәл мөлли* — не так далеко,
манхи — много (от *мантха* — многочисленный),
чхэ — все, целиком,
чом, *чогом*, *чокком* — немного,
каджань — самый,
модо, *томоджи* — все (сев.-кор. *то*; ср. *мотта* — собирать),
сөро — друг друга, взаимно (от **сөлда* — взаимный),
холло, *хонджа* — один (сев.-кор. *хабуллу*, *хабунджа*,
от глагола *хабу-*, ср. *хан* — один),
нөму — очень, слишком,
ха, *хадо* — очень,
тымулге — редко (от *тымулда* — редкий),
аджо — совсем, совершенно, целиком, полностью,
квахи, *квахаге* — слишком,
көви, *көун-гәун* — почти.

Здесь же, быть может, надо упомянуть о таких образованиях, как *сөисө* (втроем), *нөисө* (вчетвером) и т. п. с эссивной частицей *сө* в их составе.

НЕИЗМЕНЯЕМЫЕ СЛОВА

293. Среди различного рода наречий мы уже встречали ряд слов, которые не имеют ни спряжения, ни склонения и которые не могут быть выведены из более простой по составу основы (например: *пхэк* — очень, *чал* — хорошо, *тө* — еще более, *ам* — конечно и т. д.). Нам остается рассмотреть еще три группы неизменяемых слов.

ЭНКЛИТИКИ

Энклитики — это небольшие по звуковому составу слова (большей частью из одного слога), которые непосредственно примыкают к предшествующему слову (и, как правило, не имеют собственного ударения). Эту группу слов можно было бы назвать просто частицами. Некоторые из них следуют только после имен, некоторые же присоединяются только к глаголу.

294. 1) Прежде всего необходимо отметить вопросительные частицы. Это *ка* (и ее варианты *ко*, *кэ*, диал. *к'е*, *ке*) и *я* (и ее варианты *ё*, *йи*, *и*), а также комбинация двух частиц — *кая* и *кай*. Мы уже рассматривали эти частицы, когда описывали вопросительные формы глагола. Интересно отметить, что вопросительные частицы корейского языка совпадают с вопросительными частицами японского и алтайских языков. Здесь, как например в японском, вопросительные частицы употребляются только в конце предложения и только после причастных форм глагола (см. выше, п. 150—154).

295. 2) Частица *чи*, сев.-кор. *ти*, употребляется после причастий как своего рода вопросительный знак; восходит, очевидно, к имени существительному со зна-

чением „вещь, факт“: *калланджи малланджи морыгессо* (я не знаю, ушел он или нет). О ее функциях см. п. 225.

296. 3) Связующая частица *ка* (произносится *га*) ныне употребляется только после подлежащего. Она, видимо, соответствует, с одной стороны, японской частице *га*, с другой стороны, гольдскому слову *ка* (но, и). До сих пор эта частица определялась как знак именительного падежа. Но, как мы показали, это вовсе не падеж. Ныне она употребляется после гласных основ в том же значении, что и частица *и* после согласных основ. Это *и*, как объяснено выше, восходит к местоимению третьего лица: *на-и манхыч сарам* (пожилой человек; дословно: человек, которого его возраст большой).

297. 4) Частица *нын* была определена выше как эфатическая частица; ср. тунг. *нун* (если). Вариантом *нын* является *ын* (после согласных основ) и *нйн* (после гласных основ), а в некоторых диалектах *ыны* и *-н*. Функция этой частицы, которая присоединяется к особо подчеркнутым словам, стоящим в начале предложения, описана в главе, посвященной склонению. Эта же частица присоединяется к деепричастию настоящего времени и деепричастию прошедшего времени; она же входит как существенная часть в окончания *-м'өн* (< *-м* и *өн* *нын*) и *-кэдэн* (< *-ке* и *дэ* *нын*), которые являются формами условного и гипотетического деепричастий.

298. 5) Частица *то, до* (сев.-кор. *ту, ду*) (также, тоже), которую мы называли соединительной, соответствует частице *да, дэ* в тунгусских, монгольских и тюркских языках: *на до нэ до* (и я и ты); *хана до өнсо* (нет никого; дословно: даже одного нет); *сибань ка до кы сарам-ыл маннал су өнсо* (вам не удастся встретиться с ним, если даже вы пойдете сейчас); *амори пои до морыгессо* (сколько ни гляжу, не понимаю).

299. 6) Частицы *а, я, ия* употребляются в начале предложения после имени существительного как знак

звательного падежа. Однако звательный падеж не включен нами в состав падежей корейского языка по той причине, что эта частица может присоединяться не только к основе имени существительного. Эта же частица употребляется в качестве выражения зова: *и сарам-а* (эй вы там!), *и ном-а* (эй ты там!). Весьма возможно, что та же частица *а* входит в состав той формы, которую мы назвали промиссивом (обещание); *-ма*, признак этой формы, распадается на суффикс глагольного имени *-м* и рассматриваемую частицу *а* (*чума* — я обещаю тебе дать, *мөгымā* — я обещаю съесть). Эту же частицу обнаруживаем в составе так называемого презензива (предупреждение) (форма *-ла*; например: *мөгыллэ* — смотри, не то он съест), деэпричастия допущения (где частица *а* присоединена к причастию прошедшего времени: *-н-а*) и косвенного повелительного (*мөгыра*).

300. 7) Частица *ра, ира* употребляется в конце предложения; служит указанием на то, что предложение закончено. Она встречается также в составе так называемой регрессивной формы (*хадэра* — он делает там, он делал тогда), а также после причастий (*ханынира, ханира, харира*). Ее же используют в подчеркнутом или невежливом повелительном наклонении (*хайэра* — делай! *поэра* — смотри! *иккэра* — будь! *кагэра* — иди!). Перед глаголом *хада* (говорить) *ра, ира* служит указанием на то, что предшествующее ей слово является подлинным или собственным наименованием вещи, выступая, таким образом, в качестве своего рода знака цитации: *нампуху-ра ханын гэт* (то, что называется лампой); *Паг-ира ханын сарам* (человек, которого зовут Пак); *санхва-ра ханын гэс-ыл ури-га поджа-ра хао* (мы называем словом *поджа* (шайка) то, что они называют словом *санхва*). Эта же частица употребляется перед частицей *до*: *чохын ира до* (хотя это и хорошо), *калчи-ра до* (если даже он и пойдет). Частица *ра* соответствует турецкой частице *İa*.

301. 8) Частицы *ок, ук* употребляются в составе окончания *-тордж* (деэпричастия результата) и *суро* (см. в разделе послепричастных имен). Частицу *ок* можно вскрыть

дав это, я пойму (в чем дело); я должен посмотреть это, чтобы понять). Это употребление частицы *я* в значении долженствования рассматривалось нами в параграфе, посвященном деепричастию прошедшего времени.

305. 12) Частица *с'ə* (или *сə*), которую мы назвали эссивной, является сокращением *ис'ə*—деепричастия прошедшего времени от глагола *исыда*, позже *исыда*, ныне *итта* (быть). Эта частица употребляется после некоторых падежей, после деепричастий настоящего и прошедшего времени и после окончания-*м'əн*.

306. 13) Частица *сə* с инструментальным значением встречается после творительного падежа; по происхождению это деепричастие прошедшего времени от глагола „употреблять“: *ссыда* > *сə* (употребляя).

307. 14) Частица *ко* (и ее варианты *кко*, *го*), которая употребляется после прямой речи, является древней формой местоимения *кы* (этот, тот): *онда го ханда* (говорит, что они придут); *чума кко хайэтта* (он обещал дать); *кара кко хайэра* (скажи ему, чтобы он шел) и т. д. Употребление этой частицы рассматривалось нами в разделах, посвященных косвенному повелительному, промиссиву (обещание) и дезидеративу (желание).

308. 15) Наконец, надо выделить еще частицу *на*, которая употребляется для выражения удивления, восхищения, иногда также как знак уверенности в конце предложения: *чокхо на* (это действительно хорошо), *чхам, мал чал хаго на* (он в самом деле говорит хорошо). Эта частица употребляется главным образом после деепричастия настоящего времени, иногда даже без гласного *а*: *хагон, иккон*; само деепричастие оканчивается в этом случае часто не на *ко*, а на *ку*: *хагуна, хагун*. Если *кон* или *кун* употребляется после причастия прошедшего времени (*чохынгун*), то его надо понимать как сокращение глагола *ида* (быть): *чохынгун* вместо *чохынгон*.

МЕЖДОМЕТИЯ

309. Почти невозможно перечислить все те восклицательные словечки, которые корейцы употребляют в начале предложения; не менее трудно определить и смысл этих междометных слов. Наиболее распространенными междометиями являются: *а* (ах!); *атта* (вместо более полного *а-итта*), *атча* (из *а-хаджа*), *апта*, *аптана* (из *а-итта*), *ая*, *аи*, *ауго*, *эго*, *эгона* (о!); *о*, *оха*, *оя* (восклицание страха), *а*, *е* (восклицание удивления), *ча*, *че* (да, ладно), *йё*, *нйё*, *онйё*, *оня*, (да, конечно), *йе* (вот) и т. д.

310. Помимо этих междометий есть еще ряд выражений для различных чувств, выражений, которые своим внешним видом более напоминают слова, чем приведенные выше звуки:

чхам — действительно, в самом деле, *ха чхам* — с тем же значением.

кылсө — да, в самом деле, так,

ани — нет,

өлса — как прекрасно,

өгё — как ужасно,

пудэ, *пуды* — непременно,

ауго, *чхивёра* — о, как холодно!

оня, *кекчёнъ мара* — о, не беспокойтесь об этом,

аптана, *кы сарам* — ах, что за человек! ах, ну и человек!

атта, *кы сарам чхам мар-ыл чал хагона* — о, как он здорово говорит,

хөө, *кы ямбанъ-и торагаттс-я мар-ио* — гм, так вы говорите, что он умер?

атчха, *чал мот хайёккона* — о боже, ведь я же ошибся!

ОНОМАТОПОЭТИЧЕСКИЕ СЛОВА

311. В корейском языке весьма распространено использование звуков в целях звукоподражания. Такие образования не ограничиваются собственно звукоподражаниями; в звуках воспроизводятся не только реально

существующие звучания, но различного рода движения, положения и т. д. Такие звуковые комплексы имеют определенный фонетический облик: они, как правило, являются редуцированными образованиями; синтаксически они употребляются как обстоятельства-наречия к последующему глаголу-сказуемому. Они состоят из одного или двух слогов, редко из трех. В некоторых односложных ономатопоэтических словах можно вскрыть их источник: либо китайское слово, либо одну из форм корейского глагола. Но вряд ли можно найти какую-либо связь между двусложным ономатопоэтическим словом и каким-нибудь изменяемым словом корейского языка, будь то глагол или прилагательное. От самих ономатопоэтических слов может быть образован глагол; это достигается присоединением к нему окончаний *-кәрида*, *-кида*, *-тәда*. Вот некоторые примеры подобного рода наречий:

сугын сугын хада — говорить на манер „сугын сугын“, то есть шептать, говорить по секрету,

пхалланъ пхалланъ хада — делать (двигаться) на манер „пхалланъ пхалланъ“, то есть колыхаться, развеваться,

талланъ далланъ хадс — делать (в данном случае идти) на манер „талланъ далланъ“, то есть идти мелкими шагами, семенить,

чугыл чугыл хада — быть (иметь вид) „чугыл чугыл“, то есть быть в морщинах, быть сморщенным,

кыкчөк кыкчөк хада — делать (производить действие) на манер „кыкчөк кыкчөк“, то есть скрести, царапать,

чачхум чачхум хада — производить действие на манер „чачхум чачхум“, то есть хромать,

акчак акчак хада — быть (иметь вид) „акчак акчак“, то есть быть густо покрытым рябинами,

кхоллок кхоллок хада — производить действие на манер „кхоллок кхоллок“, то есть кашлять,

ттан ттан хада — твердый, крепкий,

сөндыл сөндыл хада — свежий, прохладный,

Примечание. Следует обратить внимание на то, что удвоение может играть в корейском языке и другую роль; например, *чин чиб-и* (каждый дом, в каждом доме), *нал нар-и* (каждый день, еже-

дневно; *нанри* — с тем же значением; *тал дар-и* (ежемесячно, каждый месяц); *хэ хэ-и* (ежегодно, каждый год) и т. д. Окончание *-и* в этих редупликациях представляет собой древний инструктивный падеж.

Вот несколько примеров предложений с оноματοпозитическими словами в их составе:

пам-и тѳм'ѳн п'ѳр-и панджак панджак хао (наступает ночь, и звезды начинают делать „панджак панджак“, то есть: наступает ночь, и начинают мерцать звезды);

парам-и пуникка, намуккытчи хыйчханъ хыйчханъ хадѳра (подул ветер, и ветки деревьев начали делать „хыйчханъ хыйчханъ“, то есть: подул ветер, и ветки деревьев начали качаться взад и вперед).

СЛОВООБРАЗОВАНИЕ

312. Имена существительные, если это не простые корни, являются либо производными, либо сложносоставными. Иной раз бывает довольно легко выделить первоначальные компоненты таких сложных имен. Но так как в ряде случаев имели место фонетические изменения, то часто бывает трудно определить, каким образом в языке образовалось то или иное слово; имеем ли мы дело со сложносоставным или с производным именем. Чтобы дать надежный обзор корейского словообразования, потребовалось бы специальное исследование. Все же в качестве предварительного введения к такому исследованию нижеследующее может представить некоторый интерес.

ИМЕНА С СУФФИКСАМИ

313. К отглагольным именам на *-ки, -м, -и, -о* (или *-у*) мы можем прибавить еще ряд образований с различными окончаниями. Все же, поскольку те же самые окончания встречаются в именах, не произведенных от глагола, почти невозможно с достоверностью определить, является ли производящая основа именем или глаголом. Вот почему отымённые и отглагольные имена даны нами ниже вместе.

314. 1) *-ак, -өк, -к:* *тхөл-, тхөр-, тхөрөк* (волос; *янъ тхөри, янъ тхөрөги, янъ тхөлги* — овечья шерсть); *ттыл, ттырөк* (двор); *ка* (край, берег), *каак хада* (граничить с); *нал* (сырой), *нарак* (необрушенный рис); *тол, торок* (камень); *толджэ, толджэяк* (маленький камень, камушек); *көмөк* (чернота; от *көмда* — черный); *кирөк, кирөкчи, кири* (длина; от *килда* — длинный); *нөлбөкчи* (ширина; от *нөлпта* — широкий); *нөбөк* (плоская поверхность; от *нөпта* — плоский); *пүсөкчи, пүсүрөк, пүсүрөги, пүсүрөкчи* (крошки, опилки; от *пүсида* — раздроблять,

крошить); *пирөк-чир хада* (просить милостыню), *пирөк-чанъи* (нищий; от *пилда* — просить); *карак, каракчи* (кольцо); *сак* (цена; от *сада* — покупать); *чхак* (крепко, твердо; от *чхада* — схватить крепко, *чхагада* — арестовать).

Возможно, что сюда же следует причислить *сзак* (молодая (женщина); от *сэ* — новый); *анак* (жена), *анакне* (*ананъне*) (жена; от *ан* — нутро, внутри); *анкхан* (внутренняя комната, но также — жена). В слове *мурып, мурыпхак* (колени) трудно объяснить гласный; слово это является, видимо, сложносоставным именем, так же как *ниманхак* (= *нима, нимэ, ниманъи*) (лоб). Окончание *-ак* кажется несомненным в *ччарым, ччарымак* (короткое; от *ччарыда* — короткий); *пусырөм, пусылмөк* (нарыв).

315. 2) *-кэ (-ке), -э (-е)*: *налгэ, наллэ* (крыло; от *налда* — летать); *толгэ* (вихрь; от *толда* — вращаться); *ссагэ* (обертка; от *ссада* — завертывать); *п'өгэ* (подушка; от *п'өда* — прислонить голову к); *ссыге* (покрывало, вуаль; от *ссыда* — покрывать голову); *чиге* (рогульки, приспособление для переноса груза на спине; от *чиде* — нести на спине); *чипке* (щипцы; от *чипта* — зажимать между чем-либо); *төпке* (покрывало; от *төп'па* — покрывать).

карэ или *калгэ* (заступ; от *калда* — рыть); *карэ* (жернов; от *калда* — толочь, перемалывать); *каллэ* (ветвь семьи; от *карыда* — делить); *магэ* (пробка, затычка; от *макта* — затыкать); *куре, кулле* (узда; от *кулда* — обращаться с кем-либо); *ппаллэ, ппалгэ* (белье (в стирке); от *ппалда* — стирать); *ссыре, ссырөгги* (пыль; от *ссылда* — мести, подметать); *норэ* (песнь), *нори* (игра), *норым* (развлечение; от *нолда* — развлекаться); *сорэ, сори* (звук) и т. д.

Аналогом этого рода отглагольных имен, видимо, являются *кол, корэ* (долина) и *йөрым, йөрымэ, йөлмэ* (фрукт, плод), где окончание *-э* (первоначально *-аи*) явно присоединено к имени.

316. 3) *-чи*. Это окончание, видимо, образует отыменные слова: *кирекчи, нөлбөкчи, пусырөкчи* и т. д. (см.

выше); *абаджи*, *абаним*, *абэ*, *аби* (отец); *өмөджи*, *өмө-ним*, *өми* (мать); *агунзи*, *агуньджи* (очаг); *паджи* (штаны; ср. гольдское ра—штаны); *пөлги*, *пөлге*, *пөлгөд-жи*, *пөрөджи*, *пөлгэнзи* (насекомое); *ягэ*, *ягаджи* (за-тылок).

317. 4) -аджи. Это окончание является уменьшительным, например, в словах *кэаджи* (щенок; от *кэ* — собака); *соаджи* (теленок; от *со* — корова); *мааджи* (жеребенок; от *мал* — лошадь); *тояджи* (свинья); *могаджи*, *мок* (шея); *сон-могаджи*, *сон-мок* (запястье); *пагаджи* (половинка тыквы (как посуда); от *пак* — тыква); *мугөджи*, *муги*, *мукчи* (остатки; от *мукта* — оставаться, стоять); *наньтөрөджи* (пропасть; от *ттолда* — падать); *намаджи* (остатки; *намда* — оставаться).

Возможно, что окончания *-чи* и *-аджи* имеют одинаковое происхождение; но столь же возможно, что в *абаджи*, *өмөджи* мы имеем первоначальное *-чи*, а в других словах первоначальное *-ади*, *-ди*.

318. 5) -ари, -өри, -ғи. Гласные этого окончания варьируются в зависимости от гласного основы; *-ғи* следует после основы на гласный. Этот способ образования, как кажется, предпочитается для обозначения конкретных вещей. Например, *тхөк*, *тхөгөри* (подбородок); *тынъ*, *тынъөри* (спина); *понъ*, *понъари* (*понъори*) (голова, верх); *төнъ*, *төнъөри* (кусок, ком); *хылектөнзи*, *хылектөнзэри* (кусок, ком земли); *муги*, *мугөри* (отруби); *митхөри* (сандалии; от *митхе* — под); *толманзи*, *толманъари* (булыжник); *ханъ*, *ханъари* (кувшин); *ток*, *тогури*, *ток-кури* (горшок); *падари* (шмель; ср. монг. *batagana* — муха); *садари*, *садактари* (ступеньки; ср. монг. *šatu* — лестница); *тотхори* (желудь; *тотх* — свинья?); *сонзи*, *сонъори* (кисть, гроздь); *тагари*, *тэгари*, *тэгэ* (голова [зарезанного животного]); *мөгури* (съедобная лягушка; от *мөкта* [есть]); *мунзи*, *мунзури*, *мунъөри*, *мунъчи* (круглая вещь); *тхенъ* (пустой); *тхенъөри* (ширь; ср. турецк. *tārijiz* — океан, море); *тан* (один), *танъари* (отдельная вещь, штука); *чокту*, *чоктури* (род шляпы); *агури* (рот) и **ак* в *акпури* (рыло; *пури* — нос; ср. турецк. *aguz* — рот); *куи*, *куири* (овес) и т. д.

319. Здесь мы, таким образом, имеем дело с *кәри* (вещь), производным от *кәс* — вероятно, более ранним *кәсәри*, *кәхәри*. Это слово, как кажется, часто употребляется как окончание, и мы вернемся к нему дальше, в разделе, посвященном сложносоставным словам (п. 332).

Комбинацию старых окончаний **ди* и *-әри* можно предполагать в словах *тынъдәри* (спина) и *пояндыри* (голова, вершина).

320. 6) *-анъ*, *-әнъ*. Отглагольными образованиями являются: *нийәнъ* (соломенная кровля; от *нитта* || *нийө* || *ниын* — располагать друг возле друга); *нипх'әнъ* (платье, одежда; от *нипхида* — одевать). Возможно, что эти же окончания имеются и в сев.-кор. *пирәнъ*, *пирәнъгуре* (нищий), *пирәнъбанъи* (нищий).

От имен произведены: сев.-кор. *кодянъ* (место; ср. *кот*, *код-и* — место); *кәмд'әнъ* (темнота; ср. *кәмда* — черный). На диалектальной основе имеет место расхождение между сев.-кор. *наранъ* (страна), *ттанъ* (земля), *паданъ* (море), *маданъ* (каждый) и т. д. и юж.-кор. *нара*, *тта*, *пада*, *мада*. Это, как кажется, позволяет заключить, что среди слов с долгим конечным гласным могут быть такие, долгота гласного которых объясняется абсорбцией окончания.

321. 7) *-анъи*, *-әнъи*: *кури*, *курәнъи* (змея); *кои*, *коя*, *коня*, *коянъи* (кошка); *ттыккэ*, *ттыкканъи* (куски материи для окраски; от *ттытта* || *ттырө* || *ттырын* — рвать на куски); *патханъи* (кувшин); *нурәнъи* (желтая собака; от *нуруда* — желтый); *нима*, *ниманъи* (лоб); *налганъи* (каarp; ср. турецк. *balıq* — рыба).

322. 8) *-аги*, *-әги*. Это окончание выделяется с трудом, поскольку *-а* и *-ө* могут быть признаком вторичной основы, и, таким образом, окончанием окажется только *-ги*; с другой стороны, *-и* может быть окончанием-детерминативом, и тогда реальным суффиксом окажется *-ак*, *-өк*. *Ссыреги* (пыль), *ссыре* (пыль; от *ссылда* — мести); *ниаги* (рассказ) (?*нида* || *нийө* || *нин* — связывать, продолжать); *ораги* (нитка ткани; ср. *ол* — нитка основы); *пниги*, *пнирөги* (почки камыша); *миккури*, *миккураджи*, *миккураги*,

миккурэнги (минога); *мочхори, мочхораги* (перепел); *наму, намо, намак, намаккаги* (дерево).

323. 9) *-ги*. Это окончание глагольного имени, как кажется, употребляется и для образования конкретных существительных. *Поги* (пример, образец; от *пода* — видеть); *наги* (уроженец), *сәул-лаги* (уроженец Сеула); *мурыпчиги* (одежда до колен; от *чуда* — падать); сев.-кор. *цхыги-цхэ*, юж.-кор. *чхе, чх'е* (сито); *чараги* (взрослый; от *чарада* — расти); *нэги хада* (держат пари; от *нэда* — выпускать).

324. 10) *-ами, өми, -ми*. Отглагольными образованиями являются *ккурөми, ккури* (соломенная обертка; от *ккурита* — обертывать); *өлгөми, өлмөнги* (грубое сито; ср. турецк. *algāk* — сито). Возможно, что сюда же относятся *мөлми* (морская болезнь), *пилми* (причина, основание), *нарами* (длина; от *налда* — бежать вдоль).

325. 11) *-ттэ, -тэ: х'е*, сев.-кор. *шө, шөттэ* (язык); *пэ, пэттэ* (живот); *тынь, тыньтэ* (спина); *чө, че, чөттэ, четтэ* (начало). Окончание это абсолютно непонятно; возможно, что здесь мы имеем дело с сокращенным сложносоставным словом; в живой речи можно слышать и *пэттэ* и *пэттэги*; *коктэ* и *коктэги* (гора) (см. ниже *тхак* — в разделе о сложносоставных словах).

326. 12) *-гак*. „Косить“ по-севернокорейски *пыда* или *пыгак-чир хада*; отсюда *пыгөк* со значением „сери“, где можно усмотреть окончание *-гак*. Вторым примером на это окончание может быть, видимо, слово *чугөк* (рисовый черпак, которым вычерпывают рис из котла; ср. *чуда* — давать).

327. 13) *-и*. В п. 239 мы уже рассматривали среди имен, производных от глагола с помощью окончания *-и*, имена действия, имена результата действия и т. д. Вот некоторые дополнительные примеры: *сари (сарым)* (жизнь); *чаби* (ручка; *чапта* — брать); *чхан, чхэ (ап-чхэ* — переднее место в двухместном портшезе); *тви-чхэ* (задние ручки

портшеза); ср. *чхада* (схватить крепко); целый ряд образований на *-и* от имен, обозначающих членов семьи, имеет уменьшительный характер: *эмѳджи*, *ѳми* (мама, мамочка), *аби*, сев.-кор. *абэ* (< *аба-и*) (папа), *адж-аби*, *аджи* (дядя), *ѳи* (самка животных), уменьшительные этого рода известны и другим алтайским языкам.

328. 14) *-кки* (? *-ски* или ? *-тки*). Это окончание не совсем ясно в силу незначительного числа примеров: *сэкки* (детеныш животного; ср. *сэ* — новый), *тхокки* (заяц), *токки* (топор; вероятно от *тол* — камень, молоток); согласно мнению проф. Огура, „топор“ фактически называется *тол* и *ток*, как показывают некоторые диалекты.

329. 15) *-ым* как окончание находим в *тѳым* (излишек; от *тѳ* — более), *чхѳым* (начало, вначале; *чхѳ*, *чхѳт* — первый).

330. 16) *-т* (восходит к *-с* и *-т*). От многих качественных глаголов образуется производное слово с помощью *-с* (орфографического); такое образование обычно сопровождается глаголом *хада*: *пулгыт-пулгыт хада* (красноватый), *хыйт-хыйт хада* (беловатый), *нурут-нурут хада* (желтоватый), *ттыт-ттыт хада* (жаркий), *кэт-кэт хада* (чистый). Здесь суффиксом является **с*; тот же самый суффикс, видимо, имеется в составе таких образований, как *пулгысырѳнта*, *хыйсырѳнта* и т. д., где окончание *-р-ѳ-* является признаком вторичной глагольной основы. Этому *-с* соответствуют тунгусские глаголы на *-sse-*: *bu-* (умереть), но *busse-* (быть смертельно больным), и монгольские отглагольные имена на *-s*. Тунгусское окончание *-sse-* содержит два элемента: окончание *-s* и глагол *се-*, который употребляется самостоятельно в маньчжурском и по смыслу и по этимологии тождественен корейскому *хада* (делать, говорить) (< *хѳ* = < **сѳ*).

Кроме этого *-т* (восходящего к *-с*), есть еще другое окончание *-т*, которое находим в таких образованиях, как *тѳт* (второй, сдчим больше; от *тѳ* — более; ср. монг. *det* — заместитель в титулах); *чхѳт* (первый); *хѳт* (бес-

полезная, ненужная вещь; тоже *хөт-хөт*; ср. *хө* — попусту) и т. д. Остается, однако, неясным, является ли здесь действительно окончание *-т* или же это на самом деле *-с* или что-нибудь в этом роде.

331. 17) *-ый, -уй*. Это окончание можно предполагать в таких словах, как *набий, набунги* (бабочка); *чу, чудый, чудунги* (рыло [животных], морда); *хоми, хомый, хомэнги* (мотыга); *агуи, агый* (крепость — например, яда, напитка); ср. турецк. *агу*, монг. *аг* с тем же значением. Трудно сказать без специального исследования, является ли это *-ый, уй* особым окончанием или же сокращением (так, например, *чудунги* могло быть сокращено в *чудый*).

ОБРАЗОВАНИЕ ИМЕН

332. В корейском языке есть одна особенность, которая отличает его от всех родственных ему языков. Эта особенность состоит в большой склонности корейского языка к именному словообразованию. Весьма возможно, что это является результатом влияния китайского языка. В ряде случаев это явление восходит к весьма глубокой древности. Почти невозможно перечислить все те возможности, которыми в этом отношении обладает корейский язык. Ниже могут быть приведены только некоторые случаи образования имен; мы взяли такие примеры, в которых вторая часть легко прослеживается в семантическом отношении, являясь генетически особым словом.

1) *-хий*, своего рода признак множественного числа: *нө* (ты), *нөхий* (вы); *чө* (тот), *чөхий* (те, они); *а* (дитя, ребенок), *ахий*, *ахэ* (дети, но также ребенок).

2) *-ча* (кит.) (лицо, персона): *пуджа* (богач), *кыджа* (он) и т. д. См. послепричастные имена (п. 225).

3) *-чанъ, -чанги* (кит.), очень часто употребляемое окончание для выражения профессии, занятия: *нот* (бронза), *нотчанги* (бронзовый мастер); *син* (обувь), *синджанги* (сапожник); *чил-кырыт* (глиняная посуда), *чил-кырытчанги* (горшечник); *там* (стена), *тамджанги* (штукатур), *тэджанги, тэджангджанги* (кузнец); *квимөги*

(немой), *кеймөгөри* или *кеймөкчанъи* (немой); *тынъгон* (горб), *тынъгончанъи* (горбун); *көп* (страх), *көпчанъи* или *көпчанъ* (трус, робкий); это же слово попало из китайского в тюркские, где мы имеем *söz* (слово), *sözçäŋ* (оратор).

4) *ним* (кит.?), употребляется после имен и титулований уважаемых лиц: *абаним* (отец), *өмөним* (мать), *х'өньним* (старший брат), *сон*, *сонним* (гость), *сөнсэнь*, *сөнсэньним* (учитель, господин). В повседневной речи это *ним* очень часто сокращается в *-ни* (*абани*, *өмөни*) и даже в *н* (*абан*, *өмөн*).

5) *-ном*, употребляется в презрительном смысле: *тоджөк* (вор), *тоджөньном* (вор [презрительно]).

6) *-кун* (кит.), употребляется для обозначения лица, занимающегося той или иной деятельностью: *ил* (работа), *илгун* (рабочий); *норым* (игра), *норымгун* (игрок); не смешивать с *-кун* в значении „правитель“.

Для обозначения лиц, занимающихся той или иной деятельностью, служит также *-су* (рука): *моксу* (плотник).

7) *-курөги*, суффикс с презрительным содержанием: *тон* (деньги), *тонкурөги* (любитель денег); *пал* (пища), *палкурөги* (любитель поесть).

8) *-панъ* (комната) и *-панъ* (бедный человек), оба слова китайского происхождения; с ними связано окончание *-панъи*: *сөбанъ* (господин; например, *Ким-сөбанъ* — господин Ким); *анджынбанъи* (хромой), *алланъбанъи* (льстец), *пирөньбанъи* (нищий; от *пилда* — просить, выпрашивать).

9) *патчи* (актер): *норымбатчи*, *норымбанъи* (клоун), *норымджанъи*, *норымгун* (игрок; *нолда* — играть).

10) *не*, **наи* (человек), старое слово; ныне вместо него употребляется *сарам*; в качестве пережитка можно обнаружить в сложных словах, особенно часто в качестве знака множественного числа: *пумо* (родители), *пумоне* — в том же значении; *н'өпх'өнне* (женщина), *нампх'өнне* (мужчина; *нам* — мужчина, *н'ө* — женщина, *пх'өн* — сторона), *танъсин* (вы), *танъсинне* — в том же значении; *сарамдылле*, *сарамнедыл* (люди) (см. п. 82).

11) *качхи* (цена, стоимость), большею частью произносится *-атчи*: *сипчөн-атчи* (стоимостью в десять сен), *илөөн-атчи* (стоимостью в одну вону).

Есть еще окончание *-ачхи*, которое могло первоначально быть последним членом сложносоставного слова; ныне оно означает лицо, занимающее определенный пост или должность.

12) *-кан* (кит.) (комната, промежуток, интервал, период времени): *апкан* (передняя комната), *твиккан* (уборная), *имсөккан* (столовая), *анккан*, *анкхан* (внутренняя комната, женщина), *сиган* (период в один час), *орэккан* (давно, долгое время).

13) *-көри* (вещь; из *көс*; см. п. 319). Очень часто употребляется в составе конкретных имен: *амсу* (обман), *амсүгөри* (обман, надувательство), *сипчөн* (десять сен), *сипчөнгөри* (штука в десять сен), то есть просто „десять сен“ или нечто, стоящее десять сен.

Это *көри* не надо путать с *көри* (дорога) в составе таких слов, как *тугөри* (перекресток; *ту* — два), *самгөри* (перекресток; *сам* — три) и т. д. Это *көри* связано с глаголом *көттә* (|| *көрө* || *көрын* — шагать, идти пешком). Точно так же не следует смешивать и с *көри* в значении „шнурки, подвески“: *анг'өнгөри* (шнурки, тесемки у очков; от *анг'өнъ* — очки), *оккөри* (из *ос-көри* — шест для белья; *ос* — платье). Это *көри* восходит к *көлда* || *көрө* || *көн* — (вешать).

14) *-чхэ* (размер) (см. п. 327): *чипчхэ* (такой же большой, как дом; размером с дом; то же *чипчхэ катта*); это *чхэ* очень часто употребляется с глаголом *катта* || *катха* || *катхын* (быть схожим, быть подобным) и, видимо, соответствует монгольскому окончанию *-цаи*, турецкому *-ча*, которые имеют то же значение.

15) *-тхак, так* (вершина): *малло*, *маланъи*, *маллот-хаги* (гребень горы), *ккок*, *ккоктаги* (вершина горы) и т. д.

16) *-ча*, старое слово, которое, видимо, имело значение „условие, состояние“: *кыджө* (так, как есть; просто; даром), *хонджа*, сев.-кор. *хабундза* (один) и т. д.

17) *-ранъ, -ранги* (кит. *лан*) (зверь); встречаем во многих названиях животных: *хо* (кит.), *хоранъи* (тигр), *сырөнъ, сырөнъи* (волк) и т. д., быть может, так же *хваранъи* (колдун). С этим надо связать окончания *-лар, -лан* таких турецких слов, как *arsalan* (лев), *qablan* (тигр), *sirtlan* (гиена) и т. д.

18) *-чил* (дело): *паныл* (игла), *паныджил* (шитье), *паныджил хада* (шить); *но* (весло), *ноджил* (гребля), *ноджил хада* (грести), *пыда*, *пыгакчил хада* (косить); *мәл* (слово) *малчил хада*, *мәчил хада* (сплетничать); *ппаллэ* (белье), *ппалэджил* (стирка), *ппаллэджил хада*, *ппалда* (стирать); *ёк* (брань), *ёкчил хада* (бранить, распекать) и т. д.

Это *чил* может означать не только работу, занятие, но также исполнителя работы и, таким образом, отождествляется, как кажется, с турецким окончанием *çil* в *ikçil*, *igçil* (увечный, инвалид), *sözçil* (клеветник) и т. д.

19) *төнъи*, *төнъери* (куча, груда): *хылктөнъи*, *төпәнъдөнъи* (комок земли), *паптөнъи* (комок риса).

20) *манъи*, *манъари* (шарик, круглая вещь): *ал* (яйцо), *алманъи* в том же значении, *алманъдөнъи* в том же значении; *нун* (глаз), *нунал*, *нуналманъи* (глазное яблоко); *тол* (камень), *толманъи* (булыжник).

21) *көт* (*көс*) (вещь). Это слово, как кажется, имеет значение окончания для образования конкретных имен: *су* (самец), *ам* (самка), *сукхөт* (самец), *амкхөт* (самка); *сөккин* (смешанный), *сөккингөт* (смесь); *хө* (пустой), *хөккөт* (пустяк, нечто ничего не стоящее). Это слово употребляется после причастий всех времен не только для обозначения предмета как объекта или результата действия, но и для обозначения самого действия. Здесь намечается некоторая параллель английскому окончанию *ing*: *пат канын гөт*, *пат кал көт*, *паккалхөт* (обработка земли); *чамкан чанын гөт*, *чамкан джангөт* (дремота); *ани халсу өмнын гөт* (необходимость) и т. д. Относительно употребления этого слова см. „Послепричастные имена“ (п. 225).

СТРУКТУРА ПРЕДЛОЖЕНИЯ

333. Простое предложение. Наиболее важной частью корейского предложения является сказуемое. Глаголы, как мы выяснили выше, делятся на две категории: глаголы действия, соответствующие тому, что называется глаголом в наших языках, и глаголы, названные нами качественными, которые соответствуют прилагательным наших языков.

Корейское предложение, если оно только не является восклицанием или ответом на вопрос в виде одного простого слова, является законченным при наличии всего лишь одного глагола-предиката: *канда* (он идет, они идут, я иду, мы идем), *палкта* (светло), *сарам ида* (это) человек есть). Отсутствие подлежащего, как кажется, не представляет никаких неудобств для корейца, и такие понятия, как „он, она, оно“ и т. п., как правило, вовсе не выражаются грамматически.

Если подлежащее выражено, то оно занимает первое место в предложении и воспринимается как ограничивающее в той или иной мере действие или качество. Если из контекста ясно, о ком или о чем идет речь, то подлежащее опускается.

Действие может быть ограничено многими путями; отсюда возможность в предложении как подлежащего, так и дополнения, одновременно относящихся к одному и тому же глаголу и ограничивающих, полагающих предел идее, выраженной сказуемым. Далее, действие может быть ограничено относительно сферы своего применения словами, которые являются обстоятельствами места и времени. В этом случае мы говорим о наречии, если такое имеющее ограничительную функцию слово является именем, и о деепричастии, если это с ограничительной функцией слово является глаголом. Все эти слова — ограничители сферы применения сказуемого, — начиная с

подлежащего и кончая наречиями времени и объектами в дательном и винительном падежах, занимают место перед глаголом, который и оказывается последним членом предложения.

Таким образом, порядок слов в обычном предложении таков: подлежащее, наречие времени или места, объект в дательном, объект в винительном, деепричастие, главный глагол, или сказуемое (о возможных вариантах этой схемы см. ниже).

334. Имена и их атрибуты. Как и в других языках, имена существительные могут быть в предложении подлежащим, дополнением, обстоятельствами места и времени, то есть самым различным образом ограничивать действие, выраженное глаголом. Само же имя ограничивается определениями. Если в предложении есть ряд определений, относящихся к одному и тому же имени, то они располагаются в логическом порядке, так что наиболее узкое по значению является первым по порядку; например, эти три молодые черные лошади. Логический порядок строго сохраняется в корейском языке. Мы можем, таким образом, сказать, пользуясь привычными понятиями нашей грамматики, что, как общее правило, управляющее слово следует за управляемым, что имена следуют за прилагательными, которыми они управляют, и что все предложение управляется глаголом, который занимает последнее место в предложении. Логически нет существенной разницы между прилагательным как определением к существительному и теми отношениями, которые существуют между первой и второй частью сложного существительного. Что касается формальных изменений слова, то падежные окончания и частицы присоединяются только к имени, а не к определению; иными словами, корейскому языку неизвестно согласование между определением и определяемым.

То, что было нами выше названо именным послелогом, на деле является словом с весьма абстрактной идеей места (под, в, на, около, рядом и т. д.); синтаксически такое слово управляет предшествующим ему именем.

335. Ориентация. В отличие от обычного корейского предложения с обычным порядком слов, когда наречия места и времени, как правило, занимают место после подлежащего, но перед дополнением, есть ряд случаев, когда наречия места и времени (а также некоторые другие наречия) занимают первое место в предложении; такое изменение порядка более наглядно связывает содержание предложения с окружающей ситуацией или контекстом. Такое „преждевременное“ употребление наречия вполне обычно для повседневной речи, но по мере возможности избегается в письменном языке. Вполне понятно, что такое предварение всего предложения обстоятельственными словами места и времени объясняется желанием говорящего по возможности заранее ориентировать в обстановке мысль собеседника. Поэтому такие предложения с порядком слов, отклоняющимся от нормального, можно назвать предложениями ориентации или предложениями с ориентацией.

336. Дополнительные коррективы. Корейское предложение завершается глаголом. Все же иногда в повседневной речи говорящий может обнаружить, что он пропустил то или иное слово; в этом случае пропущенное слово может быть вставлено в предложение после глагола, но при этом с обязательным условием: интонация его отличается от нормальной. Например: *сарам-и канда* (идет человек) или просто *канда* (идет); если в последнем случае *канда* оказывается непонятным и говорящий стремится исправить упущение немедленно, то он может тут же прибавить *сарам*, сказав, таким образом, *канда, сарам-и* вместо нормального *сарам-и канда*. Такое нарушение порядка слов решительно избегается в письменной речи.

337. Дополнение в винительном падеже. Винительный падеж употребляется в том случае, если сфера действия, выраженного глаголом, ограничивается объектом, приуроченным к определенному случаю, так сказать, специально лимитирующим это действие. Винительный падеж имеет более свободное положение в пред-

ложении по сравнению с прочими ограничителями сказуемого. Винительный может предшествовать дательному, может следовать за дательным; а в некоторых случаях винительный падеж может даже занимать первое место в предложении, подобно наречию. Все же объект переходного глагола часто столь тесно связан в мысли с глаголом, что он непосредственно предшествует ему; в этом случае он лишен окончания.

338. Прямая и не прямая речь. Одно предложение может быть объектом другого предложения. В этом случае отношение не имеет специального выражения. Из этого следует, что в корейском языке отсутствует разница между прямой и не прямой речью. Для того чтобы подчеркнуть, что предшествующее является высказыванием другого лица, употребляется частица *ко* (*го, кко*): *ир ханда* (работает), но *ир ханда хао* или *ир ханда го хао* (он говорит, что работает). Средняя, или нейтральная, форма учтивости глагола, признаком которой является окончание *-о* или *-со*, может быть только в конце предложения, а не в предложении, выражающем косвенную речь: *ир хао* (он работает), но никоим образом не *ир хао хао*; вместо этого говорят *ир хасинда хао* или *ир хамнида хао* и т. п. Вместо глагола *хао* со значением „говорить“ широко употребляется имя существительное *мал* (речь, слово): *ханда хан мар-ио* (*хандан мар-ио*) ([его] слова есть: работаю > он говорит, что работает). Такое употребление имени существительного *мал* вполне обычно.

339. Риторический вопрос. В корейском языке для особого подчеркивания предложений причины, времени и места очень часто употребляется особая конструкция, которая состоит из условного предложения „если (меня) спрашивают“, следующего за ним вопросительного предложения и ответа на него. Например, предложение „он уехал в Сеул учиться“ может быть сконструировано следующим образом: „если (вы меня) спрашиваете, почему он уехал в Сеул, то (я отвечаю) заниматься“ или „если (вы меня) спрашиваете, куда он уехал учиться, то (я отвечаю) в Сеул“: *кы и-га өдз-рыл канын го хани, свур-*

ыл као (если (вы меня) спрашиваете, куда он едет, то (я вам отвечаю) он едет в Сеул); *кы сарам-и олгор-и ве кырын го хани п'онь-и тырәсә кырәссо* (если (вы меня) спрашиваете, почему его лицо такое (бледное), то (я вам отвечаю) это так потому, что он болен). Здесь *ко* после причастия имеет значение вопросительной частицы *ко*, а не той частицы *ко*, которая употребляется в косвенной речи.

340. Сложное предложение. Объединение одного предложения с другим в сложное целое достигается в корейском использовании причастий с последующим именем (см. „Послепричастные имена“, п. 225). Для той же цели используются и многочисленные деепричастные формы. В литературном языке обнаруживается явная тенденция объединять в одно целое все предложения, логически связанные между собой; результатом этого являются длинные периоды, которые могут заполнять целые страницы без перерыва и без каких-либо разделительных знаков, кроме модуляции голоса или значения соответствующего деепричастия. В силу наличия указанных средств связи язык не нуждается в союзах. Иногда одно и то же деепричастие может быть в известном смысле повторено дважды; вторично оно повторяется в виде его заместителя *кырә хада* (быть так) в соответствующей форме: *тон икки нын иссына (иссына кырәна) кы сарам-еге-нын чуджи ани хагессо* (деньги-то я имею, но не дам их ему), *чаньса-рыл чал хана (кырәна) намнын тон-ын өпсө* (он работает хорошо, и все же у него ничего не остается). Ближе всего соответствует нашим союзам глагол *кырәхада* (или *кырәтха* — быть так, такой) в его различных деепричастных формах и других образованиях. Все же, будучи широко употребляемым в разговорной речи, он по мере возможности исключается в хорошем литературном языке.

Другим широко употребительным словом при делении периода на меньшие отрезки является *ман* (размер, ценность, достоинство) (как наречие „только“): *йөнджанг-и итчи ман-ын ир хал су өпсө* (инструменты есть, а работать не могу), *кы сарам-ыл оракко хайөтчи ман-ын*

(или *хайотта ман-ын*, или *хайоккөн ман-ын*) *ани оне* (или *оне кыр'ө*) (я сказал ему, чтобы он пришел, а он не явился). Слово *ман*, с усилительной частицей *манын*, употребляется после декларативной формы на *-та*, а также после индециссивной формы на *-чи*. Все же более литературно и, видимо, более правильно употреблять ее после причастия, подобно прочим послепричастным именам.

341. Два отрицания. Отрицание в корейском предложении употребляется один раз; если оно употреблено дважды, то значение предложения положительно: *кырёкхе ани хам'өн мот тёгёссо* (если не делать так, то ничего не получится > надо делать так).

342. Незаконченные предложения. Предложение обычно завершается глаголом в конечной форме. Но наряду с этим употребительны эллиптические или незаконченные предложения. В приказах, командах и в ряде других случаев встречаем высказывания, завершающиеся деепричастиями, послелогом и падежными окончаниями. При таком употреблении предполагается, что опущенный остаток предложения понятен сам собою.

Незаконченность предложения может иметь и социальное значение. Как уже говорилось в главе о глаголе, корейский язык имеет целый ряд форм сказуемого, выражающих ту или иную степень учтивости. Если говорящему не ясно, какая степень учтивости должна быть им высказана, то наилучшим выходом из затруднительного положения является употребление незаконченного предложения. Деепричастие прошедшего времени на *-а*, *-ө* уже с древнейших времен употребляется в качестве субститута всех прочих форм. Вот эта деепричастная форма от пассивной основы (первоначально *-в-а*, *-в-ө*), которая участвовала в создании окончания *-о* (форма средней учтивости), и употребляется ныне как наиболее подходящий и достаточно учтивый способ завершить предложение.

343. Китайские выражения. Порядок слов в корейском языке кардинально отличается от порядка слов в китайском, где, например, дополнение следует за

глаголом. Когда китайские выражения употребляются в корейском предложении, они воспринимаются как одно слово, имеющее составной характер, соответствуя корейскому имени. Используя глагол *хада* (делать, быть) после такого китайского выражения, кореец преобразует его в глагол (см. п. 120). Эта инкорпорация китайского языка в корейский происходит с начала китайского влияния на Корею. В более или менее научном или серьезном произведении мы на каждом шагу встречаемся с подобного рода образованиями на *хада*. По крайней мере три четверти всех глаголов, помещаемых в словарях, относятся к этому типу. Тем не менее китайский порядок слов в предложении не оказал влияния на корейский.

ПРИМЕЧАНИЯ

К предисловию автора. „Едва ли стоит упоминать о небольших грамматических компиляциях, написанных корейцами, которые ничего ценного или нового мне не дали“.

Автор характеризует здесь то положение с изучением корейского языка, которое сложилось в Корее в период ее оккупации японцами, в период насильственной японизации страны, которая не могла не сказаться пагубным образом на исследовании родного языка самими корейцами.

В настоящее время в Северной Корее организовано „Научно-исследовательское общество по изучению корейского языка“ (*Чосон ъмун йонгухъе*), ведущее интенсивную работу по исследованию всех сторон корейского языка и письменности. Специальным решением правительства Корейской народно-демократической республики от 2 октября 1948 года за № 10 на общество возложена задача составить грамматику корейского языка. С этой целью в составе общества была организована специальная комиссия из 12 лингвистов, которая, насколько нам известно, в настоящее время успешно закончила свою работу.

К введению. „...корейская письменность употребляется или, вернее, считается пригодной лишь для детей-школьников и женщин, тогда как корейцы-мужчины и т. д. ...“

Это утверждение Рамстедта отражает далеко не современное положение дел. Действительно, в свое время (XVI—XIX вв.) корейская письменность подвергалась гонению со стороны реакционной феодальной верхушки корейского общества. Ныне положение радикально изменилось. Фактически в настоящее время существует два типа записи текста: 1) смешанный, сущность которого состоит в том, что все слова китайского происхождения записываются иероглифами, тогда как корейский алфавит обслуживает исконно корейские слова и всю морфологию (окончания); 2) чисто корейский, сущность которого состоит в том, что весь текст записывается корейскими знаками независимо от того, каково происхождение того или иного слова. Художественная литература предпочитает пользоваться вторым способом. В научной литературе используется и первый и второй способы. Само собой разумеется, что о делении письменности на „мужскую“ и „женскую“ в настоящее время не может быть и речи.

К п. 77. „... одновременно его именительный падеж ...“

Автор называет именительным падежом так называемую бессуффиксальную форму имени существительного, которая, как правило,

совпадает с основой. С этим положением автора согласиться нельзя. На деле именительный падеж корейского языка характеризуется окончаниями *-и* и *-га*. То, что автор называет именительным, соответствует так называемому нулевому или, что то же, абсолютному, или неопределенному падежу других языков. Ошибка автора объясняется неправильной теорией окончаний *-га* и *-и*; об этом см. ниже.

К п. 82. „Известно, что корейцы также говорят *оллын тыл онора* ...“

Корейский показатель множественного числа *-тыл* имеет ту особенность, что он может присоединяться не только к тому слову, к которому он непосредственно относится. Так, например, в предложении *оллын тыл онора* [идите скорее (вы)] окончание *-тыл* присоединено не к местоимению „вы“, а к наречию „скорее“ (*оллын*). Обычно это имеет место там, где имя-подлежащее, имеющее форму множественного числа, опущено или не может быть выражено по самому характеру предложения (например, в повелительных конструкциях). Такая самостоятельность окончания *-тыл* напоминает поведение местоименной частицы *-ся* в древнерусском языке; ср. „во Индийской же земли кони ся у них не родят“ (Хожд. Аф. Ник.) вместо современного „кони у них не рождаются“ Ср. еще *оди́ро-дыл* [куда вы?] (с *-тыл* после наречия „куда“) и т. д. На этой самостоятельности *-тыл* основано утверждение автора, что «*-тыл* и *-не* могут быть названы „знаком множественного числа“, но они с таким же успехом могут рассматриваться и как самостоятельные слова». Впрочем, автор здесь допускает неточность. Самостоятельность *-тыл* не мешает ему быть все же показателем множественного числа. Она, эта самостоятельность, лишь меняет морфологическую характеристику *-тыл*, превращая его, например, в грамматическую частицу, служебное слово или что-нибудь в этом роде.

К п. 85. В приводимой автором парадигме допущена одна ошибка: абсолютный или неопределенный падеж он называет именительным.

Окончание дательного падежа *-ыйге*, о котором говорит автор, ныне произносится *-еге*: *сарам-еге*.

К п. 86. Автор совершенно прав, когда он отрицает за частицей *-нын*, *-ын* значение падежного показателя. Что касается частиц *-га*, *-и* и *-сө*, то в оценке их автор допускает серьезную ошибку. Отрицая за частицей *-сө* падежное значение, автор, видимо, исходит из этимологических соображений. Действительно, частица *-сө* восходит к глаголу **исида* (быть), являясь его деепричастной формой (*исө* или *ис'ө*). Однако нельзя закономерности одной эпохи подменять закономерностями другой. В настоящее время бесспорно, что частица *-сө* является падежной, конструируя серию локативных падежей, которые формально образуются путем присоединения *-сө* к другим падежным окончаниям (*нуль + сө*, *-ро + сө*, *-е + сө*, *-еге + сө*, *-кке + сө*). Что касается частиц *-га* и *-и*, то отрицание за ними значения име-

нительного падежа является голословным. Оно не подкрепляется даже этимологическими соображениями. Если *-га*, как утверждает автор, имеет детерминативное, ограничительное значение, то это говорит о том, что падежный показатель несет еще какие-то дополнительные функции (если только он несет таковые), что связано с наличием другого показателя подлежащего, так называемого неопределенного падежа, а не об особой непадежной семантике окончания. Кстати, сопоставление корейского *-и* и *-га* с японским *-га* побивает самого автора. Давно известно, что в японском языке частица *-га* имеет чисто падежную функцию, являясь показателем именительного падежа. Что касается попытки противопоставить окончание *-га* окончанию *-и*, то она явно несостоятельна. В современном языке это функционально тождественные частицы-окончания. Различие между ними объясняется исключительно характером той основы, к которой они присоединяются: *-га* следует за гласной основой, а *-и* — за согласной. Из этого следует, что в парадигму помимо указанных автором падежей надо включить еще именительный на *-га* и *-и*, а также серию локативных на *-ро*, *-сө*, *-еге* и т. д.

К п. 91. Утверждение автора о функции полного родительного мало обосновано фактическим материалом. Трудно согласиться с ним относительно того, что полный родительный оформляет слова, означающие живые существа и „особо значительные вещи“. Автор этого не показал. Скорее всего, когда надо выразить атрибутивное отношение двух имен, то выбор между родительным и „именительным“ (по терминологии автора, а на деле неопределенным) объясняется необходимостью разграничить конкретное значение от значения обобщенного (вроде русского „поля колхоза“ и „колхозные поля“; только в русском это достигается противопоставлением двух частей речи: имени существительного и притяжательного прилагательного). Известную роль играет также необходимость противопоставить атрибутивное словосочетание, выражающее единое понятие, атрибутивному словосочетанию, где определение выражает случайный, нетерминологизирующий признак [ср. *чосонсарам* (кореец) без оформления родительным падежом, как единое понятие, но *кы сарам-ый ирым* (имя этого человека) с оформлением родительным падежом].

К п. 94. Указанное автором окончание дательного падежа ныне произносится как *-еге*.

К п. 99. В корейском языке есть целый ряд выражений, в состав которых входит неясная по своему происхождению частица-окончание *-и* (которую не следует смешивать с окончанием именительного падежа *-и*); в ряде случаев слова, оформленные этим *-и*, можно толковать как обстоятельства-наречия. Автор пытается объяснить это *-и* как остаток некогда существовавшего, по его мнению, особого падежа, который он называет инструктивным. Попытка эта представляет несомненный интерес. Однако, к сожалению, автор так и не объясняет, что же он имеет в виду под этим падежом. О функциях инструктивного падежа не говорится ни слова. В конечном итоге

весь параграф превращается в собрание примеров, в составе которых имеется этот гипотетически восстанавливаемый падеж с неясными, видимо, и для самого автора функциями. Сопоставление с маньчжурским ни о чем не говорит, поскольку автор упрекает маньчжуристов в том, что они неверно понимают этот падеж, принимая его за родительный.

К п. 131—133. В этих параграфах автор развивает положение о наличии в корейском языке так называемого *будуще-прошедшего* и *прошедше-будущего* времени. Это наименее удачные параграфы в главе о глаголе. Вся теория Рамстедта о *прошедше-будущем* и *будуще-прошедшем* верна лишь в формальной части. Действительно, такие формы как *поаккетта* являются *прошедше-будущим* в том отношении, что они образованы из сочетания морфем *прошедшего* и *будущего* времени. Но такие образования не означают ни *прошедшего* в *будущем*, ни *будущего* в *прошедшем*. Морфема *прошедшего* времени здесь имеет чисто временное значение, но морфема *будущего* времени имеет только *модальное* значение. Таким образом вся форма в действительности означает: „*повидимому, видел*“, „*должно быть, видел*“ и только. Такую форму можно было бы скорее назвать с точки зрения содержания *прошедшим* *недостоверным*, но никоим образом не *прошедше-будущим*. Точно также чисто формален термин „*будуще-прошедшее*“, поскольку он отражает только формальный состав таких образований как *погессэ(тта)*, в которые входят последовательно морфемы *будущего* и *прошедшего* времени. Нам кажется, кроме того, маловероятным употребление „*будуще-прошедшего*“ в качестве формы законченной предикации; это скорее всего форма *придаточных* предложений типа „если бы я делал то-то и то-то в прошлом“. Опять-таки и тут время одно — *прошедшее*; окончание же *-кет-* вносит идею *модальности*, о чем убедительно говорит следующий пример: *катхын капс-е, мөккессөссьмөн и гэс-ыл мөчънын көс-и чоаккетта* [если бы я ел, то я бы лучше съел это (а не то)].

Выходит, таким образом, что автор смешал в этих параграфах довольно элементарные вещи: формальное время с семантической модальностью. Отсюда его неверные переводы, которые мы постарались устранить.

К п. 134. „Причастие настоящего времени; его признак — окончания *-нйн*, *-нын*“.

В настоящее время данное причастие имеет только одно окончание *-нын*. Окончание *-нйн* принадлежит старому литературному языку. Там оно употреблялось наряду с *-нын*.

К п. 136. „... дал декларативную форму „низкого штиля“ речи: *-нйнда*, *нында*...“

В современном языке осталась только одна форма *-нында*. Указывая две формы, автор имеет в виду старый литературный язык, где законы гармонии гласных требовали двух вариантов одного и того же окончания.

К главе IV в целом. Вся эта глава носит название „Неизменяемые слова“. Название явно неудачно, поскольку наречия, о которых говорит автор в предыдущей главе, тоже являются неизменяемыми словами. Скорее всего эту главу следовало бы назвать „частицы речи“, поскольку в ней в основном рассматриваются те слова, которые играют чисто грамматическую роль, приближаясь в некоторой степени к агглютинативного типа „прилепам“. Что касается онома-топозитических слов, то автор напрасно отделяет их от наречий. На самом деле это особая группа наречий. Как таковую, ее надо было рассматривать в предыдущей главе.

К главе V. Предупреждаем читателя, что первая часть этой главы, посвященная именам с суффиксами, является этимологическим исследованием. Ни один из перечисляемых автором суффиксов не является ныне продуктивным. С помощью его нельзя образовать ни одного нового слова. Наоборот, вторая часть главы, посвященная „образованию имен“, является в основном исследованием продуктивной суффиксации современного корейского языка за некоторыми незначительными исключениями.

К п. 332. В этом параграфе автор перечисляет, как правило, продуктивные суффиксы именного словообразования. Правда, при этом он допускает некоторые неточности. Так, например, он рассматривает как равноправные суффиксы *-хый*, *-чанги* (или, добавим от себя, *-чэнги*, что более соответствует норме современного литературного языка) и *-кан*. На самом же деле подлинным суффиксом именного словообразования является только *чанги* или *чэнги* (обычно наименование лиц, занимающихся тем или иным ремеслом, профессией); *-хый* — это показатель множественного числа и потому не может быть поставлен в один ряд с такими суффиксами, как *чэнги*. Что же касается *-кан*, то это полноценное слово и оно является в сложных словах их вторым элементом. Если считать его суффиксом, то таким же суффиксом надо считать и *-ход* в русских словах типа *пароход*, *теплоход*, *вездеход*, *скороход* и т. д. Такое смешение понятий, впрочем, легко объяснимо. Насколько мы понимаем, автор стоит на той точке зрения, что суффиксальное словообразование принципиально ничем не отличается от сложносоставного слова. Выходит, таким образом, что слова типа *учи-тель*, *сея-тель*, *писа-тель* ничем принципиально не отличаются от слов типа *пар-о-ход*, *пар-о-воз*, *мин-о-мёт*. Это к тому же оправдывается и некоторыми историко-теоретическими соображениями. Поскольку в корейском языке продуктивные суффиксы легко этимологизируются, поскольку, например, в слове *мок-су* (плотник) легко вскрывается значение суффикса (*-су* восходит к слову „рука“), постольку, действительно, получается, что с исторической точки зрения всякое суффиксальное слово является сложносоставным. Все же ошибка автора очевидна. Он принимает прошлое состояние языка за настоящее, — вещь, явно недопустимая.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	5
Предисловие автора	17
Введение. Как пишут корейцы	19
Глава I. Фонетика	21
Согласные	21
Гласные	39
Количество (длительность) гласных	43
Гармония гласных	45
Звучание	49
Ударение	51
Глава II. Морфология	53
Общие замечания	53
Имя	55
Склонение	58
Местоимение	70
Неопределенные числительные	77
Числительные	78
Количественные числительные	79
Порядковые числительные	83
Классификаторы	83
Глагол	85
Общие замечания о спряжении	85
Глагольные формы законченной предикации	97
А. Утвердительное изъявительное	97
Простые образования	97
Прочие образования изъявительного наклонения	101
Вежливые (учтивые) формы сказуемого	105
Б. Глагол в вопросительных предложениях	109
В. Формы воления (волеизъявления)	111
Деепричастия	118
Глагольные имена (причастия)	138
1. Глагольные прилагательные	138
Сложное причастие будущего времени	143
Особые послепричастные имена	143
2. Глагольные имена существительные	157
Вторичные глагольные основы	163
Фактитив	169

Прочие отглагольные глаголы	172
Отымённые глаголы	174
О специфическом употреблении некоторых глаголов	176
Глава III. Послелог и наречия	186
Именные послелог	186
Глагольные послелог	192
Наречия	194
Отрицательные наречия	196
Наречия места	196
Наречия времени	197
Наречия качественные и модальные	198
Наречия количественные	199
Глава IV. Неизменяемые слова	201
Экклитики	201
Междометия	206
Ономатопеэтические слова	206
Глава V. Словообразование	209
Имена с суффиксами	209
Образование имен	215
Глава VI. Структура предложения	219
Примечания	226

Редактор *Н. Кондрашов*

Технический редактор *Е. Герасимова*

Корректор *О. Малих*

Сдано в производство 13/V 1951 г. Подписано к печати 15/VIII 1951 г. А 07225.
 Бумага 84×108¹/₃₂=3,6 бум. л.—11,8 печ. л. Уч.-издат. л. 11,7. Изд. № 13/1199.
 Цена 10 р. 60 к. Заказ 2617.

Набрано в Первой Образцовой типографии имени А. А. Жданова
 Главполиграфиздата при Совете Министров СССР. Москва, Валуевская, 28.

Отпечатано с набора в тип. Трудрезервиздата. Москва, Хохловский, 7.